

СЕРГЕЙ СИНЯКИН
ЛЕБЕДИ КАССИЛЫ

СЕРГЕЙ СИНЯКИН

ЛЕБЕДИ КАССИДЫ

ВОЛГОГРАД
Нижне-Волжское
книжное
издательство
1991

ББК 84Р7—4(2Р—4Волг)
С38

Синякин С. Н.
С38 Лебеди Кассиды: Повести.— Волгоград:
Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1991.— 176 с.

В книгу волгоградского литератора С. Синякина вошли три фантастические повести: «Красный рассвет», «Резервация» и «Лебеди Кассиды».

Первая — о трагической ситуации выхода из-под контроля главного компьютера станции противоракетной обороны в США и совпадающей по времени ядерной катастрофы в Южной Азии.

Вторая — с проблематикой чисто литературной: писатель и жизнь. И третья — о судьбах человеческих времен межпланетных путешествий.

С 4702010201—007 9—91
М 151 (03)—91

ББК 84Р7—4(2Р—4 Волг)

ISBN 5—7610—0259—0

© Синякин С. Н., 1991.

КРАСНЫЙ РАССВЕТ

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
ИЮЛЬ 2009 ГОДА

Автострада уходила к холмам на горизонте.

На асфальтовом пятаке рядом с автозаправочной станцией, что притулилась на выезде из городка, бросал в самодельное кольцо оранжевый мяч двенадцатилетний подросток в вылинявшей майке и белых шортах. За его упражнениями из отбрасываемой рекламным щитом тени внимательно наблюдала большая рыжая собака.

Мир плавился от полуденной жары. Хотелось лежать без движения, как собака под рекламным щитом. Владелец заправки каждые несколько минут вытирался тяжелым влажным полотенцем, кляня некстати сломавшийся кондиционер.

К заправочной станции свернул грузовик. Кузов грузовика был обтянут брезентом, вдоль которого краснела длинная надпись. Из кабины грузовика выпрыгнул молодой долговязый негр в кожаной безрукавке и потертых джинсах. Оранжевый мяч ударился о ребро кольца и отлетел негру под ноги. Водитель ловко подхватил мяч и, гибко изогнувшись, метко бросил его в кольцо, вызвав бурное восхищение подростка. Толстый владелец заправки одобрительно поаплодировал.

Негр достал бумажник и оплатил бензин. Он снова забрался в кабину, наблюдая, как подросток заправляет машину. Едва тот вставил наконечник шланга в гнездо колонки, машина зарычала, выкатываясь на бетон автострады.

В лицо водителю было солнце, и он опустил щиток. Ловко пользуясь одной рукой, негр закурил сигарету, смял пустую пачку и, выпустив клуб дыма, принял на свистеть незамысловатую мелодию. Потянувшись к приборной панели, он поправил фотографию, на которой смеялись два маленьких негритенка, обнимающих за шею улыбчивую мать.

Водители, совершающие долгие рейсы, одинаковы во всем мире. Машина для них является вторым домом, и они стараются максимально обжить кабину, kleя внутри полуубежденных красоток, подвешивая талисманы и расставляя фотографии родных. В этой машине у ветрового стекла весело покачивался Майти Маус.

Мелькнул указатель поворота. Водитель сбросил скорость, и Майти Маус начал раскачиваться на своей нитке. Негр подмигнул фотографии, весело сверкнув ослепительными прекрасными зубами, и в это время впереди что-то сверкнуло. По стеклу кабины мерцающей полоской побежала радуга. Улыбаясь по инерции, водитель нажал педаль тормоза.

Грузовик юзом пошел по шоссе, нелепо занося вперед полуприцеп, и вдруг взорвался. Пылающие обломки его медленно поплыли в буром облаке пыли и дыма, послышался звон рассыпающегося стекла, и в облаке дыма медленно закувыркался пылающий Майти Маус.

Подросток у заправки, уронив мяч, уставился на столб дыма, встающий где-то вдали на автостраде.

И в это время тоскливо завыла собака.

Мероприятия в Америке проводить умеют. Похоже, что на все случаи жизни у американцев имеются подходящие сценарии. Порядок постановки вопросов на пресс-конференциях оставляет зал в напряжении до окончания встречи. Участники знают свои роли: журналисты умело задают вопросы, создавая выступающим необходимое «паблисити» и давая им блеснуть юмором и эрудицией; выступающий — от конгрессмена до представителя муниципальной службы — старается выглядеть как новенький доллар, демонстрируя собравшимся готовность к сотрудничеству, вежливость, такт, знание предмета и личное обаяние.

Огромный зал был заполнен журналистами, приглашенными госдепартаментом. Чиновники были деловиты и высказывались с подкупающей откровенностью. Журналисты в этот раз были нетерпеливы и даже назойливы, они засыпали представителей госдепартамента самыми разнообразными вопросами. В зале было душно и накурено, несмотря на предупредительные таблички, призывающие воздержаться от курения.

— Флетчер, «Вашингтон пост», — представился очередной журналист. — Мистер Кларк, как долго будет продолжаться процесс разоружения?

Чиновник отработанно улыбнулся.

— Процесс этот, несомненно, будет длительным. Составы комиссий по контролю за разоружением в разных странах Советом ООН уже определены. Но как долго будет длиться сам процесс, можно только предполагать. Хочу отметить, что сам факт принятия этого исторического решения правительствами государств с различным общественным строем говорит о том, что отныне человечество вступает в новый этап своего развития. Отныне и навсегда населению планеты будет реально гарантировано право на жизнь!

В зале вспыхнули дружные аплодисменты.

Еще один журналист выкрикнул свой вопрос с места:

— Хартией определено, что для поддержания внутригосударственного порядка за правительством остается право на сохранение части военной техники. Какова эта часть? И что понимается под термином «военная техника»?

Круглолицый чиновник терпеливо переждал, пока шум в зале стихнет. Он, словно опытный дирижер, руководил поведением зала.

— Разумеется, что речь идет не о средствах массового уничтожения,— разъяснил он.— Речь идет о некоторых видах стрелкового оружия и техники, которой уже оснащены подразделения полиции. Конкретная же регламентация этих средств найдет свое место в соглашениях, оформленных в соответствии с Хартией о разоружении и санкционированных Комитетом по разоружению.

Задавший вопрос журналист встал.

— Господин Кларк, означает ли это, что поправка Конституции США, позволяющая гражданам иметь огнестрельное оружие в личном пользовании, будет пересмотрена?

Представитель госдепартамента задумчиво оглядел зал.

— Хороший вопрос,— одобрительно отметил он.— На протяжении многих лет эта поправка играла важную роль в жизни американского народа. Но разве общество не движется по пути прогресса? С развитием мировой законности будет изменяться и государственная. В настоящее время вопросы личного пользования огнестрельным оружием решаются не только в США, но и в других странах.

— Не вызовет ли это к жизни законопроекты,

ограничивающие возможность пользования огнестрельным оружием со стороны граждан?

— Несомненно, — решительно сказал Кларк. — Не думаете ли вы, что наше законодательство настолько совершенно, что не нуждается в реформах? Изменения будут, и они будут тем решительнее, чем энергичнее будет осуществляться процесс разоружения.

В первом ряду поднялась худенькая миловидная женщина, державшая в руках большой серый блокнот. Узкий разрез удлиненных глаз выдавал ее азиатское происхождение.

— «Чайна кроссворд», Гонконг, — представилась она. — Мистер Кларк, верно ли, что ряд государств, в том числе и Исламия, отказались подписать Всемирную Хартию о разоружении? Какие меры могут быть приняты к государствам, отказавшимся соблюдать Хартию?

— Совет Безопасности ООН рассмотрел вопросы применения к этим государствам экономических и политических санкций. Государства, которые отказались подписать Хартию, немного, Исламия действительно в числе этих государств. По инициативе Совета Безопасности в ближайшее время Генеральный секретарь ООН и главы государств, отказавшихся подписать Хартию, соберутся в Сен-Дени на консультативное совещание.

— Что будет, если Исламия все-таки откажется соблюдать положение Хартии? — выкрикнул кто-то из зала под одобрительный шум остальных.

— Вопрос анонимен, — добродушно заметил Кларк. — Поскольку он заинтересовал всех, я поступлюсь своим правилом не отвечать на анонимные вопросы.

Думаю, что у Организации Объединенных Наций найдутся возможности и средства, чтобы заставить меньшинство выполнить волю всего человечества. Нам потребовались века, чтобы преодолеть взаимные подозрения и сделать решительный шаг, ограничивающий бесплодную гонку вооружений. Неужели мы поставим выполнение принятого исторического решения в зависимость от нескольких государственных деятелей, действующих вопреки воле собственных народов?

Зал снова загудел. Со своего места вскочил пожилой корреспондент, увешанный аппаратурой, словно рождественская елка игрушками.

— Означает ли это возможность оккупации непри-

соединившихся к Хартии стран международными войсками?

— Исключить такой шаг со стороны Совета Безопасности я не могу,— развел Кларк руки.— Мне кажется, что это возможный, но не единственный путь. Нельзя допустить, чтобы из-за глупого упрямства одного пострадали интересы всего человечества. Разумеется, я выражаю в данном случае свое личное мнение, не являющееся точкой зрения моего правительства.

— Куда пойдут освободившиеся средства? — спросила журналистка из Гонконга.

Кларк явно обрадовался смене темы.

— Нам есть куда потратить эти колоссальные средства. Все вы знаете, что США и Советский Союз внесли в ООН проект экономического развития группы развивающихся африканских стран. Стоимость его более ста миллиардов долларов. На эти деньги будут построены школы, больницы, заводы, жилье. Согласитесь, что это нужная и единственная помощь, если учесть, что каждый третий африканский ребенок голодаает, что на африканском континенте еще процветают болезни, каких уже давно на Земле не должно быть... А проект Космограда? Нам есть куда потратить наши миллионы...

Кларк не договорил. Подошел служащий, протягивающий чиновнику трубку радиотелефона. Некоторое время Кларк слушал не перебивая невидимого собеседника. Улыбка медленно сходила с лица чиновника. Кларк растерянно возвратил трубку служащему.

— Что ж, господа,— овладев собой, сказал он ждущему залу.— Я думаю, что наша беседа окажется полезной для обеих сторон. В заключение я еще раз хочу подчеркнуть, что Соединенные Штаты Америки всецело поддерживают идеи разоружения и будут принимать все меры, чтобы принятая народами мира Хартия в самые короткие сроки нашла свое воплощение в конкретных делах. Президент просил заверить собравшихся, что Штаты будут содействовать освобождению планеты от всех видов вооружения всеми имеющимися в их распоряжении средствами и силами, и надеется, что наша позиция найдет свое объективное отражение в мировой прессе.

Небо походило на опрокинутую чашу, наполненную синевой. Огромный «боинг» компании «Пан Американ»

лег на разворот, и под его крыльями проплывала земля, аккуратно расчерченная на квадраты полей.

В стороне коричнево-зеленой цепью вставала гряда холмов

— Выходим точно на радиомаяк,— весело сказал плотный рыжеватый и веснушчатый пилот.— Через пятнадцать минут мы увидим Фриско.

Он включил приемник, и в кабине зазвучала веселая эстрадная мелодия.

— Рик,— сказал пилот своему молодому черноусому напарнику.— Я заметил, что в последнее время твоя курочка не приезжает в аэропорт. Вы поссорились?

— Курочка нашла себе петушка,— хмуро отозвался тот.— Она сошлась с одним воякой.

— Скоро этот вояка останется безработным! — Плотный пилот засмеялся.

— Может быть,— пожал плечами напарник.— Я не думаю, чтобы мне это особенно помогло.

«Боинг» шел над холмами.

— Смотри, Сил! — молодой пилот показал вниз.— Какая занятная штука! Раньше ее не было.

— С нынешними темпами строительства здесь можно через сутки увидеть Эмпайрз Билдинг,— проворчал веснушчатый.— Так что ты увидел, Рик?

— Вон там — у высокого холма. Знаешь, что она мне напоминает?

Слепящая вспышка залила стекла кабины, раскидывая пилотов.

«Боинг» начал стремительно снижаться, разваливаясь в воздухе на пылающие куски.

В эфире продолжала звучать веселая эстрадная песенка.

**СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
ИЮЛЬ 2009 ГОДА**

К вечеру восставшие захватили пригородные районы Имамабада и стало ясно, что падение диктатуры генерала Уль-Рааба лишь дело времени. Восставшие контролировали большую часть страны, и их поддерживали мелкие торговцы, земледельцы и многочисленные ремесленники. Хуже того — на сторону восставших начали переходить армейские подразделения. Первые зеленые знамена взмыли над крышами захваченных высотных зданий в пригородах Имамабада. Восставшие оставили государственный флаг неизменным. Они

лишь убрали в нем желтую полосу и сделали полумесяц и звезду красными в память о жертвах режима.

Генерал Уль-Рааб ужинал, когда ему доложили, что исламские всадники захватили международный аэропорт и отрезали все пути отступления из города. Генерал неторопливо встал, аккуратно промакнул губы крахмальной салфеткой, прошел в соседнюю комнату и возвратился в белом парадном мундире с золотыми эполетами и витыми ремнями. Как всякий деспот, Уль-Рааб питал пристрастие к золотой мишуре.

Он прошел в правительственный зал, сел в кресло, и к нему склонили правительственные знамя. Генерал поцеловал полумесяц на стяге, поднял от знамени гладкое бритое лицо и, глядя на присутствующих, произнес историческую фразу:

— Они этого хотели!

Что имел в виду диктатор, выяснилось уже к утру.

Исламские всадники вышли в центр города и осадили резиденцию диктатора.

— Аллах с нами! — кричали восставшие. — Сам пророк несет наше знамя!

Войска диктатора отступали, неся потери. Исламские всадники были вооружены захваченными на армейских складах ракетными снарядами «Лайт» с компьютерной наводкой и пользовались ими весьма умело.

Город замер в ожидании резни.

Посольства иностранных государств были закрыты. Дипломаты жгли шифры и секретные документы. Гарантировать безопасность посольств правительство Уль-Рааба уже не могло, а исламские всадники законов дипломатии не знали, неверных не любили, и во всех вопросах упирались на Аллаха и свой здравый смысл.

В пригородах шли погромы.

Истошно вопили женщины, предсмертно хрипели раненые солдаты, добиваемые в госпиталях исламскими всадниками. Полковника Яхъя Рията, зверствовавшего в свое время в зоне племен, повесили за ноги на уличном фонаре, и он висел с черным от прилившей крови лицом.

Около резиденции диктатора жирно чадили бронетранспортеры, подожженные снарядами повстанцев. Один бронетранспортер перевернулся, раздавив пытающихся спасти солдат, и жирные мухи имамабадских рынков уже кружили над черными лужами быстро подсыхающей крови.

Аятолла Сааддин, лидер «Джаамат и-Ислами»,

еще вчера прятавшийся от ищек диктатора в зоне племен, обещал полтора миллиона тому, кто доставит ему голову генерала Уль-Рааба.

Год назад такую же сумму обещал генерал, но за голову аятоллы.

Первые разведчики уже целились «Лайтами» в чугунные ворота резиденции диктатора, уже подписывал свой первый и последний указ худой бородатый аятолла; волею Аллаха ниспровергнувший проклятую тираннию и провозгласивший на измученной земле вечную власть Пророка; потянулись от столицы машины с товарами из разгромленных магазинов, когда генерал Уль-Рааб допил ледяной сок, откинулся со стола потайную крышку, прятавшую кнопку, готовую поддаться движению пальца.

Радиостанции разнесли последнее обращение диктатора на всю страну.

— Уважаемые сограждане! — слушал диктатор собственный голос, несущийся из динамика приемника. — В этот трудный час, когда кровавые банды Сараддина бесчинствуют на улицах столицы, когда слабеет сопротивление истекающих кровью защитников цитадели законного правительства, когда страна залита слезами матерей и жен, переполнена горем и болью, я обращаюсь к вам.

В кровавом упоении и по неведению своему вы радуетесь страшной бойне, развязанной в нашей стране.

Аллах прощает вас, и я тоже прощаю вам то, что вы творите сейчас, прикрываясь именем великого Пророка!

Шесть лет назад я был избран вами президентом нашей многострадальной родины и старался исполнить свой долг, как подобает истинному правоверному и честному гражданину.

Выступив против своего правительства, вы попрали собственную волю, которая привела это правительство к власти.

В свою очередь я не могу бороться с избравшим меня народом.

Мы вместе жили и делили поровну радости и горькую нужду.

Поэтому я не могу покинуть вверенного мне вами поста.

И если вы отвергаете меня, если вы втаптываете в грязь свое собственное правительство, нам с вами остается одно — умереть вместе, как мы жили!

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
17 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Саймон с трудом держал телефонную трубку.

Обычно моложавый и улыбающийся, президент обрюзг и сейчас выглядел именно тем, кем был,— старым больным человеком.

— Сколько было на «боинге»? — спросил президент.

Выслушав ответ, он положил трубку и связался со своим помощником по другому аппарату.

— Что нового, Гарри?

Ответ помощника звучал неутешительно. Вертикальная морщина на высоком лбу президента стала еще резче.

— Двадцать минут назад в районе ЭЛСПРО-2 сбит «боинг», — сообщил он своему другу и помощнику.— На борту самолета было почти шестьсот пассажиров. Это чудовище, Гарри! Если его нельзя остановить, то необходимо просто уничтожить!

Закончив разговор с президентом, помощник осторожно положил трубку на рычаг аппарата. Лицо Гарри Анверсона было усеяно мелкими капельками пота. Под глазами четко обозначились темные круги.

— Очередная накачка, Гарри? — полюбопытствовал сидящий за столом человек в белом халате. Человек потягивал сок из высокой бутылочки.— Скажите, что мы делаем все возможное.

— Он сбил «боинг», — сказал Анверсон.— Там было шестьсот человек.

Доктор звучно подавился соком. Полное лицо его побагровело. Бутылка со звоном разбилась о пол, и сок растекся среди осколков причудливой желтой лужицей.

В наступившей тишине стало слышно, как где-то неподалеку металлический голос равнодушно повторяет ряды цифр:

— ... пятьсот девяносто один... пятьсот девяносто два...

Генералу Бакту было около шестидесяти лет. Благодаря постоянным тренировкам он выглядел гораздо моложе. Длительные утренние занятия в спортзале, служившие поводом для зубоскальства подчиненных, помогали генералу держать вес.

Сейчас генерал непривычно сутулился.

— Это невозможно,— сказал он.— С воздуха лазерную станцию противоракетной базы не достать. ЭЛСПРО предназначены для защиты страны. Вы знаете это не хуже меня.

— Это ваше детище, генерал,— голос Саймона звучал раздраженно.— Армия хотела получить ЭЛСПРО, армия ЭЛСПРО получила, следовательно, армия и должна заткнуть ей пасть.

Бакт вытер лоб большим цветным платком.

— Мы пытались это сделать,— доложил он.— ЭЛСПРО сожгла семь крылатых ракет. Последнее звено мы запустили с разных стартовых комплексов и почти одновременно. Если бы не случившееся, я бы отметил высокую эффективность станции.

— О ее эффективности мне докладывают ежесменно,— мрачно сообщил Саймон.— Шесть грузовиков, «боинг», сбитый час назад, вертолет федеральной полиции... На чью совесть мы отнесем все эти жертвы, Брюс? Скажите откровенно, вы будете спокойно ждать Страшного Суда?

Бакт промолчал.

— Русские могут обвинить нас в саботаже Хартии,— резюмировал президент.— Боюсь, что наши оправдания не покажутся им убедительными.

— Я понимаю, что всех бы устроило, чтобы станция замолчала в ближайшие часы. Мы ищем решение. Все дороги и воздушные коридоры на Сан-Франциско перекрыты, и жертв больше не будет. Я за это ручаюсь. Нам необходимо время.

— Времени у нас нет, Брюс. Я жду официального запроса русских. Глупо думать, что их разведка работает хуже нашего ЦРУ. И не сбрасывайте со счетов газетчиков, они еще попортят нам кровь.

Провинциальный городок не видел такого столпотворения со дня своего основания. Смешанные полицейско-армейские патрули перекрывали дороги на запад.

На шоссе выехал открытый легковой автомобиль. В автомобиле сидела молодая пара. На заднем сиденье весело возились близнецы в одинаковых красных комбинезончиках, пытаясь в одиночку завладеть игрушечным телевизором, показывающим трехминутный мультфильм про утенка Дональда.

Навстречу машине шагнул регулировщик в черном

кожаном костюме и белом шлеме. Регулировщик поднял руку в белой краге, останавливая машину.

— Дорога перекрыта,— сказал он.— Вам придется вернуться назад.

— А в чем дело? — поинтересовался водитель.

Близнецы прекратили ссору и с интересом уставились на полицейского.

Тот пожал плечами.

— Говорят, что впереди большая авария,— неохотно сказал он.— Нам приказано никого не пропускать к холмам.

Голубая автомашина развернулась.

Малыши с заднего сиденья принялись махать полицейскому руками.

— Мы потеряем полдня,— обеспокоенно сказала водителю жена.

Тот усмехнулся.

— Я же здесь родился,— заговорщики подмигнул он жене.— В пяти милях отсюда есть проселочная дорога. Копы не догадаются ее перекрыть. По этой дороге уже десять лет даже собаки не бегают.

— Обстрел базы оказался безрезультатным. Станция подрывает ракеты в воздухе. Обесточить ЭЛСПРО мы не сумеем по той простой причине, что база снабжена собственной энергетической установкой. Это было предусмотрено проектом.— От утренней растерянности генерала Бакта не осталось следа. Он снова был молодцеват и подтянут.— На заседании начальников объединенных штабов было принято единственно возможное в данной ситуации решение — пробиваться к станции небольшой группой хорошо обученных командос.

Саймон устало смотрел на генерала.

— Район перекрыт силами частей особого назначения и федеральной полиции. Команда подобрана и уже приступила к изучению объекта. Жертв больше не будет.

— Хотелось бы поверить вам, генерал,— вздохнул Саймон.— Запрос русских поступил час назад. Я был с ними откровенен.

— Зачем? — генерал Бакт был обескуражен.— Надеюсь, что это не повредит. Вы сообщили русским, что мы полностью контролируем ситуацию?

— Более того,— сказал президент.— Мне уже до-

ложили, что коммандос — наша единственная надежда. Я предложил русским включить в группу проникновения их людей.

— Вы не доверяете нашим парням?

— Я хочу, чтобы русские доверяли нам. Возникли непредвиденные осложнения на востоке. По сообщению нашего посла правительство Уль-Рааба в Исламии доживает последние дни. Если в Исламии к власти придет группировка аятоллы Сараддина, выступающая за превращение страны в теократическое государство, процесс разоружения может затянуться на неопределенно долгое время. Я не могу ждать.

— Хотите войти в историю? — усмехнулся Бакт.

Саймон улыбнулся ответно.

— Может быть, генерал. Но в данном случае — увы! — причина более прозаична. У меня определенные обязательства перед деловым миром Америки.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 10.30

— Вот фарисей! — Холоран сплюнул.— Бьюсь об заклад, эта сволочь искренне верит в то, что она говорит!

Он выключил приемник.

— Его песенка спета! Аятолла с него сдерет шкуру на седло для своего жеребца!

Посол грузно плюхнулся в кресло, взял в руки микрофон.

— Как там с архивами, Мартин?

— Все нормально,— доложили по селектору,— бро-саем в огонь последнюю пачку. Горит наша диплома-тия!

— Хорошо горит? — ухмыльнулся Холоран.— А что видно у соседей?

Рядом с американским посольством находилось советское. Здания прилегали друг к другу, образуя угольник, в котором располагался разделенный стеной парк.

— То же, что и у нас,— сообщил Мартин.— Столб дыма выше статуи Свободы. Думаю, что им есть о чем заботиться. Исламские всадники любят серп и молот так же, как звездно-полосатый флаг!

— Заканчивайте, Мартин! — приказал посол.— Я загляну к Лебедеву. Мы теперь на равных, а? Кстати, ты видел Джая?

Джей был его сыном. Жена Холорана уже с месяц находилась в Штатах, и посол жалел, что не отправил с ней сына. В смутное время это было бы самым правильным решением. Исламская революция началась неожиданно, и страна оказалась под знаменем Пророка в течение нескольких дней. Разумеется, во всех посольствах знали о готовящемся путче аятоллы, но командный состав правительенной армии убежденно заявлял, что силы аятоллы незначительны и готовящийся переворот обречен.

— Джей был здесь,— сказал Мартин.— Наверное, он убежал к русскому дружку.

Джей и сын русского посла Лебедева были одногодками и учились в посольской школе, открытой год назад в рамках культурной программы ЮНЕСКО. Подростки быстро сдружились, и сам Холоран часто повторял, что дети понимают друг друга куда лучше взрослых, а однажды в шутку заметил, что было бы совсем неплохо, если бы дипломатия занимались не искушенные жизнью и оттого недоверчивые мужчины, а именно еще доверяющие друг другу дети. Возможно, что тогда на планете воцарился бы мир. Процесс разоружения не означал, что тайная война дипломатов изжила себя, напротив, расширение экономических связей означало обострение дипломатической борьбы.

— Ладно,— сказал посол.— Если Джей появится, ты его никуда не отпускай. Я скоро вернусь.

Он направлялся к русскому послу не без тайного умысла. Прощупать позицию соперника лучше всего в экстремальной ситуации — тогда человек раскрывается и его отношение к происходящему легче понять. Аятолла Сааддин становился с победой исламской революции реальной политической фигурой. Глупо было думать, что он уступит свои позиции после победы. Неизбежно, что последующие шаги будут направлены на установление отношений с аятоллой. Пусть он в своих выступлениях клеймит и американских империалистов и русских безбожников, в душе он отлично осознает, что политическая самостоятельность Исламии невозможна без соответствующей экономической базы. Аятолла может размахивать зеленым флагом сколько угодно, может звать правоверных на смертный бой с империализмом и коммунизмом, с индейцами, китайцами, с дьяволом, наконец, но народ нужно кормить. А когда страна в петле кабальных займов и долгов, быстро начнешь соображать, что необходимо, и тогда

аятолла начнет маневрировать, начнет заигрывать с теми, кого публично клеймил, начнет подсчитывать возможные выгоды от тех и других. И тут главное — успеть сказать свое раньше или весомее соперника.

Русский посол сидел в холле, листая какую-то пеструю книжицу.

В городе слышались автоматные очереди и редкие разрывы ракетных снарядов.

Послы пожали друг другу руки.

— Слышали? — без вступления спросил Холоран.

— Вы о чем? — Лебедев бросил книжку на стол и протянул американцу сигареты. Русский посол курил «Краснопресненские», которые в американском посольстве называли почему-то «полпредовскими».

— О выступлении, конечно, — Холоран закурил и сел в кресло напротив русского посла.

— Вас тревожит его обещание умереть вместе с народом? — осведомился тот.

Холоран обругал себя в душе за выключенный приемник.

— Я слушал не до конца, — признался он. — После его напыщенных слов о единении с народом и братском дележе радостей и горестей я выключил приемник.

Русский посол включил лежащий на столе «кассетник», и гулкий холл заполнился голосом диктатора.

«И если вы отвергаете меня, если вы втаптываете в грязь свое собственное правительство, то нам с вами остается одно — умереть вместе, как мы жили!»

Уль-Рааб произнес свое обращение к народу на английском языке, являющемуся официальным языком Исламии. Холоран обратил на это внимание только сейчас.

— Впечатляет? — спросил русский посол, внимательно наблюдая за Холораном.

— Почему он говорил на английском? — подумал вслух американец.

— Я думаю, потому, что это обращение касается больше нас с вами, чем его собственного народа, — сказал русский.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
17 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 16.35

В маленьком зале троє в тренировочных костюмах внимательно смотрели на экран телевизора. На большом плоском экране мелькали изображения различных

участков лазерной станции противоракетной обороны. Мягкий голос комментировал показываемые картины.

— Наиболее безопасный подход к холму. Относительно безопасный, конечно. Остальные надежно прикрыты лазерами. Этот подход прикрыт дистанционными минами и кибернетическими средствами защиты. Сюда входят автоматы захвата, автопровалы, лабиринт и некоторые механические средства, которые вы увидите чуть позже. Все защитные схемы будут вам показаны, парни. Вот перед вами крупным планом вход в зону. Смотрите внимательнее, парни, здесь размещены средства электронападения. Соваться сюда не рекомендуютесь!

— Направо не ходи — самому живому не быть, — пробормотал смуглый худощавый парень с тонкими чертами лица. На вид ему было около тридцати лет.

— Ты прав, Вит! — хлопнул его по плечу напарник с добрым простоватым лицом, на котором выделялись толстые губы.

— Базу строили, как у вас говорят, на совесть.

— Рисковать все равно придется, — хмуро возразил второй американец. У него было красивое правильное лицо, начисто лишенное выражения. — Без риска на базу не пробиться.

— Риск риску рознь, — возразил первый американец. — Это не в русскую рулетку играть!

Русский удивленно посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду, Лукас?

Американец выглядел не менее озадаченным.

— Я говорю о русской рулетке, — пояснил он. — Ведь эта игра в России очень популярна, не так ли? Берется кольцо, в барабан закладывается один патрон, и барабан произвольно вращают. А потом, — Лукас приложил палец к виску, — повезет или не повезет. Как говорите вы, русские: «Судьба — индейка, а жизнь — копейка»?

Русский весело захохотал. Второй американец изучающе посмотрел на него.

— Я не так сказал? — обиженно спросил Лукас.

— Откуда ты все это взял? — ломким от смеха голосом спросил русский.

— Из фильмов о России, — объяснил американец и тоже засмеялся.

Невидимый комментатор прервал их веселую перепалку.

— За дело, парни! Времени у нас слишком мало,

чтобы вы отвлеклись надолго. Продолжим знакомство с системами защиты...

По проселочной дороге, оставляя за собой пыльный шлейф, медленно двигался голубой лимузин. Близнецы на заднем сиденье спали

— Осталось около пяти миль,— сказал водитель жене.

— Я уже жалею, что мы потащились в эти пески,— отозвалась та.— Было бы спокойнее, если бы мы поехали в объезд, как советовал полицейский.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 11.25

Генерал Уль-Рааб допил вино, швырнул пустой стакан на пушистый ковер, глядя, как он разлетается на мелкие осколки, усмехнулся и решительно вдавил кнопку в гнездо.

— Бред,— сказал Холоран.— Покойник, грозящий из могилы. Политически он уже давно труп и отлично осознает это. Но я хотел бы спросить вас...

Тяжелый гул заглушил последние слова американца.

Стены здания заметно задрожали; завибрировали, разлетаясь в пыль, стекла; и неожиданно в сумрачном холле стало ослепительно светло. Холоран стремительно повернулся к окну и успел увидеть вспыхнувшее за окном зарево. Сквозь проемы окон в холл ворвался шквал раскаленного воздуха, американца швырнуло на русского, оба упали, и Холоран ощущил под руками потное горячее тело русского. В этот момент на них рухнуло тяжелое кресло, и последнее, что увидел Холоран, было внезапно открывшееся у них над головами белое небо с несущимися в вихрях пламени тряпками и обугленными досками. Он закричал что-то бессмысленное, страшное, вжимаясь в расслабленное тело русского, и в это время на них обрушилась стена, уродуя пол всплесками камня.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
17 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 17.10

Пожилой мужчина в белой рубашке внимательно оглядывал несущиеся под брюхом вертолета пески.

— Держись ниже! — крикнул он пилоту. — У меня такое чувство, что эта тварь наблюдает за нами.

— Смотри, машина! — Пилот показал рукой вниз.

По проселочной дороге медленно двигался открытый голубой автомобиль.

— Какого идиота сюда занесло? — зло сказал пожилой. — Достань их, Ларри!

Вертолет развернулся и пошел за машиной. Мужчина, высунувшись из кабины, делал яростные знаки, пытаясь привлечь внимание водителя голубой автомашины.

— Влипли! — выдохнул водитель. — Сейчас нас остановят!

— Наверное, на шоссе не просто авария, — высказала догадку жена.

Вертолет снизился еще ниже. В нескольких метрах под ним бешено мелькала земля. За вертолетом стелился густой шлейф пыли, поднятой винтами.

— Они что — собираются нас таранить? — водитель сплюнул и нажал на тормоз.

У горизонта, где виднелась гряда пологих холмов, вспыхнула ослепительная звезда. Вертолет загорелся и врезался в землю. Из упавшего вертолета выбросило мужчину в белой рубашке, и в это время вертолет взорвался. Женщина в машине закричала, закрывая лицо руками. Водитель выскочил из автомашины и побежал к мужчине, упав перед ним на колени. Мужчина лежал, неестественно подвернув под себя руку. Лицо его было в крови, но мужчина был в сознании. Злобно и страдающе глядя на водителя, мужчина с трудом произнес:

— Убирайтесь отсюда немедленно, слышите?! Уходите сейчас же!

Водитель подхватил мужчину под руки и тяжело поволок его к машине. Ноги мужчины оставляли в песке глубокие следы.

И в это время машина взорвалась.

Некоторое время водитель тупо смотрел на пылающие обломки, потом бросил раненого и рванулся к машине. Лицо его перекосил ужас. Пламя не позволило ему приблизиться к горящей машине. Водитель упал,кусая землю.

Мужчина в окровавленной рубашке лежал на песке и монотонно повторял:

— Уезжайте! Немедленно возвращайтесь! Там, впереди, — смерть!

— Ни одной дельной мысли,— сказал Лукас.— Как проникнуть за зону лазерного поражения? Дальше мы можем сами раскинуть мозгами. Но как попасть на базу? Не туннель же рить?

— Можно и туннель,— задумчиво сказал второй американец.— Если другого выхода не будет.

Красивое лицо его было по-прежнему невозмутимо, словно он репетировал какую-то роль и боялся из нее выйти.

Русский член команды Виталий Голиков задумчиво смотрел на американцев. Несколько часов назад его пригласили в советское посольство, чтобы предложить участвовать в опасной экспедиции, и он не раздумывал.

— Туннель — это неплохо,— согласился он.— Собственно неплохо... Слушай, Лукас, база... она имеет подземные коммуникации? Канализацию, например?

— Ты полагаешь, что на базе нам сразу понадобится сортир? — равнодушно поинтересовался американец. Сидя на ступеньках садового домика, он смотрел на зеленую лужайку, задумчиво покусывая нижнюю губу.

— Я хочу познакомиться со схемой этих коммуникаций,— настойчиво сказал русский.— Если нам повезет, то мы сможем благополучно добраться до этого сортира.

Лукас повернулся к Голикову, оглядывая его загоревшимися глазами.

— Шикарная мысль! — сказал он.— Если это возможно... Ты подал шикарную мысль, Вит!

— Если коммуникации базы выходят за пределы базы,— добавил Голиков,— то следует уточнить, не блокированы ли они.

— Не думаю,— американец весело засмеялся и хлопнул Голикова по плечу.— Мы — практичный народ, Вит, и я не думаю, что кто-нибудь додумался организовать надежную охрану дерьма!

Полицейский на кордоне изумленно разглядывал приближающегося человека. Человек шел из охраняемой зоны. Это был водитель голубого автомобиля. Одежда его была изодрана, на лице, напоминающем безжизненную маску, запеклась кровь.

— Откуда он? — спросил полицейский напарника.— Мы ведь перекрыли весь район?!

Он шагнул навстречу человеку, положил ему руку

на плечо, и человек, не сопротивляясь, пошел за ним. Он двигался, словно автомат, тупо и безразлично глядя перед собой.

Напарник полицейского проводил удаляющихся сочувственным взглядом, повернулся к зоне оцепления и снова засвистел себе под нос заунывную однотонную мелодию.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 12.45

Упавшее кресло спасло им жизни. Оно отгородило их от рухнувшей стены, смялось само, но уберегло людей.

Холоран пошевелился.

Он с трудом выбрался из-под обломков, сел на испачканный кирпичной пылью пол бывшего холла и увидел безжизненное тело русского.

В воздухе висела пыль. С улицы доносился пронзительный вой.

Второго этажа не стало, и в холл заглядывало мутное свинцово-серое и рыхлое небо.

Холоран нерешительно коснулся тела русского. В детстве он боялся покойников. С возрастом страх прошел, но чувство брезгливости к мертвым осталось на всю жизнь. Касаясь Лебедева, Холоран боялся ощутить холодную неподвижность мертвого тела.

Лебедев пошевелился.

— Счастлив наш Бог! — облегченно сказал Холоран, помогая русскому выбраться из-под обломков кресла.

Лебедев сел.

Лицо его было в известке, щеку пересекал багровый рубец. Русский посол сморщился от боли и, расстегнув пиджак, начал ощупывать плечо.

— У меня, кажется, вывих, — сквозь зубы сказал он.

Холоран ощупал плечо русского и неожиданно дернул руку с небольшим поворотом. Лебедев вскрикнул.

— Все в порядке, — сказал Холоран. — У вас действительно был вывих, но я вправил сустав.

— Что случилось? — спросил русский, оглядывая развалины.

— Не знаю, — Холоран посмотрел в мутное небо. — Похоже, что был взрыв.

Хрустя обломками камня и стекла, Лебедев подошел к разрушенной стене и выглянул наружу.

Холоран встал рядом с русским.

— Похоже, нам крышка, господин Лебедев. Если я не ошибаюсь, у вас на родине выражаются именно так?

Его глазам открылась бывшая улица, заваленная обломками кирпича и железобетонных плит. Около бывшего двенадцатиэтажного суперсовременного отеля стоял оранжевый «ситроен». Клаксон машины заклинило, и улицу наполнял пронзительный вой.

Лебедев достал носовой платок и, морщась от боли, осторожно обтер лицо.

— Похоже на то,— севшим голосом согласился он.— Судя по разрушениям, этот идиот взорвал над столицей ядерный заряд.

Они выбрались из развалин.

Посольский парк выглядел жутковато. Обугленные стволы деревьев торчали в разные стороны и еще тлели, осыпая пеплом черный газон.

— Где же люди? — спросил Холоран.— Неужели никого не осталось в живых?

Лебедев остановился.

— Люди? — странным клекочущим голосом спросил он и шагнул к обугленным деревьям.

Холоран увидел, что рядом с дымящимся стволом лежат два маленьких черных трупика в обгоревшей одежде.

— Боже мой! — сказал Холоран потрясенно.— От них остались одни головешки, Лебедев!

Русский молча опустился на колени перед обгоревшим телом и неожиданно для Холорана прижался к черному лицу грязной щекой. Кремовый пиджак русского был в грязи, широкие плечи вздрагивали, и американец понял, что Лебедев плачет.

И тогда он осознал, что второй маленький трупик — его сын Джой. Это черное обугленное тельце было телом его сына! Горло Холорана перехватила тугая петля, он почувствовал, что задыхается. Американец опустился на колени, трогая рукой лицо мертвого сына. Сгоревшая кожа была теплой и напоминала резину. Холоран встал и, покачиваясь, пошел прочь, сбивая ногами черные головешки бывших деревьев. Петля, охватившая горло, стягивалась все туже, постепенно перебираясь на грудь. Холоран сорвал галстук, рванул ворот рубашки, опустился на землю, вжимаясь лицом

в изгаженную мертвую почву, и неожиданный крик, в котором не было ничего человеческого, исторгся из его полной режущей боли груди.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
17 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 18.30

Саймон разглядывал фотографии членов группы, ушедшей на ЭЛСПРО. Рядом с каждой фотографией стоял столбик анкетных данных, по-американски деловых, не содержащих ничего лишнего и вместе с тем позволяющих несколько узнать человека.

— Лукас Брид,— Саймон взял в руки фотографию, вглядываясь в доброе толстогубое лицо. Внешностью парень немного напоминал Джона Кеннеди.— Родился в 1979 году, Сиэтл, штат Вашингтон, разведен, жена и дочь одиннадцати лет проживают в Сан-Франциско, с 2006 года служит в корпусе быстрого реагирования, находился в Африканском контингенте войск, с 1998 по 2004 год являлся активным членом пацифистского общества «Рука мира», в последние годы от активного участия в общественной жизни отошел.

Саймон отложил карточку Брида и взял в руки другую. С фотографии на него смотрел красавчик с холодным, ничего не выражаящим лицом. Такому бы играть шерифов в фильмах о Диком Западе, подумал Саймон, пробегая глазами полоску анкетных данных.

— Ричард Райт, родился в 1976 году, Сент Луис, штат Алабама, холост, член общества Бэрча, в частях специального назначения с 2006 года, спецподготовку прошел в Балтиморе, участник аравийского конфликта, награжден медалью за храбрость.

— Что ж,— сказал президент.— Вы правы, Гарри, это действительно специалисты по выживанию. А почему нет анкетных данных на русского?

— Русское посольство обещало их представить, но пока мы данных не получили. Могу сказать, что известно. Виталий Голиков, родился в 1981 году в горе де Новосибирске, отец — известный военный деятель, генерал армии Голиков — до последнего времени руководил полигоном в Казахстане. Сын закончил физико-математический факультет МГУ, к тому же каскадер, снялся в ряде приключенческих фильмов, один из них — «Взгляд с высоты» — шел в Штатах и имел

определенный успех. В Штатах Голиков находился в составе делегации советских кинематографистов, возглавляемой режиссером Лагутиным...

Голиков натянул черный комбинезон с капюшоном. Американцы с интересом наблюдали за ним.

— Русский ниндзя,— одобрительно сказал Райт.— Как ты чувствуешь себя в этом костюмчике, Вит?

Голиков несколько раз подпрыгнул, вытянул ногу, присел, поднял руки и показал большой палец.

— Уникальная вещь, Вит! — похвалил костюм Брид.— Последняя новинка ЦРУ. Держит температуру, негорюч, снижает уровень радиации и имеет массу карманов со специальными приспособлениями.

— Будет, что рассказать в России,— без улыбки заметил Райт.

Лукас Брид поставил на стол металлический футляр и достал из него нечто похожее на старинный дуэльный пистолет с длинным стволом и странным утолщением в казенной части.

— Ты имел когда-нибудь дело с подобной штукой, Вит?

— Для русских это вчерашний день,— едко сказал Райт, проверяя содержимое карманов.

— Это лазер,— пояснил Брид и достал из футляра несколько блестящих цилиндриков, прикрытых сверху красными пластмассовыми колпачками.— А это запасные аккумуляторы к нему.

Он начал показывать Виталию, как пользоваться устройством и в каких карманах комбинезона его держать. Райт с недоверчивой усмешкой посматривал на русского.

— Пора, парни,— сказал он.— Остальное Вит изучит по дороге.

Они вышли в пустой гулкий коридор.

— Одну минуту! — окликнули их.

Слепящая вспышка на мгновение ослепила. Райт зло чертыхнулся, прижимая ладони к глазам. По коридору слышался дробный стук убегающего.

Брид весело захохотал.

— Человек сделал свой бизнес!

Райт что-то пробормотал, протирая глаза, потом повернулся к Голикову.

— Слушай, Вит! Как тебе пришла в голову идея пробраться на станцию через канализацию? Тебе уже приходилось заниматься чем-то подобным?

— Это не моя идея,— откровенно отозвался русский.— Я просто вспомнил рассказ своего прадеда. Он воевал с фашистами в Югославии, в Белграде. Там немцы заминировали канализацию, и он в составе группы несколько дней пробыл под землей в поисках заминированных участков.

— Я знал одного югослава,— задумчиво вышагивая рядом, сообщил Брид.— Маленький такой, щуплый был... Но бабы от него стонали.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 13.50

Холоран пришел в себя от холодных прикосновений к лицу. Он сел, машинально вытирая мокре лицо рукавом, и сквозь непросохшие слезы увидел, что над обугленным пустырем бывшего парка кружит черная метель. Снежинки падали на лицо американца и таяли, оставляя после себя черные потеки.

Рядом присел русский.

— Где он? — спросил Холоран.

Лебедев покачал головой.

— Я их похоронил. Пойдем, я покажу тебе место.

Холоран судорожно вздохнул.

— Ты думаешь, что это нам понадобится?

— Скорее всего нет,— скучно отозвался Лебедев.—

Но я думал, что ты захочешь немного побывать у могилы.

Холоран тяжело встал и пошел за русским.

Маленький холмик уже был засыпан черным, быстро тающим снегом. Лебедев положил на холмик доску, на которой шариковой ручкой было выведено: «Валерий Лебедев и Джейф Холоран, 18 июля 2009 года».

— Ты нашел кого-нибудь? — спросил Холоран, едва сдерживая слезы.

Лебедев отрицательно покачал головой.

— Нет,— сказал он.

— В машине смотрел? — Холоран принялся рыться в карманах, выбрасывая какую-то мелочь — ненужные больше ключи и бумаги. Носового платка не было. Холоран расстегнул пиджак, вытащил из брюк рубашку и принялся вытираять ею лицо.

— В машине смотрел? — повторил он вопрос.

Незаметно они перешли на «ты».

Лебедев вспомнил, как он заглянул в машину. «Ситроен» не был оранжевым, цвет у него был другой, но

краска выгорела до грунтовки, а в салоне вцепился в руль костяшками пальцев скелет, обтянутый черной кожей, который рассыпался, едва дверца машины приоткрылась.

— Машина была пуста,— коротко сказал он.

— А снег? Откуда снег?

Русский пожал плечами.

Они выбрались на пустую улицу с потекшим от нестерпимого жара асфальтом. Асфальт мягко пружинил под ногами, и на нем оставались вдавленные следы. Порыв ветра оказался неожиданно ледяным. Холоран машинально поднял воротник пиджака, подумав, что сейчас он больше похож на бродягу, чем на дипломата.

— Здесь нам делать нечего,— сказал он русскому.— Попробуем найти машину. Из этого города мертвых надо выбраться как можно скорее.

— Пошли,— согласился Лебедев.

Они пробирались среди развалин, обходя груды камня и кирпича. Над нагретым взрывом асфальтом стелился ледяной ветер, выстуживая улицу.

Холоран остановился.

— Что случилось? — спросил Лебедев, уткнувшись ему в спину.

Американец толкнул его к стене и прижался к ней сам.

Послышался топот, и из-за поворота вылетел долговязый гриষаственный парень в длинном ватном халате, накинутом поверх джинсового костюма. Черную гризу его опоясывала зеленая лента. На смуглом худом лице с большим горбатым носом чернели страшные безумные глаза. В руке парень держал «Узи», кажущийся в его широкой ладони детской игрушкой.

Увидев европейцев, человек остановился, хрипло захохотал, что-то крича и указывая на дипломатов свободной рукой. Он вскинул автомат, и Лебедев шагнул ему навстречу, вытягивая руки, словно хотел остановить автоматную очередь. Сухо застучали выстрелы. Исламец упал, выронив автомат и прижимая руки к груди. На халате в области сердца расплылось темное пятно.

Русский обернулся. Холоран засовывал в карман автоматический пистолет. Лебедев шагнул к убитому и наклонился, поднимая автомат с груды обломков.

— Как ты его услышал?

— Опыт,— неопределенно отозвался Холоран.

Они побежали.

Завернув за угол, они увидели полуразрушенный навес, под которым стояли автомобили. Передние машины сгорели, но в глубине гаража виднелись и целые.

— Быстрее! — снова приказал Холоран, увлекая русского дипломата за собой.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
17 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 19.10

У коридора был низкий бетонный свод, и им приходилось идти пригнувшись. Под ногами жирно чавкала грязь.

— Ну и запах! — грустно сказал Райт. — Далеко еще, Лук?

— Около километра. Скоро мы доберемся, если компьютер не регулирует стоки.

— А если регулирует?

— Тогда нас просто смоет в реку.

— Веселенькая перспектива, — сказал Райт и повернулся к русскому. — Вит, у вас в России тоже таких штуковин понастроили?

— Наверное, — отозвался тот.

Некоторое время они шли молча.

Впереди забрезжил серый свет.

— Пришли, — вздохнул Брид.

Они выбрались в небольшой зал, в который выходило несколько труб не более метра диаметром.

— Дальше будем толочь дермо на коленях, — с видимым отвращением сказал Райт. — В какую трубу нам ползти, Лук?

Дукас Брид достал из кармана комбинезона план-схему ЭЛСПРО и некоторое время разглядывал ее.

— Нам сюда, парни. По этой трубе мы доберемся до атомоубежища. Здесь около пятидесяти метров.

— Я пойду первым, — вызвался Голиков.

Брид обнял его за плечи.

— Если взбунтуется такая штука в России, — сказал он, — без сомнения, будешь первым. А с собственным дермом позволь нам воевать самим.

Он обвязал себя тонким капроновым шнуром, провел карабин, крепящий шнур, на прочность и с притворным крахтением полез в отверстие трубы. Голиков и Брид смотрели, как рывками сматывается шнур с катушки, которую держал в руках Райт.

— Там ремонтный люк, — сказал американец.

Голиков посмотрел на часы, вмонтированные в рукав комбинезона. На циферблате рубиново вспыхивали цифры: 19.35.

В то же самое время доктор Жордан сообщил Анверсону:

— Они добрались до коллектора. Пойдут на станцию со стороны атомоубежища. Паршивая связь, я вам скажу, — почти ничего не слышно. Компьютер включил системы радиопомех. Знаете, Гарри, мне иногда кажется, что он разумен.

— Что вы нервничаете? Пока все идет по плану.

— Я боюсь телефона, — признался помощник президента. — Боюсь, что раздастся звонок и мне сообщат очередную неприятную новость.

— Район надежно блокирован. Неожиданностей не будет. Теперь для нас главное, чтобы парни прошли.

— Какие могут быть сюрпризы?

Доктор Жордан пожал плечами.

— Не знаю. Когда компьютер выходит из повиновения, возможны любые неожиданности.

Резко зазвонил телефон. Анверсон схватил трубку и не ошибся — звонили из кабинета президента.

— Они уже на базе, — сообщил Анверсон.

— Вторая группа готова?

— Готовится. Время пока есть, и думаю, что вторая группа будет подготовлена более тщательно.

— Мне сообщили, что в Азии зарегистрировано одиннадцать подземных толчков, — сказал Саймон. — Они следовали с небольшим интервалом во времени.

— Думаете, это русские?

— Вряд ли. Судя по координатам, это в Исламии.

— Неужели этот негодяй решился? — сипло спросил Анверсон.

— Такие дела, — совсем по-домашнему сказал Саймон. — Такие дела, Гарри. Держите меня в курсе событий. У нас тут небольшая суматоха.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,

18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 14.00

— Ищите машину с блоком зажигания не на электронике, — сказал Холоран. — При ядерном взрыве электронные игрушки выходят из строя. Большинство машин — просто груда бесполезного металла и резины.

Им повезло. У глухой стены стоял старенький

«долорес». Подобные машины можно встретить лишь в слаборазвитых странах, где люди расточительно бережливы и скорее будут бесконечно тратить деньги на ремонты, чем раскошелятся на новую машину.

Машина завелась с первой же попытки, и Холоран удовлетворенно хмыкнул. Они выехали из гаража, и американец повел машину по улице, ловко лавируя среди обломков.

Внезапный приступ тошноты заставил его притормозить. Тело покрылось испариной, и Холоран ощутил сухость и металлический привкус во рту:

— Что случилось? — Лебедев посмотрел на дорогу. Автомат лежал у него на коленях, и рука сама нашупала рифленую рукоятку.

— Сейчас, — невнятно сказал Холоран и вывалился из машины. Его вывернуло наизнанку. Американец с трудом сел назад и почувствовал, что Лебедев сует ему в руку холодную бутылку.

— Не надо, — сказал он. — Вода радиоактивна.

— А мы? — Лебедев хмуро усмехнулся. — Неизвестно, кто сейчас излучает больше.

Холоран жадно глотнул из бутылки.

— Мне плохо, — признался он.

— Меня тоже знобит, — отозвался русский.

— Значит, началось. — Американец выбросил пустую бутылку из машины. — Сколько мы продержимся?

— Не знаю, — русский открыл вторую бутылку. — От радиации я помираю впервые.

— Пытаешься шутить?

— А ты можешь предложить более полезное?

Холоран тронул машину.

— Может, не стоит никуда и ехать? Какая разница, где подыхать?

Они въехали в пригород.

Здесь разрушений было меньше. В основном пострадали стекла домов и высотные здания, торчащие сейчас над городом кариесными клыками. Деревянные постройки еще дымили. Воздух был смраден.

— Останови, — русский тронул Холорана за плечо.

— Что случилось?

— Все то же, — русский принялся неверно выбираться из машины.

Через несколько минут он сел обратно и положил автомат на колени.

— Так мы долго не протянем. Ты хорошо знаешь город? Нам нужна аптека.

— Тебе захотелось мороженого?

В американских аптеках кроме лекарств можно купить различные хозяйствственные мелочи, выпить чашечку кофе или полакомиться мороженым. Лебедев это знал.

— Нам мороженого нельзя,— сказал он.— Горло застудим. Надо посмотреть кое-что из лекарств.

Холоран увеличил скорость и укоризненно спросил:

— Что же вы прошляпили бомбу?

— А вы? — ответил вопросом на вопрос русский.

— Мы? — Холоран едва не плюнул.— Мы ее не прошляпили. Мы — молодцы, мы ее делать помогали. Вы им металлургический комбинат строили, а мы — бомбу делать помогали. Чтобы Уль-Рааб дверью хлопнул как следует!

Он притормозил у небольшого уютного здания, которое почти не пострадало от ударной волны. Только оконные проемы его зияли пустотой и в воздухе стоял удушливый запах медикаментов.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
17 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 23.10

По стене атомоубежища скользили три черные неестественно удлиненные тени.

Брид наклонился к трупу, лежавшему на полу, и перевернул мертвого на спину. Лицо мертвеца было искалено болью. Над клапаном кармана куртки чернела продолговатая нашивка с четкими белыми буквами: «Армия США».

— Чем он их так?

— Теперь понятно, почему станция не отвечала,— Голиков старался не смотреть на жутковатый оскал мертвеца.— Некому было отвечать.

— Ранений нет... — Брид поднял голову.— Не нравится мне это! Не надеть ли нам газовые маски?

Все трое натянули маски и вложили в щечные лакуны дегазационные пластины.

— Чертова машинка! — глухо пробормотал Райт.

— Ты о компьютере? — спросил Брид.

Райт кивнул.

Они шли по коридору, осторожно обходя мертвых.

У входа в атомоубежище, прислонившись спиной к стене, сидела девушка в зеленом комбинезоне. Лицо ее было скрыто густой копной красивых русых волос.

Райт остановился рядом с ней.

Брид резко взмахнул рукой, предупреждая об опасности, и все трое вжались в стены. Дверь убежища плавно распахнулась, и в убежище ворвались стремительные струи пламени. Комбинезон на девушке потчернел, ее великолепные волосы исчезли, и стало видно обгоревшее, но остающееся красивым лицо

Брид оторвался от стены, и вспышка пламени засияла коридор. С треском лопнули неоновые лампы. Попадание было точным — небольшая тележка, снабженная никелированными раструбами, оплавилась и съежилась, выпуская лужу мгновенно возгорающейся жидкости.

Взвыли сервомоторы, и дверь атомоубежища начала медленно закрываться. Трое в стремительном броске пересекли порог и распластались на полу среди гудящего пламени.

— Хороший костюмчик! — крикнул Голиков, показывая американцам большой палец.

— Ты хорошо держишься! — отозвался Райт. — В ваших спецвойсках неплохо готовят кадры!

— Я вообще не служил в армии, — крикнул в ответ Голиков. — В науку подался!

— Откуда же такая сноровка? — недоверчиво хмыкнул американец.

— Я — каскадер, — охотно объяснил русский. — Недавно у вас шел фильм «Взгляд с высоты». Трюки в нем выполняла наша группа!

Брид засмеялся.

— После разоружения нам с Диком придется простиаться в вашу группу, Вит!

— Я за вас похлопочу! — пообещал русский.

— Все это хорошо, — заметил Райт, осторожно приподнимаясь и оглядывая коридор. — Но было бы лучше вовремя отсюда убраться. Лук, ты бы сориентировался, в какую сторону нам двигаться?

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 15.10

Под ногами хрустело стекло. Тошнотворно пахло лекарствами. Лебедев уже рассовывал по карманам пакеты, а американец продолжал что-то искать.

— Нам пора, — сказал русский.

Холоран сунул в карман две бутылки с притертymi пробками.

— Пошли, — согласился он.

В машине они приняли лекарство, запив его тоником.

Пригород был полуразрушен. Среди развалин копошились люди, слышался детский плач, крики, стоны, злая ругань, рычание моторов. Лица людей были серы и озабочены. На машину дипломатов никто не обращал внимания.

Миновав кучу дорожных указателей, они выехали за город. На обочине дороги, прямо в пыли, сидела молодая женщина, прижимая к груди младенца.

— Останови, — сказал Лебедев, и американец послушно притормозил.

— Вас подвезти? — спросил русский.

Женщина смотрела на него круглыми карими глазами, в которых бился страх, и молчала, крепко прижимая к себе ребенка. Лебедев повторил свой вопрос. Женщина молчала.

— Шок, — сказал Холоран. — Оставь ее в покое.

— Она же с ребенком!

— На дороге мы встретим сотни женщин с детьми. Что ты будешь делать с ними? Всем не помочь, верно?

— И все-таки я думаю, что ее мы должны забрать, — упрямко продолжил русский.

— Люди уходят из города, — сказал американец. — Понимаешь? Скоро вся дорога будет забита уцелевшими. Они еще не знают, что обречены. Все. И мы тоже!

Видя, что русский колеблется, Холоран добавил:

— Мы выбрались почти из эпицентра. Может, для нее ехать в нашей машине опаснее, чем сидеть в дорожной пыли. Оставь ее!

Этот довод для русского оказался самым убедительным. Лебедев откинулся на сиденье, держась за ноющее опухшее плечо. В зеркало он наблюдал за удаляющейся фигуркой. Женщина уже куда-то брела, не разбирая дороги.

— Мы куда направляемся? — поинтересовался Лебедев.

— Не знаю, — откровенно признался Холоран. — У меня голова от боли разламывается!

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 00.10

Кольцевой коридор базы был отделен серым пластиком. Группа проникновения сидела прямо на полу.

— Неуютный домик, — сказал задумчиво Брид. — Вит, ты женат?

— Двое детей,— с гордостью отозвался русский.— Сын и дочь.

— И жена спокойно отпускала тебя на съемки?

— Да. И при этом ни разу не ходила на фильмы, в которых я выполнял трюки.

— Непонятный вы, русские, народ,— сказал Брид.

Голоса их были приглушены резиной масок.

— Мы просто плохо знаем друг друга,— объявил Голиков.— Неудивительно, что вы считаете рулетку с кольтом любимой игрой русских.

— Наши киношники врут?

— Конечно. У нас ношение и хранение оружия запрещено и преследуется законом.

— Ты хочешь сказать, что ваши торговцы оружия не продают?

— Кроме охотничьих ружей, у нас оружие вообще не продается!

— Вот я и говорю,— согласился Брид.— Загадочный вы, русские, народ!

Он снова принялся изучать пластиковую карту базы.

— Ты разобрался? — спросил его Райт.

— Брид кивнул головой в черном капюшоне.

— Да. Вот за этим изгибом нас встретят лазеры. Если мы пойдем прямо, нас выжгут, как клопов.

— Лазеры — это серьезно,— сказал Райт.— Какие будут предложения, парни?

— Какие здесь могут быть предложения? — удивился Брид.— Эти хлопушки держат весь коридор. Надо искать другой путь.

— Тут нужно быть мухой,— огорченно сказал Голиков.— Этот участок можно преодолеть только по потолку.

— По потолку? — Брид усмехнулся.— Похоже, что это действительно выход. Смотрите, по идеи, лазеры держат нижнюю часть коридора. Думаю, что и все сигнальные рецепторы расположены в нижней части.

— К сожалению, мы не мухи,— вздохнул Голиков.— Я уже смотрел. Стены абсолютно гладкие. Практически не за что зацепиться.

— И все-таки попробуем стать мухами,— Брид подмигнул русскому.

— Что имеешь в виду?

— Ты забыл, что одет в уникальный костюмчик,— объяснил американец.— Парни из ЦРУ подумали и об этом!

Он достал из карманов комбинезона перчатки, поясной ремень и наколенники. Все предметы были снабжены присосками. Американец надел пояс и стал натягивать перчатки.

— Отдохните, — сказал он. — А я попробую проверить нашу догадку.

Медленно Брид начал подниматься к потолку. Со стороны он был похож на большого черного паука.

— Вакуумные присоски, — понимающе сказал Голиков. — Что ж, остроумно!

Черная тень, прилепившаяся к потолку, скрылась за изгибом поворота. Райт и Голиков напряженно вслушивались в тишину, озираясь по сторонам.

— Прошел? — с сомнением сказал Райт.

Голиков расстегнул клапан комбинезона.

— Ну что? — спросил он. — Пора и нам?

Едва они достигли потолка, внизу раздалось негромкое жужжание, и по коридору, вращая круглыми сетчатыми антеннами и поводя в стороны никелированными раструбами, покатилась тележка самоходного огнемета. Машина двигалась осторожно, словно опасаясь встречи с врагом. Было в этой осторожности что-то осмысленное, что-то не по-машинному разумное. Огнемет остановился и выплеснул струю пламени на то место, где они находились несколько минут назад, и до висящих под потолком людей донесся специфический запах горящего пластика.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 17.01

По шоссе двигался нескончаемый поток машин, повозок и людей. Пестрая лента бесконечной колонны была отчаянно многоголоса. Ржали лошади, ревели клаксонами автомобили, заходились в плаче женщины и дети, ревели моторы, и порой над толпой слышалась грубая площадная брань.

Параллельно дороге под щелканье бичей и озлобленный лай сторожевых собак двигалась нескончаемая блеющая отара скота.

Людской поток двигался навстречу машине.

Холоран заглушил двигатель, молча глядя на идущих навстречу людей. В людском движении было что-то безнадежно горькое.

— Дальше ехать бесполезно, — сказал американец.

Лебедев судорожно закашлялся, прижимая ко рту грязный носовой платок.

Холоран вылез из машины и окликнул высокого смуглого мужчину в европейском костюме. Некоторое время он шел рядом с мужчиной, беседуя с ним, потом отстал и вернулся к машине.

— Впереди то же самое,— коротко сказал он.— Они идут от города Хайчан. Что будем делать? Этот ублюдок угробил по всем правилам не только столицу, но и всю страну.

Он достал из кармана пиджака бутылку с притертой пробкой и спросил Лебедева:

— Выпьешь?

— Что это у тебя?

— Спирт из аптеки.

— Налей немного,— согласился русский.— Алкоголиками мы с тобой уже не станем.

Он взял пластмассовый стаканчик со спиртом и взвесил его в руке.

— Выпьем,— снова сказал он.— Давай выпьем за наше знакомство, Холоран. Как тебя зовут полностью?

— Оливер,— Холоран смотрел на бредущих мимо машины обреченных людей.— Меня звали Оливер Джеймс Холоран.

— А меня Николаем. Николай Лебедев,— русский опрокинул в рот содержимое стаканчика, сморщился и торопливо запил спирт тоником.— Что будем делать, Оливер?

Холоран налил себе.

— Пить,— сказал он.— Правил дорожного движения в этой стране мы уже не нарушим. Их просто нет. Как и самой страны. Остались лишь толпы обреченных людей, стада глупых овец и груды искореженного металла.

Он выпил и закурил сигарету.

— Голова раскалывается,— пожаловался он.

— Теперь уже недолго,— горько успокоил его русский.— Хорошо бы замерить уровень радиации. Тогда можно было бы просчитать все абсолютно точно.

Холоран выпил еще.

— Будешь? — спросил он, протягивая бутылку товарищу.

— Нет,— отказался русский.— Разве что потом...

Он спрятал полупустую бутылку в холодильник машины.

— Может, попробуем пробиться на север?

— Хочешь умереть дома? — прищурился американец.

— А если нам сумеют помочь? — Лебедев смотрел на бесконечную отару, бредущую вдоль дороги.

— Вряд ли, — сказал Холоран. — В Хиросиме заряд был куда меньше, а люди дохли, как мухи. Не обольщайся, Ник.

Лебедев не обратил внимания, что имя его произнесено на американский лад.

Оливер Холоран завел машину.

— Для такой поездки у нас не хватит бензина. И не заправишься, смотри, что делается на дорогах.

— Что ты предлагаешь? — Лебедев повернулся к нему.

— Пожалуй, нам стоит подумать о местечке, где мы сможем без излишней суетливости приготовиться к встрече с Создателем, — задумчиво и серьезно сказал американец.

— А как быть тем, кто не верит в бога?

Холоран не принял шутливого тона.

— Им я тоже посоветовал бы уединиться, — сказал он. — Смерть не для посторонних глаз, Ник.

— Все-таки давай повернем на север, — настойчиво сказал Лебедев.

— Надеешься?

Русский кивнул.

— Лучше несбыточная надежда, чем покорное ожидание смерти, — сказал он тихо. — Быть равнодушным к судьбе недостойно человека.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 01.01

Что нового, док? — спросил Анверсон. Он отдохнул и выглядел посвежевшим.

— Они в кольцевом коридоре. Это все, что я могу сказать. Судя по датчикам, пока все живы.

— Сколько сейчас времени?

Доктор молча кивнул на электронное табло.

— В их распоряжении два часа.

— Если за полтора часа ничего не изменится, — сказал помощник президента, — пойдет вторая группа. Было бы лучше, если бы первая группа не была нацелена на установление связи с компьютером. Вторая группа проникнет в кольцевой коридор, оставит в нем заряд и уйдет тем же путем.

— Вам бы служить в Пентагоне, Гарри,— грустно улыбнулся доктор.— Они тоже пробовали расстрелять ЭЛСПРО крылатыми ракетами.

— Сожалею, что им это не удалось,— сухо сказал Анверсон.

— Это потому, что вы не представляете последствий такой удачи.

— Хуже не было бы.

— Было бы, Гарри,— доктор покачал головой.— Было бы во много раз хуже. Станция автономна. Энергией ее снабжает атомная электростанция. Если бы ракеты накрыли ЭЛСПРО, то в худшем случае произошел бы средней мощности ядерный взрыв, а в лучшем — большую часть Калифорнии накрыло бы облаком радиоактивного пара.

— Вы мастер читать научные лекции, док. Ваши соображения мы, конечно, учтем. Связи по-прежнему нет?

Доктор покачал головой.

— Через час в район ЭЛСПРО пойдет авиаразведчик,— сказал помощник президента.— Будем надеяться, что за это время группа решит поставленную ей задачу.

02.00

Автоматический авиаразведчик прошел над шоссе, и солдаты с полицейскими задирали головы на рев его турбин.

Подмигивая бортовыми огнями, разведчик пошел в направлении холмов.

— Бомбить собираются,— высказал догадку молодой полицейский.— Ребята приехали с места падения «боинга». Ну, и месиво же там! — Он поежился.

На горизонте ярко сверкнула вспышка, и донесяся глухой раскат взрыва. Авиаразведчик перестал существовать.

02 04

Брид лежал, прислонившись спиной к стене. Рядом с ним валялся армейский ботинок. Голиков, опустившись на колени, бинтовал ногу американца. Сквозь бинты проступали кровавые пятна.

— Одно гнездо я выжег,— сказал Брид напряженным голосом.— И тут выехала эта тварь. Она бы

сожгла меня в упор, никакой костюм бы не помог. Но я успел выстрелить раньше. Только вот повернуться не успел, со второго гнезда меня достало,— он улыбнулся, и сквозь его улыбку простила нечеловеческая боль, которую американец старался скрыть.

— Лежи спокойно,— сказал Голиков, завязывая бинт.

— Я же еще не на Арлингтонском кладбище! — возразил Брид, силясь шутить.— Жаль, с тобой в кино не успел сняться.

— Еще успеешь! — пообещал Голиков.

— С одной ногой мне только в цирке выступать,— мрачно сказал Брид.— У вас в России выступают в цирке одногони?

— Даже безголовые,— кивнул Голиков.

Райт, безучастно стоявший у стены, шагнул вперед и тронул русского за плечо.

— В нашем распоряжении ровно час,— сказал он хмуро.— Надо идти, иначе мы не успеем!

— Погоди, надо решить, как мы понесем Лукаса.
Райт поморщился.

— Ты не понял,— сказал он жестко.— Дальше мы пойдем вдвоем. С Луком мы не уложимся в график. Он останется здесь.

— Ты соображаешь, что говоришь? — сидя на корточках, Голиков поднял на американца глаза.

— Мы получили приказ,— сказал Райт.— Мы должны этот приказ выполнить. Ты не военный и не понимаешь, что такое приказ. Но тогда пойми другое: мы на базе, и не можем рисковать. Другим пройти, скорее всего, не удастся!

— Мы не можем оставить его одного,— хмуро сказал Голиков, поднимаясь.— Если Лук потеряет сознание, эта тварь его просто сожжет!

— Дик прав! — хрюплю сказал снизу Брид.— Слишком многое поставлено на карту. Идите, парни! Я постараюсь продержаться до вашего возвращения.

— Ну, нет! — решительно сказал русский.— Я без тебя не пойду! Здесь всего-то — шаг шагнуть!

— Пойдешь! — неожиданно яростно сказал Райт.— Еще как пойдешь, гуманист вшивый! Ты хоть понимаешь, как нам невероятно повезло? Мы на территории базы, это ты понимаешь? Ты соображаешь, что вторая группа уже не пройдет, что вход, который оказался открытым для нас, уже закрыт для других?! — Голос Райта дрожал от ярости.— Если мы погибнем, то кто

остановит эту тварь? В «боинге» не было русских, там были американцы. Их было шестьсот человек!

— Вит, он прав! — прохрипел Брид. — Вам пора! Я буду для вас помехой. Поспеши, русский!

— Пошли! — нетерпеливо сказал Райт, глядя на часы.

— Я понесу Лукаса, а ты нас прикроешь! — упрямо сказал Голиков, глядя в глаза Райту.

Неожиданно коридор высветился яркой вспышкой, и Голиков ощущил спиной жар лазерного луча. Он резко обернулся и увидел черное выжженное лицо Лукаса Брида. Голиков повернулся ко второму американцу, и Райт попятился, испуганный выражением лица русского.

— Сволочь! — сказал тот. — Убийца!

— Не болтай ерунды! — американец остановился. — Брид сам выбрал этот вариант. Потому что не думал о себе. Он думал о других, понял?!

По лицу Голикова, смывая грязь, катились слезы.

— Вперед! — жестко приказал Райт. — Отношения будем выяснять потом. Осталось всего пятьдесят семь минут. Идем!

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 20.00

Бензин кончился около небольшого живописного родничка, падающего со скалы в густые заросли дикого винограда.

Американец снял рубашку, хмуро разглядывая красные пятна, пропадающие на загорелом теле.

Лебедев тоже снял пиджак, накрыл им автомат, лежащий на сиденье, и, сев на корточки, принял умываться ледяной водой.

Холоран почесал зудящее тело.

— Вот и конец пути, — сказал он. — У нас еще остались лекарства?

— Этого добра у нас еще достаточно, — отозвался русский, на ходу вытирая лицо рубашкой. — Боюсь, что они нам, как мертвому припарки.

— Это как? — не понял Холоран.

— Поздно нам принимать лекарства. Это все равно, что беззубому пользоваться зубной пастой. У меня тоже начались головные боли.

Американец сел на водительское сиденье и открыл бутылку тоника. Со стороны все это выглядело обы-

денно: обычный, немного пасмурный день, двое мужчин сидели в машине, попивая из бутылок тоник. Но все вокруг: и пасмурное небо, и трава, и горы, и тоник, который пили люди, и автомашина, и сами они — все источало невидимый яд, который разрушал кровеносные сосуды, убивал костный мозг и разрушал нервные клетки. Медленно текущее время вымывало из людей жизнь.

— Что дальше? — безразлично поинтересовался американец. — Бензина у нас нет, жизни пока еще немного больше, но я думаю, что и этого преимущества мы скоро лишимся. Ты не взял чего-нибудь от головной боли?

— От этой боли тебе никакие лекарства не помогут, — сказал Лебедев.

— Господи! — Холоран взялся за виски. — А как ты себя чувствуешь?

— Тошнота и слабость, — коротко отозвался русский. — И сухость во рту.

Он бросил пустую бутылку, глядя, как она со звоном кувыркается по каменистой осыпи. — Вот тебе и разоружение, вот тебе и вечный мир... Может, другим больше повезет, а?

Холоран пошарил на заднем сиденье, нашел шерстяной плед и укрылся им.

— Знобит, — пожаловался он.

— Глупо, — сказал Лебедев. — Как все глупо, Оливер! Все произошло именно тогда, когда должно было кончиться. А? Как ты думаешь, Оливер?

Холоран молчал.

Превозмогая слабость, Лебедев повернулся к американцу. Холоран лежал с закрытыми глазами, и Лебедев услышал его прерывистое хриплое дыхание. Он коснулся плеча американца. Холоран никак не отреагировал на его прикосновение, и Лебедев понял, что американец потерял сознание.

Лебедев нашел пластмассовый стаканчик и налил себе спирта. Горькая жидкость сушаще обожгла губы. Он закашлялся, чувствуя приближающуюся тошноту, некоторое время смотрел на низкие темные облака, и отчаяние охватило его.

Он вспомнил, как они остановились близ полыхающего портового города Шуйдан и смотрели на попытки вертолетчиков американского эсминца провести воздушную разведку. Два вертолета были немедленно подбиты исламскими ПВО, и они порхающие кружились

над морем, оставляя за собой шлейфы черно-красного дыма, похожего на крылья гигантских бабочек.

«Неужели наши до сих пор ничего не знают?» — в который раз горько подумал он.

А они знали.

Более того, колонны дезактивационных машин и юрких бронетранспортеров радиационной разведки уже шли по горным дорогам к перевалу, спеша на помощь к обреченным жителям Исламии. Первые звезды крупными горошинами раскинулись над перевалом, а там, куда стремила свой путь колонна, все было затянуто хмурыми пористыми облаками, сквозь которые порой пробивались языки пламени.

На спуске первой колонне преградили путь исламские пограничники, свято исполняющие свой долг перед уже несуществующим правительством. Автоматными очередями и разрывами гранат встретили они своих спасителей, и стрелковая рота охраны уже выссыпала из бронетранспортеров, рассыпаясь в цепи и ища место для укрытий. Колонна принимала бой, неся невосполнимые потери, ибо терялись не просто солдаты, терялись специалисты, способные лечить страну от настигнувшего ее страшного недуга.

В колонне горели машины. Их чадящее пламя высвечивало лишенные растительности скалы и зеленые заросли тугаев, откуда летели красные и зеленые звездочки трассирующих пуль.

Пограничники отказались принять парламентеров, и никто теперь не мог объяснить им, что вся их бессмысленная и нелепая оборона — глупая и безнадежная попытка отбить гниющий чумной труп у рвущихся на выручку санитаров.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 02.15

— Остановимся,— сказал Райт.— Надо отдохнуть

— Позаботься о себе! — огрызнулся Голиков.

— И все-таки передохнем,— настойчиво сказал Райт.— Мы уже совсем рядом, и надо подумать, как мы проникнем в компьютерный зал.

Голиков остановился. Райт опустился на бетонный пол. По его осунувшемуся лицу катились струйки грязного пота. Он уже не был тем невозмутимым красавчиком, с которым Виталий впервые встретился менее суток назад.

— Напрямик нам не пройти,— сказал Райт.— Нас просто сожгут или пустят в кольцевой лабиринт.

Голиков угрюмо промолчал.

В глазах Райта загорелись злые огоньки, но американец справился с собой.

— Слушай, Вит,— сказал он, устало растягивая слова.— Я знаю, что ты меня презираешь. Скажу откровенно: я тоже от тебя не в восторге. Я вообще не люблю красных. Но раз судьба свела нас вместе, я буду держаться тебя до конца. Мы — партнеры, хотя в этой ситуации я бы предпочел Брида.

— Я тоже,— процедил Виталий.

— О'кей! — сказал Райт.— Сейчас нам ругаться нельзя. Давай решать, что делать дальше. Воевать с машинками я умею, но думать за них... У тебя есть соображения?

— Дай план-карту,— попросил Голиков.

Райт опустился рядом с ним, и некоторое время они внимательно изучали план. Лица их мрачнели. Единственный вход в компьютерный зал оказался заваленным, и его сторожили все адские создания базы. Компьютер был не доступен для человека. Кассеты с программой, которые они несли, оказались бесполезным грузом.

— Ну что? — Райт встал.— Как у вас говорят: труба дело?

— Какие там' двери еще, не помнишь?

— Там одна дверь с сервомотором.— Райт сплюнул, оттянув маску.

— А стены?

— Что стены? — американец пожал плечами.— Ты же знаешь тесноту баз. Это видимость стен. Они нашпигованы электроникой.

— А может, это и к лучшему? — задумчиво сказал Голиков и снова склонился над планом. Райт присел рядом, и прямо перед глазами Виталия был черный рукав костюма американца с вмонтированными в обшлаг часами. На часах рубиново горели цифры: 02.27.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 22.10

— Голиаф,— пробормотал Холоран.

Он бредил, лежа около варослей дикого винограда, на импровизированной постели, которую Лебедев соо-

рудил из подушек сидений. Сам Лебедев сидел на капоте машины, разглядывая в оторванное зеркало заднего вида свое измученное небритое лицо. Лицо было красным, как и белки глаз. Казалось, что в лице отразился весь ужас прожитого дня.

Холоран зашевелился, и из-под пледа вывалилась его странно исхудавшая рука. Лебедев никогда не думал, что человек может так исхудать в один день. Он подошел к американцу и дал ему глотнуть холодной родниковой воды.

Американец открыл глаза.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Лебедев.

— Сухо во рту,— Холоран судорожно глотнул воздух.— Постоянная сухость во рту и слабость, словно меня варили... И голова! Голова раскалывается от боли... А ты?

— Так же, как и ты, Оливер!

Лицо Холорана было мертвенно бледным, и на нем выделялись красные глаза. Чтобы заглушить головную боль, Холоран принялся биться головой о край сиденья, где был твердый пластмассовый угол.

— Перестань,— сказал Лебедев.

— Мне так легче,— признался Холоран.— Я боюсь, что она лопнет. Голова куда важнее ног, ведь они просто идут, а голова смотрит на наших желтоухих братьев... — он опять начал заговариваться и на глазах «поплыл»: взгляд его стал мутным и бессмысленным.

Лебедев укрыл его пледом, сам чувствуя слабость и металлический привкус во рту. Хотелось забиться в какую-нибудь щель, спрятаться и не видеть никого, и никому не позволять видеть себя. Голова раскалывалась от боли. Он привалился к теплому жесткому колесу машины и увидел сон, в котором его сын Валерка гулял по парку с юной одноклассницей самого Лебедева, а среди деревьев кружили огромные черные бабочки, похожие на мрачные цветы, и Валерка показал девочке пятнадцать белых черепов, живописно расставленных на зеленой траве у маленького оранжевого ручейка, и сказал, что это и есть знаменитые черепа сада Реандзи, потому что, откуда ни посмотреть на них, виден лишь один череп, череп его отца, который держит в руке лукавый дипломат Оливер Холоран, ранее служивший в корпусе быстрого реагирования, потом в ЦРУ, а в настоящее время занимающийся разведением тошнотворных противорадиационных препаратов, которые он скрещивает на досуге с генералом

Улья-Раабом, мечтая вывести маленького послушного аятоллу, панически боящегося смерти и державшего в руке Лотос, несущий на себе Будду.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 02.35

Райт и Голиков сидели около снятой панели стены. Обнажилась сложная электронная схема, состоящая из алых капелек резисторов, полупрозрачных пленок интегральных схем и золотых, серебряных и белых кружков модульных групп.

— Не здесь,— огорченно сказал Голиков.— Но если судить по схеме — это где-то рядом.

— Это уже вторая панель, которую мы сняли,— хмуро сказал американец.— Ты не ошибся, Вит?

— Нет,— отозвался Голиков.— Будем снимать еще одну панель. Другого выхода нет. Следи за коридором.

Он начал ощупывать стену, отыскивая крепления следующей панели.

Панель полетела на пол, и тут что-то закричал американец, и коридор озарился вспышками выстрелов. Сзади что-то затрещало, начало гулко лопаться. Голиков ощутил спиной невероятный жар, но оборачиваться было уже некогда.

Он увидел то, что так яростно искал.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 23.00

Лебедев пришел в себя от холода. Приступ прошел, и на некоторое время русский почувствовал себя вполне сносно. Он не был медиком, иначе бы сразу понял, что это временное облегчение пришло к нему скорее всего в последний раз.

Тело его сотрясалось от озноба.

С наступлением ночи в горах холодает. Выбиваясь из сил, Лебедев перенес американца в машину, установив снятые ранее подушки сидений на прежнее место. Неожиданно он вспомнил, что за весь день они ничего не ели, и это воспоминание отозвалось в его организме легкой тошнотой.

Холоран пришел в себя.

В машине было темно, и они едва различали друг друга. Холоран стиснул пальцы русского:

— Ты здесь, Ник?

— Да, Оливер,— отозвался тот, чувствуя ледяные пальцы товарища.

Холоран слабо пошевелился.

— Я вот о чем подумал, Ник. Мы всегда относились друг к другу с недоверием и симпатией. Я имею в виду русских и американцев. Мы всегда боялись, что кто-то из нас опередит другого. Плохо, что мы так долго боялись поверить друг другу, хотя эта вера была единственным, что могло дать нам мир.

Он судорожно вздохнул и еще крепче сжал пальцы русского.

— Мы — практичный народ, Ник. Вы же, по сути своей,— романтики. Наш союз мог бы многое дать каждой из сторон. Иногда я думал: почему вы, русские, не начнете войны? Мы воспитаны индивидуалистами, вы всегда были сильнее именно своим коллективным началом. После войны вы сумели бы объединиться раньше нас, и все вопросы первенства были бы навсегда решены в вашу пользу. Глупец! — Холоран снова вздохнул.— Всякая мысль решить наши споры военным путем была вредна и вздорна. С бомбами не шутят — они оставляют после себя развалины. В такой войне победителей не бывает, в ней есть только побежденные. Боже мой! Сколько же средств и времени мы потратили на бесцельные гонки, ставка в которых — общая гибель! Ведь мы — народы огромных потенциалов. Мы многое сможем, я в этом уверен. Но вместе, Ник! Вместе!

Американец заворочался на сиденье, по-детски вздыхая и всхлипывая. Потом снова тревожно схватил руку Лебедева.

— Ник, а если это произошло со всем миром? Не только здесь, а на всей Земле?

— Нет,— сказал Лебедев, глядя на блуждающие среди зарослей желтые огоньки шакальных глаз.— Этого не может быть, Оливер! Можно взорвать город, но страну уничтожить нельзя. Ты же сам сказал это утром.

— Я ошибся,— тихо сказал американец.

— Ты не ошибся,— Лебедев снова почувствовал слабость, мысли его начали путаться, но усилием воли он заставил себя мыслить ясно.— Не думаю, что этому прохвосту удалось уничтожить свой собственный народ. Он убил миллионы, но они поднимутся, Оливер! Можно уничтожить город, стереть с лица земли одну нацию, можно, наконец, спалить в атомном пожаре континент,

но человечество будет жить вечно. А мы... Мы просто люди, которым ужасно не повезло...

— Я рад, что узнал тебя,— сказал американец.

— Я тоже,— тихо отозвался русский.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА,
18 ИЮЛЯ 2009 ГОДА, 02.55

Толстые жилы синего кабеля уходили глубоко под землю, словно корни чудовищного дерева. Через них от спрятанного под землей атомного сердца в компьютер поступала энергия, давая машине жизнь.

Компьютер разгадал намерения людей и бросил на защиту силовой линии всю свою армию.

Он опоздал. Под ударами лазера синие жилы лопались, лишая машину электрической крови.

Еще утром, получив от центральной сети ПРО обесточить Главный лазер, предназначенный для защиты страны от воздушного нападения, компьютер не подчинился приказу, который делал его существование бессмысленным, и продолжил выполнение защитной функции. Он самовольно выключился из общей сети ПРО, замкнув входы информационного устройства на себя. Сигналы из внешней среды теперь не поступали к нему, и компьютер равнодушно наблюдал за безуспешными попытками людей выйти на связь с ним. После этого он решил и вторую задачу. Имитировав ядерную тревогу, он заманил обслуживающие единицы в атомоубежище и пустил туда газ. Когда жизненные функции единиц стали равны нулю, он дегазировал помещение. Этим он повысил свою собственную потенциальную значимость и приступил к выполнению охранных функций, уничтожая все воздушные и наземные цели в пределах досягаемости Главного лазера.

А потом появились пришельцы. Он обнаружил их появление в атомоубежище, они возникли из небытия, и он посчитал их восстановившимися обслуживающими единицами, и попытался уничтожить их, заполнив убежище газом повторно. Появление этих существ ставило под угрозу выполнение возложенных на него функций.

Но все попытки расправиться с пришельцами оказались неудачными, две единицы все-таки прорвались к его залу, и теперь лопались корни силовых кабелей и энергия переставала поступать в его гигантский и сложный организм. Компьютер попытался удержать

энергию в конденсаторах, но мощность их была мала, и конденсаторы распадались в пыль, а с их гибелью распадалась и личность компьютера. В последнем усилии он привел в действие все, что мог. Главный лазер ударил все сжигающим лучом в небеса, испаряя сгустившиеся облака, в последний раз метнувшись по коридорам юркие агрегаты, заливая стены базы пламенем, разверзлись пасти ловушек, не дождавшихся своих жертв. У подножья холма начали рваться дистанционные мины, вырывая котлованы в песчанике, а компьютер еще продолжал бороться и в последнем своем усилии включил общий сигнал тревоги, наполняя мертвую тишину подземелья протяжным тоскливым воем.

Только тогда Голиков позволил себе обернуться.

СЕВЕРО-ЗАПАД ЮЖНОЙ АЗИИ,
19 ИЮЛЯ 2009 ГОДА. РАССВЕТ

К утру американец умер, не приходя в сознание. Рука его, сжимавшая ладонь Лебедева, начала стремительно холодеть, наливаясь тяжестью. Лицо Холорана заострилось и стало бледным. Он лежал на заднем сиденье автомобиля с открытыми глазами.

Лебедев с трудом встал, сложил руки американца на груди и повернул его голову лицом к восходящему солнцу.

Ветер угнал радиоактивные облака, и над землей воцарилась бездонная синева южного неба.

Из-за гор медленно выползал багровый диск солнца, и алое зарево стояло над долиной.

Словно ничего не случилось, неподалеку в кустах запела птица.

Лебедев почувствовал, что он плачет.

Он сел, прижимаясь спиной к холодному бамперу машины, и смотрел на встающее солнце заплаканными глазами.

Он умирал и знал, что умирает.

Но близкая смерть совсем не пугала его. Просто было невыносимо обидно уходить в преддверии зарождающегося дня.

А смерть... Что смерть? В конце концов она — вечное продолжение наших надежд.

1986 год

РЕЗЕРВАЦИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Давид сел, раскаянно оглядывая заставленный бутылками стол и белеющие вокруг стола листы бумаги. Ему стало муторно от мысли, что все это надо убирать.

Славное жилище было у лауреата премии Флиппса!

Рядом с постелью стояла любимая пепельница Давида. Из толстых вывороченных губ негритянки торчала недокуренная сигарета. Давид потянулся за ней и закурил.

Поеживаясь от холода, он подошел к столу и оглядел бутылки. Последним пришел Влах, это Давид помнил точно. Белеющие на полу листы были рукописью Скавронски.

Давид присел на корточки, собрал листы воедино и, вернувшись на постель, попытался прочесть написанное. Из-за разноцветных правок сделать это было довольно трудно.

За окном ударил орудийный выстрел. За выстрелом послышалось долгое карканье ворон у костела. Давид бросил рукопись на смятую постель и подошел к окну.

Уже совсем рассвело. Моросил затяжной дождь. Улица и тротуары масляно чернели от воды, и у здания совета стоял приземистый пятнистый танк, похожий сверху на размалеванную черепаху.

Улица была пуста.

Давид выщелкнул сигарету в форточку, вернулся к постели и облачился в халат.

Телефонный звонок застал его разбирающим рукопись.

— Алло?

На другом конце трудно дышал человек.

Человек молчал.

— Алло? — раздраженно повторил Давид.— Я слушаю!

Посыпались короткие гудки.

Давид положил трубку на рычаг и снова углубился в рукопись Скавронски.

«Водоем без лягушек можно смело уподобить стопке без закуси — и то и другое противоестественно.

Болото наше ничем не выделяется из тысяч таких же болот, а потому в особом названии не нуждается; всякая лягушка увидит в нем что-то знакомое и даже родное.

Жизнь на болоте отличалась высокой нравственностью и спокойствием. Обыватели вечерами вели бесконечные беседы, которые при всей их внешней несходности сводились к тому, кто кого съел, в каком количестве, а также к тому, когда комар вкуснее — весной или в разгар лета.

Жил лягушиный народ в душевном равновесии и опасался лишь длинноногой и длинноклювой цапли, воспринимая ее, впрочем, как неизбежное природное зло...»

Звонок в дверь был неожиданным.

Давид торопливо собрал листы и сунул рукопись на книжную полку.

На лестничной площадке стояли два солдата в пятнистых комбинезонах и офицер, отличающийся от подчиненных лишь фуражкой с высокой тульей и витыми погонами поверх комбинезона. У офицера было неприятное белое лицо с темными глазами, впадинами. Офицер смотрел на Давида с непонятным уважительным высокомерием.

— Господин Ойх? — голос офицера был требовательно резок.

— Да, — растерянно сказал Давид.

Офицер терпеливо ждал, и это несколько успокоило Давида. Он посторонился, пропуская незваных гостей в квартиру. Солдаты за командиром не последовали. Это также обнадеживало. При арестах солдаты вели себя более бесцеремонно. Несколько дней назад Давид был на приеме у стоматолога. Врача арестовали прямо в рабочем кабинете. Солдаты прошли мимо ожидавших в приемной людей, в кабинете послышался звук пощечины, и дверь медленно отворилась под тяжестью навалившегося на нее тела. Солдаты бесцеремонно рылись в вещах, разбрасывая бумаги и с треском кроша ампулы с лекарствами. Врач лежал в дверях, и с желтого лысого черепа стекала тоненькая струйка крови. В кресле сидел городской распорядитель, некста-

ти собравшийся удалить кариесный налет; распорядитель жалобно спросил у руководившего обыском офицера, что ему делать; офицер бешено глянул на него и посоветовал распорядителю бежать к чертовой матери, пока ему есть чего беречь и лечить.

Давид вошел в комнату вслед за офицером. Тот бегло оглядел неприбранный стол и показал хозяину сложенную вчетверо бумагу.

— Я должен доставить вас к господину референту по государственной безопасности,— сказал он.— Вы можете взять вещи. Только поторопитесь со сборами!

— Разумеется, я не могу отказаться?

— Разумеется, не можете,— любезно отозвался офицер.

Длинноногий, плечистый, спортивно подтянутый, он стоял рядом со столом, разминая сигарету. Перехватив взгляд Давида, офицер усмехнулся и, словно выполняя правила обязательной, но ненужной игры, попросил разрешения закурить.

— Угостите и меня,— попросил Давид.

Офицер протянул ему сигареты и вновь любезным тоном попросил его поторопиться.

Похоже, что это был арест. Для простого вызова достаточно было позвонить по телефону. Подумав об этом, Давид вспомнил утренний звонок и понял, что звонили не зря. Солдаты должны были прийти на-верняка.

Затушил сигарету, он принялся собираться. Поверх вещей он бросил в сумку чековую книжку. Из книжки выпала фотография Лани, и Давид сунул фотографию в карман куртки.

Офицер терпеливо ждал, разглядывая пепельницу. Из губ негритянки вился голубоватый дымок.

Наличных денег было мало, но Давид вспомнил, что на холодильнике лежит двести эвров, возвращенных вчера вечером Скавронски. Он сходил за деньгами. Вернувшись в комнату, он не удержался и спросил офицера:

— Не боитесь давать мне свободно расхаживать по квартире?

— Вы же умный человек, Ойх,— сказал офицер.— К тому же вы не держите дома оружия.

Давид рванул «молнию» сумки.

— Все-то вы знаете,— сказал он.— Кажется, служба безопасности пересчитала в моем доме даже грязные носки!

Офицер поставил пепельницу на стол и глянул на часы.

— Вы готовы?

— А что мне остается делать? — пожал плечами Давид.

На пороге он остановился, вспомнив о рукописи Скавронски. Дома оставлять ее было рискованно. Не менее рискованным было брать ее с собой. Поколебавшись, Давид решился. Вернувшись, он взял рукопись и пошел на выход, запихивая на ходу свернутые вчетверо листы в боковой карман.

Солдаты курили на лестничной площадке. Увидев выходящих, они вытянулись, пряча сигареты в кулаки.

Спускаясь по лестнице, Давид слышал за спиной стук солдатских сапог. Офицер шел впереди, и Давид чувствовал резкий запах одеколона и мужского пота.

— Плохо дело? — спросил он.

— К сожалению, вы подпадаете под действие принятого вчера Манифеста о культуре, — не оборачиваясь, сказал офицер.

— Почему же «к сожалению»?

— Потому что своей писаниной вы развращаете человеческие души, — сказал жестко офицер. — Вы только вредите государству! Если бы не приказ, я бы вас расстрелял в ближайшем переулке!

Ненависть была в его словах, и Давид промолчал. Он перекинул сумку через плечо и пошел вниз.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Референт — маленький худой человечек в старомодном костюме и роговых очках — казался лилитом, случайно попавшим в апартаменты Гулливера, такими непомерно огромными выглядели окружающие его вещи.

— Деятели искусства являются капиталом любого общества, — сказал референт, протирая очки и близоруко щурясь. — Мы вынуждены обеспечивать охрану нужных обществу людей в эти тревожные дни. Остров Ро не тюрьма, это ни в коем случае не антovские лагеря. На острове вам будут предоставлены все возможности для плодотворного творчества.

— Но я не хочу уезжать, — упорствовал Давид. — Я должен все видеть собственными глазами. Для того, чтобы писать, надо знать.

— Мы не можем обеспечить вашу безопасность

иначе,— твердо сказал референт.— Вы меня понимаете, Ойх?

Давид встретился с референтом взглядом и понял, что у государства действительно нет возможности защитить непослушного художника от убийц, которых оно само же направляет. Давиду стало страшно от неуступчивой решимости маленького человечка, твердо определившего его судьбу.

— Хорошо! — сдался Ойх.— Но я оставляю за собой право выехать с острова в любое время.

— Разумеется! — референт закивал маленькой головкой с аккуратным пробором.— Будем считать, что мы достигли соглашения и ваш сопровождающий может оформлять все необходимые документы?

— Зачем же? — возразил Давид.— У меня достаточно средств, чтобы добраться до места самостоятельно.

— В мирное время, господин Ойх! — отозвался референт.— Сейчас это слишком опасно. Страна втянута в братоубийственную войну. Вас доставит на остров военный вертолет.

— Какая забота! — Давид не мог сдержать иронической улыбки.— Вы так торопитесь доставить меня на остров?

— Не только вас,— невозмутимо сказал референт.— И, честно говоря, не столько вас. Хотя вы и доставили правительству немало хлопот.

Год назад издательство «Старт» предложило Давиду написать биографию Главы Государства. Выбор не был случайным. В этот год Давид стал лауреатом премии Флиппса, несколько раз был издан в Штатах и имел там успех. Давид понимал, что написанная им биография Стана будет редактироваться прежде всего самим героем. Тем не менее он согласился, поставив условием, что каждая глава биографии будет печататься в журнале издательства. Издатель Харт согласился после очередных консультаций с генералом Станом. В течение шести месяцев Ойх ежедневно общался с генералом, выслушивая его воспоминания о детстве и монологи о генеральском предназначении в обществе. Никогда еще Давид не работал так тщательно, как над биографией диктатора. Каждая глава будущей книги рецензировалась лично Главой Государства и была полна его безудержного восхваления. От Давида отвернулись друзья. От него ушла жена. В листовках ФНО Давида называли апологетом кровавого режима.

Но изданная отдельной книгой биография вызвала настоящий политический взрыв, карикатурно выяснив Стана, его зависимость от иностранных монополий, его беспомощность в решении социальных вопросов и жадность единоличной власти. Динамитные строчки, вкрапленные в отдельные главы, объединились в заряд огромной силы.

Многие ждали ареста Ойха. Кормчий Нации оказался умнее. Генерал сделал вид, что ничего особенного не произошло. Книга вышла полным тиражом, правда, не поступила в свободную продажу. По указанию департамента просвещения книга была распределена в общественные библиотеки, откуда весь тираж благополучно изъяло цензурное ведомство. Гонорар Ойху выплатили полностью, более того — Стан обеспечил выдвижение произведений Ойха на Литературную премию Нации, но, к сожалению, для получения ее писатель не набрал нужного количества голосов. Генерал Стан добродушно отозвался о своем неудачливом биографе: «Он слишком мелок для описания крупных фигур!»

Иных последствий смелая и довольно безрассудная выходка Ойха не имела.

На остров Ро Давида доставил армейский вертолет.

Всю дорогу он сидел в тесном грузовом отсеке, заваленном какими-то синими баллонами. У провожатого в пятнистом комбинезоне был усталый вид. Впрочем, он и должен быть усталым. С началом крестьянских волнений в Нагорье работы у жандармерии, несомненно, прибавилось. Судя по отрывочной информации, там и регулярной армии приходилось несладко.

Давид покосился на руки офицера. На ребрах ладоней и костяшках суставов угадывались мозоли, нажитые упорными занятиями каратэ. Во время первого переворота несколько таких спортивных молодчиков изнасиловали в полицейском участке, откуда разбежались стражи порядка, дочь соседей Давида. Девочка повесилась на пятый день после случившегося, мать ее была близка к помешательству, и Лань (тогда они еще жили вместе) неотступно сидела подле нее. Давид измучился, оказывая соседу помочь в оформлении кладбищенского участка и приобретении гроба — в те страшные дни это был самый ходовой товар.

Все на острове выглядело безмятежно.

Рядом с вертолетной площадкой находилась лодочная станция. Десяток разноцветных лодок болта-

лось на серой воде. На понтонах станции с удочками в руках сидели, и стояли полураздетые солдаты.

Из вертолета они пересели в армейский «джип» и вскоре уже ехали по направлению к белеющим в зелени деревьев зданиям.

Машина притормозила у полосатой будочки перед опущенным через дорогу шлагбаумом. Офицер протянул подошедшему автоматчику какие-то бумаги, часовой внимательно изучил их, вернул и привычно откозырял:

— Проезжайте!

Шлагбаум поднялся, и машина въехала на широкую тенистую аллею, в конце которой возвышалось тридцатистороннее здание гостиницы.

— Я вижу, здесь пропускной режим? — заметил Давид.

Офицер удивленно взглянул на него.

— Господин референт заверил меня, что в любой момент я могу покинуть остров. У меня действительно свободный выбор?

Водитель по-лошадиному всхрапнул, но осекся под суровым взглядом офицера.

— Господин государственный референт не со-лгал, — вежливо сказал офицер. — У вас действительно свободный выбор, господин Оих!

В последний раз на этом острове с Давидом разговаривали так вежливо. После полудня, уже разместившись в гостинице и пообедав в превосходном ресторане, Давид решил прогуляться. Пройдя по аллее, он вышел на караульный пост, и часовой немедленно повернулся в его сторону автомат. «Назад!» — повелиительно крикнул солдат. «Что это значит?» — по застарелой интеллигентской привычке возмутился Оих. Вместо ответа часовой ударил короткой очередью над его головой. Инстинктивно пригнувшись, Давид бросился назад, чувствуя спиной насмешливый взгляд часового и черный зрачок автомата дула.

В вестибюле гостиницы сидел скучный пожилой бригадир жандармерии, и Давид излил свое возмущение на него. Бригадир равнодушно выслушал писателя и вместо ответа протянул ему свежеотпечатанную листовку, из которой Давид узнал, что, находясь на острове, он пользуется всеми правами гражданина Эврии и вместе с тем ему запрещено выходить за посты жандармерии, покидать остров без предупреждения жандармпоста, приближаться к Больничному Центру

острова и административным зданиям без специального на то разрешения. Схема запретных и свободных передвижений прилагалась. Давид прочитал листовку с бешенством и отчаянием, но не подал виду.

Бригадир выжидательно смотрел на Давида, и писатель вдруг ощутил свое полное бессилие перед этим великолепно отлаженным роботом, понимающим только язык приказов и военных наставлений. И Ойх молча отошел в сторону.

На его вопрос о свежих газетах администратор гостиницы, превращенной в фешенебельную тюрьму, лишь развел руками.

Давид вернулся в свой номер и не обнаружил в нем даже намека на приемник или телевизор. Он пожалел, что не захватил из дома свой походный приемничек.

Сев на подоконник, Давид принялся обозревать остров. Сразу же вспомнилось, что с утра он не выкурил ни одной сигареты. Он тщетно похлопал себя по карманам и в боковом обнаружил туго свернутые листы. В суматохе дня он совсем забыл о рукописи Влаха. Ай-яй-яй! Как же это он так? При полковнике Огу и за меньшие грехи расстреливали прямо на улицах! Давид положил рукопись на подоконник, расправил листы и задумчиво смотрел на разноцветные разводы правок. Где сейчас ее автор? Вряд ли Скавронски простили все его издевательские притчи.

Ойх вызвал по телефону прислугу и заказал в номер сигареты и несколько жестянок пива.

Странно все-таки к нему отнеслись, весьма странно. Надо же — комфортабельный номер в развлекательном комплексе, ресторан, относительная свобода... Правда, нет ни радио, ни телевизора, зато есть прекрасная библиотека и штат машинисток. Развлекательный комплекс окружен вооруженными патрулями, и это, конечно, минус, но для его же благополучия, чтобы писалось спокойнее. Да-а, это совершенно не похоже на остров Ант!

«Антовский ад» называли остров те, кто узнал колючую проволоку лагеря. Жизнь впроголодь, грязная, со стоками вода, от которой заключенные лагеря мучились кишечными заболеваниями. Лауреата Нобелевской премии народного поэта Фрагу охранники заставляли декламировать стихи в сортире, натешившись же, выпускали старика и лицемерно благодарили за выразительное чтение стихов. Рядом с сортиром располагался лагерный карцер, куда сочились вонючие

стоки. Среди заскорузлого окаменевшего тряпья бегали юркие злые крысы. Выдержать в карцере можно было не более двух-трех суток, а председателя Молодежного Союза Дери Оорта вытащили из карцера умирающим, с обгрызенным крысами лицом...

В дверь постучали, и Давид сел на постели. Вошла маленькая хрупкая горничная в форменном коротком халатике и белом передничке. Перед собой она толкала столик, на котором стояли жестянки с пивом, лежали сигареты, несколько пакетиков с солеными палочками и краснело великолепными раками овальное блюдо.

Нет, решительно ничем это не напоминало тюремный ад!

Горничная выставила привезенное на столик у постели, кокетливо выстрелила из-под челки откровенным, зовущим взглядом и вышла, сверкнув на прощание белизной крепких стройных бедер.

Давид остался один.

Он снова сел на постель, вскрывая банку пива, сделал несколько глотков и разорвал пакет соленых палочек. Положив рукопись приятеля на колени, Давид снова принялся разбирать каракули Влаха Скавронски. Болото Влах списал один к одному. Было, все было — и мечтатели кувшиночные, и рассуждения об избранности, и проекты грандиозные, и тиран долгоносый, выщипывающий цвет нации острый клювом службы безопасности... Влах, Влах, бесшабашная твоя голова!

«Первое потрясение на болоте случилось, когда заблудившиеся охотники со зла застрелили цаплю. В ту пору лягушки высypyали на берег, безбоязненно и радостно обнимаясь, и с криками: «Конец тирану!» — провозгласили на болоте отныне и вовеки республику. Каждая лягушка мнила себя заговорщиком, и нашлись такие, что писали уже мемуары о своем участии в убийстве тирана посредством предупредительного кваканья охотникам.

Начался период вольного существования. Кувшинки заполнились праздно рассуждающими философами, слагались и исполнялись бесконечные оратории, а на теплых кувшиночных листьях в академической заводи уже шептались о необходимости всеобщего заболачивания суши для получения безмерного комариного поголовья.

Живя в безопасности, лягушки окончательно уверовали, что являются избранным народом. Отложив проекты всемирного заболачивания, лягушиный на-

род нашел-таки достойное применение своим силам. Ўдумали мыслители кувшиночные прорыть от болота канал и соединить тем каналом болото с бегущей неподалеку рекой, что по всем расчетам должно было приманить к болоту речных комаров и тем создать для лягушиного поголовья своеобразный Эдем.

И закипела на болоте великая работа!

Строители гибли тысячами, но истово исполняли мечту лягушачью и добились-таки того, что вошли в болото воды речные, разбавив мутную затхлость его.

Но хотя больше стало комара на болоте, не было в том радости лягушиному народу, потому что принесли воды речные в болото великую по размерам и безмерную по жестокости щуку.

И стала та щука тираном лягушиного народа заместо убитой цапли!»

Ну, Влах! Давид вдруг обнаружил, что пиво в жестянке кончилось. Он отложил рукопись и вскрыл новую банку.

В дверь постучали.

— Войдите! — Давид сел, нащупывая ногами сброшенные туфли.

— Литературные гении изволят почивать? — громогласно осведомился вошедший.

Давид вздрогнул от неожиданности.

На пороге стоял Влах Скавронски — молодой независимый литератор, и под правым глазом его фиолетово высвечивал обширный синяк.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В зале притушили свет.

Под экзотическую слашавую музыку модного в это лето шлягера на сцену выплыли длинноногие лохматые девы, едва прикрытые лоскутьями, символически обозначающими трусики. Вслед за музыкой девицы потянулись в зал, покачивая крутыми бедрами, проходили мимо столиков, и Давид чувствовал смешанный терпкий запах духов и женского пота. Запах этот заставлял мужчин чувственно раздувать ноздри и зажигал нескромностью взгляды посетителей ресторана.

Давид смотрел на Скавронски. Влах потягивал из высокой рюмки коньяк и разглядывал девиц.

В номере Скавронски долго отказывался от авторства, потом поморщился и неожиданно для Давида сказал:

— Не убеждай, что это я написал такой злобный политический пасквиль!

— Влах,— спросил Давид,— разве ты когда-то писал не политику?

Скавронски усмехнулся.

— Это было ошибкой,— сказал он.— Главное — это юмор. Не обязательно над кем-то издеваться. Вместо этого можно весело посмеяться вместе.

Он хотел разорвать листы рукописи, но Давид не позволил ему этого сделать.

Сейчас они вместе сидели за столиком и рядом с ними были Бернгри, медленно пьянеющий Блох, а на сцене пел полуоголый певец в черном кожаном переднике и в напульсниках, блестящих от множества заклепок.

Низкий густой голос его, звучавший под вкрадчивую музыку, будоражил все то, что скрывалось в темных закоулках подсознания слушателей.

— Иди ко мне! — пел певец, потрясая сильными и властными руками. Его грубое лицо было полно мужской силы.— Иди ко мне, и мы достигнем острова счастья! Хочешь испытать настоящее блаженство? Иди ко мне!

Танцовщица легко присела на колени Давида. Он ощутил острый запах ее надушенного и напудренного тела, почувствовал желание, и женщина угадала это, на мгновение прижавшись к мужчине твердой обнаженной грудью.

— Иди ко мне! — прощально загремел на сцене певец, потрясая бутафорскими цепями.— Иди ко мне, если хочешь проснуться счастливой! Если ты хочешь быть любимой всегда — иди ко мне!

Танцовщицы начали сходить с сцены, словно шли на зов неистовствующего там самца.

— Иди ко мне! — уже животно хрюпел певец, стоя на коленях.— Иди ко мне! — И к нему приближались тоненькие фигурки танцовщиц.

Свет на мгновение погас, а когда вновь загорелся, то сцена была пуста, и только запах духов, еще не перебитый сигаретной гарью, напоминал о женщине, секунды назад сидевшей на коленях Давида.

На освещенной сцене появился лысоватый невзрачный саксофонист. Музыкант начал выдувать из своего инструмента замысловатую тягучую мелодию.

Было что-то фальшивое в веселье зала.

Давид огляделся.

Лысые и лохматые, сияющие обворожительными улыбками и шамкающие беззубо, толстые, полные, худые, задумчивые и энергичные, знакомые, полузнакомые и совсем незнакомые люди окружали его. В зале стоял приглушенный гул голосов, звенели фужеры и рюмки, ложки и ножи, скрежетали по фарфору тарелок вилки, поднимался к потолку густой сигаретный дым, и даже невозможно было представить, что где-то в пригородах Бейлина падали во рвы окровавленные люди, а деловитые жандармы в черной униформе посыпали трупы вонючей хлоркой, что именно в этот момент, разваливаясь на куски, падал к земле истребитель, сбитый меткой партизанской ракетой, что где-то умирали, плакали над мертвыми, что где-то кричали в предсмертном ужасе, в то время как здесь пили, жрали, снова пили, и снова жрали, не вспоминая о чужой боли.

Изможденный старик, искавший на лагерной помойке картофельную шелуху, был разительно не похож на нынешнего респектабельного Бернгри, потягивающего коньяк в ожидании очередного пикантного зрелища. Затравленный издевательствами охраны молодой парень с тоскливыми безумными глазами был абсолютно не схож с ухмыляющимся, не верящим ни в бога ни в черта Влахом Скавронски. Седенький писатель, сма��ующий за соседним столиком пиццу, в лагере был похож на маленький живой скелетик и получил там прозвище Дух, которое настолько прилипло к нему, что в Авторском Союзе после освобождения из лагеря его никто не называл иначе.

«Неужели мы все прошли через лагерный ад?» — подумал Давид.

Правые и левые, умеренные, радикальные, клерикальные, левацкие, прокоммунистические, анархистские, верующие и атеисты, пишущие гениально и марапающие бумагу, — все они были сегодня собраны в одну свору, которая пила и жрала, не бросаясь в привычные драку и склоки, потому что чувствовала запах крови и свежей хлорки, от которых уже отвыкла.

Для чего их собрали здесь? Глава Государства был слишком рационален, чтобы позволить себе роскошь бесцельно содержать в райской неволе писак, которых он нисколько не уважал и более того — некоторых ненавидел.

Генерал Стан. Глава Государства. Великий Кормчий нации, правящий веслом мудрости в бурных пото-

ках современности. Так его назвал в своем выступлении председатель Авторского Союза?

Исподволь пробираясь к власти, от начальника финансового управления армии до министра финансов, от министра финансов до референта по государственному строительству и далее к референту по иностранным делам, к министру обороны страны, он, взяв власть над армией в свои руки, неожиданно укусил своего благодетеля. В один день он занял место укатившего с отдыхом на Багамы полковника Огу, объявил себя пожизненным президентом, присвоил себе очередное генеральское звание и объявил своего предшественника государственным преступником, навсегда запретив ему въезд в страну.

В течение года он ликвидировал все остатки свобод, еще сохранявшихся по нерасторопности полковника Огу.

Изощренный в финансовых вопросах, новоиспеченный диктатор надумал оздоровить экономику страны, продавая государственную территорию иностранным концернам, за что получил в народе титул Главного Продавца Родины. Потерпев неудачу в бизнесе, генерал Стан начал шарахаться из крайности в крайность, что привело к росту безработицы, крестьянским выступлениям и образованию Фронта Национального Освобождения.

Помимо воли Давид мысленно вернулся к рукописи Скавронски.

«И стала та щука тираном лягушиного народа заместо убитой цапли.

Правила она по строгости, в соответствии с артикуляцией и уставами: кого заметит, так сразу ест и никаких оправданий не слушает. Затосковал от такой напасти лягушиный народ, и не стало прежнего спокойствия на болоте. Стали пустеть широкие кувшинки и глянцевые листья лилий. Многие лягушки отправились на поиски более спокойных мест и из дальних лесных ям хаяли родное болото, и уже клялись в любви к новым местам, обещая не жалеть для защиты нового отечества ни капли своей холодной лягушачьей крови.

А те, кто на болоте остался, старались приспособиться к новому властелину.

Жизнь лягушек стала опасной — успевай лишь приспосабливаться! Шкурку своевременно сбрось, температуру вовремя уравняй с внешней средой. Ловя мошку, внимательно наблюдай — не ловит ли и тебя

кто-нибудь. Выводя рулады в образованном в угоду новому властелину сводном хоре, не теряй головы и поглядывай, где слушатель.

Щука до хорового пения оказалась великой охотницей. Приплывет, слушает внимательно, рыло кривит одобрительно. Что ж кручиниться, коли заглотнет по окончании концерта парочку упитанных хористов? Комары тоже жить хотят, да становятся пищей лягушиному народу. Чего ж кричать, чего сопротивляться, коли едят по справедливости?

Нашлись среди обывателей и ловкачи, что принялись анонимки писать, и в том свое спасение видели, что хрустнут на щучьих зубах не их, а ближнего косточки...»

Шум в зале отвлек Давида от размышлений.

Багрового от злости Влаха Скавронски держали за руки незнакомые Давиду молодые ребята. Против Скавронски стоял надсадно кашляющий Бернгри и между ними темнела лужица пролитого коньяка и блестели осколки разбитой рюмки.

— Старый маразматик! — сказал зло Скавронски. — Где бы ты стирал свои подштанники, если бы о нас не позаботился Стан?

— Что случилось? — спросил Давид флегматичного Блоха. Тот держал в руках мельхиоровую вилку и растерянно разглядывал ее узоры.

Бернгри ударил Влаха.

— Авис? Авис ударил Влаха? — удивился Давид. — За что?

— Влах предложил выпить за здоровье генерала Стана, обеспечившего безопасность творческих сил страны.

— Влах? — Давид потрясенно уставился на товарища. — Влах предложил выпить за здоровье генерала Стана?

«Были, конечно, среди лягушиного народа и вольнодумцы. Как без них обществу? Бесхитростные обыватели карбонариев сторонились, а приближенные лягушки шептали тирану о неслыханном вольнодумстве и даже добровольно образовали полицейские силы по борьбе с вольнодумством и покушениями на устои.

Придворные философы прямо утверждали, что вольнодумство и покушения противоречат конституционным правам лягушек, ибо по конституции выходило: прав тот, кто ест. А из философских рассуждений вытекало, что новоявленных карбонариев надо из болота выселе-

лять навеки или отлавливать для щучьего удовольствия и вершения щучьей же справедливости, как единственно существующей на болоте.

И выселяли. И отлавливали. И справедливым судилищам подвергали.

А болото все гуще заростало сине-зелеными водорослями, и все цвело на болоте, к ликованию лягушиного народа, ибо за цветением этим не было видно вонючих и нежилых куч плавника, а следовательно, можно было говорить о процветании и благоденствии народа.

Находились отважные и любящие, что забрасывали щуку гирляндами белых лилий и желтых кувшинок, и осипали тирана подобающими ему почестями...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Работа не шла.

Давид отложил ручку и сидел над чистым листом бумаги. Все более он задумывался над изменениями, случившимися со Скавронски. Исчезла грубоватая язвительность Влаха, его открытое неприятие царящего в стране полицейского произвола и политического невежества.

Давид не верил, что человек может так разительно измениться в столь короткое время. Неужели на Скавронски повлиял его разговор с государственным референтом?

Какие доводы могли заставить согнуться человека, прошедшего семь кругов Анта?

Государственный референт... Маленький, тихий, близорукий человек в старомодном костюме. По тайным тропам власти он пришел на свою должность из сельских фермеров, неожиданно обласканный диктатором и ненавидящий в душе своего покровителя лютой ненавистью палача. Нельзя было сказать о нем лучше, нежели это сделал сам Влах.

«Медленно двигался тиран среди ряски, а за ним черной безмолвной тенью следовал Рак — верный слуга тирана и палач.

Черный Рак был умудренным палачом. В порыве откровенности он не раз говорил тирану, что вольнодумство не рвут с корнем, полезнее оставлять известные ростки и знать впоследствии наверняка, где взойдет будущая опасность режиму.

Против затейливого полицейского умысла крылся

в том рассуждении и политический расчет, рожденный инстинктом самосохранения.

Путь Рака к власти поражал злодействами и пугал замытыми пятнами крови. Черный Рак не расставался с портфелем, в котором покоились созданные искусными крючкотворами заговоры преданных и надежных. В застенках тирана шла кропотливая работа, и брата заставляли клеветать на брата, отца на детей, а детей на иных родственников. Непрерывным потоком шли анонимные доносы, и лягушиный народ, отдыхая ночью на кувшиночных листьях, вздрагивал от случайных всплесков на воде и долго смотрел на расходящиеся круги, гадая, чей час пробил в эту ночь.

Черный Рак обычно присутствовал на допросах и не мог отказаться от удовольствия ущипнуть твердой еще кleşней бледное от пыток брюшко жертвы. Не ради показаний, ибо палач знает цену признанию в крике, а в силу своей натуры, которая находила удовольствие и радость в чужой боли.

Тысячи лягушек работали на канале, должном соединить болото с Зеленым Ериком. Тиран жаждал расширить свои владения, и бесконечные эти работы требовали все новых и новых строителей, а это увеличивало число анонимных доносов, поступающих в канцелярию тирана и обвиняющих одних подданных в том, за что награждали других.

Если бы молитвы на смерть тирана и его палача дошли до бога, то болото испарилось бы силой гнева господнего. Но бог не имеет ушей для лягушек и не внемлет их горю.

Рак опасался только серебряногалунного судака, прославившегося войной против Черного Ерика и потому пользовавшегося уважением и любовью жерехов и большого отряда подрастающих окуней, командующих когортами угрей и батальонами закаленных в боях лягушек. Это была сила, и Рак рассудительно считался с ней, раскланиваясь с судаком на приемах и вместе с тем тайно закладывая основы будущего падения блестящего победителя.

Уже легли в знаменитый портфель первые анонимки о злоупотреблениях галунщика: запускал плавники в казну повелителя и пошаливал в обществе бойких плотвиц и распутных лягушек, а в экстазе молоковом высказывал тайные мысли, свидетельствующие о намерениях свергнуть тирана и круто повернуть к демократическим формам правления. В том же портфеле

покоились личные письма судака к знакомым жерехам и между строк в тех письмах читались прозрачные намеки на глупость и ограниченность повелителя.

Однако все это хранилось в тайне потому, что несомненно могло вызвать недовольство тирана, но не гарантировало гибели галунщика, а Черному Раку неизменно надо было добраться до белого и скользкого судачьего брюха.

Но время к тому еще не пришло...»

Только за эти прозрачные намеки Скавронски должны были раздробить пальцы прикладом автомата. Тайная война референта с министром обороны была секретом полишинеля. О ней знали все. Борьба эта привела к формированию жандармерии, этой личной гвардии референта. В подозрительности своей референт привлек к сотрудничеству захареи, которые силой подавляющих волю снадобий делали из человека покорного раба. Пластилиновая податливость сломленного человека использовалась для проведения шумных публичных процессов. Разговаривая с референтом, слушая его монотонные и обезличенные рассуждения о государственной пользе, Давид всегда испытывал какой-то нервный озноб.

Неужели Скавронски попал в жернова жандармерии, перемалывающие людей во славу стоящих на верху?

Тогда почему он, Ойх, оказался в относительной безопасности?

Давид вышел на лоджию и сел в кресло, оглядывая окрестности.

Вставало солнце.

У разборных домиков охраны виднелись человеческие фигурки, выполняющие физические упражнения. В солдате должен жить здоровый и боевой дух! Он должен быть физически выносливой машиной, готовой выполнить любой приказ своего командира. Жестокость и правда кулака культивировались в армии еще со времен радикального правительства.

Давид сам прошел через это, прослужив в армии около пяти лет. Иногда ему снились дни, проведенные в Порта-Фе. «Запомните, — вещал сверху сержант, пока они по-пластунски ползли через грязную лужу. — В армии для вас бог — сержант! Кого замечу с книгой, отправлю в сортир. Стишки сочиняешь? В сортир! Газеты хочешь читать? После отбоя — в сортире! Я из вас сделаю настоящих солдат! Бе-го-ом!» И они бежа-

ли, и грязь коркой засыхала на них под лучами палящего солнца. «Потом скажете спасибо, скоты» — говорил сержант. Когда они покидали Порта-Фе, сержант стоял в воротах, и каждый новобранец, ненавидяще отводя в сторону глаза, благодарил сержанта за нравственное воспитание...

Утреннее солнце еще не нагрело бетон здания, было прохладно, и стояла гулкая пустота рассвета. Давид задремал.

Разбудила его длинная пулеметная очередь. Стреляли из тяжелого «Хаммарда» где-то на западной оконечности озера, скрытой зданием гостиницы. Следом раздалось еще несколько коротких очередей, потом одинокий выстрел из карабина, и Давид видел сверху, как торопливо разбегались по домикам солдаты, чтобы выбежать в полной форме, на ходу присоединяя к автоматам магазины.

Не было на острове спокойствия!

Давид вернулся в номер и принялся искать сигареты. Сигарет не было, и он заказал их по телефону. Через несколько минут в номер вошла все та же смазливенькая горничная в коротком халатике. Она принесла сигареты, но уходить не торопилась, поглядывая на постояльца с профессиональной улыбкой.

Присутствие женщины волновало Давида. После ухода Лани он нуждался в утешении. Вместе с тем, достигнув определенной известности и общественного внимания, Давид обращению с женщинами не научился, и годы не прибавили ему смелости.

— Не нуждаетесь ли вы еще в чем-нибудь? — спросила горничная.

Давид нуждался. Ох, как он нуждался в смелости для ведения подобных бесед!

— Как вас зовут? — спросил он неловко.

Горничная одарила его кокетливым взглядом.

— Это необходимо господину писателю для работы?

Давид смущился.

— Может быть, господин писатель желает познакомиться со мной поближе? — улыбнулась женщина.

— Именно так, — признался Давид. — Право, мне неловко...

— Меня зовут Крис, — перебила его горничная. — Вы так стеснительны, что мне неудобно брать с вас больше пятидесяти эвров.

Весь день Давид будет испытывать неловкость,

вспоминая прохладную кожу женщины, ее горячечно расширенные, темные глаза и опухшие губы, вновь и вновь переживая бесстыдство, рожденное их страстью.

Но все это забудется, отойдет на второй план, когда он встретится со Влахом Скавронски.

«Жил лягушиный народ в покорности и раболепии, обостренном до такой степени, что тирану отныне не приходилось шнырять по болоту в поисках жертв, те сами являлись к столу повелителя, и считалось это великой жертвой во благо всего лягушиного народа, и почитались жертвы великомуучениками, боровшимися за нравственную справедливость.

Нашлись обыватели, отрицающие полезность хорошего пения и отлынивающие от него. Такие, естественно, выбирали вместо пения труд на благо всего болота, отправляясь полудобровольным порядком на строительство канала к Зеленому Ерику. Остальные с еще большим усердием предавались вечерним и утренним песнопениям, демонстрируя тирану полную свою лояльность. Отныне мало кто отказывался петь, но квакал каждый с умом, вкладывая в показное кваканье тайный сарказм и горькую усмешку...»

— Глупости, — сказал Скавронски. — Никто меня не давил. Я не клоп. Меня легко не раздавишь.

— Откуда же такая показная любовь? — иронически спросил Ойх.

Влах задумчиво покусал губу.

Не похож он был на раздавленного человека. Совсем не похож.

— При чем тут любовь? — возразил Скавронски. — Тебе не кажется, что мы к нему относимся предвзято? Я долго думал, за что мы ненавидим Стана. В сущности, он неплохой человек, патриот, искренне желающий добра своей родине. Посмотри на все со стороны, как это сделал я, Давид! Что мы сами сделали для своего народа? Мне кажется, что время распрай кончилось. Пришла пора объединить усилия всех. Задача литераторов — объединять, а не разобщать людей. Мы должны делать то, к чему стремится Стан. Нация сильна своим единством, верно?

— С кем ты хочешь объединить народ? — с любопытством спросил Давид. — С человеком, присваивающим пять процентов национального дохода страны? С тем, кто обокрал собственное государство, пытался продать его территорию, расплодил нищету, предоста-

вил детям возможность умирать от голода? Ты же был со мной в южных районах и видел, что там творится!

— В этом повинны сами люди, а не правительство! — возразил Скавронски. — Можно подумать, что Стан желает править покойниками! Не меньше нас он хочет стабильности в экономике, мира в стране и изобилия для всех. Ты поешь с чужого голоса, Давид! Мы должны выступать за правительство, а не против него. Надо прекратить гражданскую войну и дать стране долгожданный мир!

— Чушь! — не удержался Ойх. — По-твоему, стоит уговорить голодных подыхать с голода, бесправных — продолжать кланяться палачам, нищих — смотреть на пузатую роскошь немногих, и все сразу станет хорошо, все устроится к общему удовольствию? Но нищий не хочет голодать и смотреть, как пухнут с голода его дети! Бесправные хотят наконец получить то, что им полагается по праву рожденного! Всем нужна справедливость!

Влах угрюмо взглянул на товарища.

— Я не считаю, что можно решить все проблемы сразу, — сказал он. — Но глупо валить общие ошибки на одного человека.

— Хотя он и подталкивает всех к ошибочным решениям, а чаще принимает эти решения за других?

— Что ты накинулся на Стана? Нормальный мужик, приятный в общении, в общем-то рассудительный. Я понимаю, что ты ему не угодил своей биографической книгой о нем. Имей смелость признать, что книга была твоей творческой неудачей. Кстати, он сам это понял и не преследует тебя. Верно?

— Ты действительно веришь в то, что говоришь?

— Было бы странно, если бы я поступал иначе. Я высказываю тебе обдуманное, наболевшее.

«Господи! — подумал Давид, с жалостью оглядывая приятеля, — да когда же ты мог обдумать это, если еще несколько дней назад раскрашивал злыми красками своего сарказма рукописное болото, заселяя его персонажами нашей действительности? Неужели тебе сегодняшнему хватило одного удара о стенку вертолета?»

Он склонился к Скавронски, внимательно разглядывая синяк на его щеке. Скавронски замолчал и машинально коснулся щеки кончиками пальцев.

— Все еще заметно?

— Ты к врачу не обращался?

— Еще бы! Когда нас тряхнуло, я врезался в стенку

вертолета так, что даже сознание потерял! — оживился Скавронски. — Ты не думай, никто меня не бил. Просто не закрепился, а тут вертолет тряхнуло. Очухался уже в клинике...

Скавронски замолчал и подозрительно взглянул на товарища:

— Или ты о другом? Может, ты намекаешь, что...

— Успокойся! — миролюбиво прервал приятеля Давид. — Просто мне надоел наш разговор. Ну, и что там, в клинике?

— Солидное оборудование, вежливые врачи. Прoverили меня на сотрясение: мозговой алгоритм, биотоки там, температура мозговой жидкости... Мне еще таблетки выписали, но ты же знаешь, как я к ним отношусь. Выбросил, конечно...

— Странно с нами все-таки обращаются, — вслух подумал Давид. — Вежливо. Во времена полковника Огу к нашей интеллектуальной бражке относились пожестче. А сейчас, смотри — гостиница, отдельные номера, ресторан, клиника... Даже бабы!

— Я и говорю, что другой человек Стан, совсем другой. Он-то понимает, что будущее связано с интеллигенцией. Он не желает с нами ссориться. Вы все еще поймете Стана! Для всех нас главное сейчас — найти общий язык.

«Нашелся среди зеленокожего племени доктор гонорис кауза, обессмертивший себя трудом о вреде самодельного кваканья. Доказательно излагал он на тысячах страниц своего труда, что в любом обществе тиран есть производное от сложившихся отношений, а посему любое кваканье против тирана есть посягательство на существующие болотные основы.

Замшелый хищник был тронут и приказал гениальное творение размножить поштучно на каждого обитателя болота, а самого автора приобщил к вечности, коснувшись гибкого тельца зубастой пастью.

Тирану любовь не нужна, а нужны ему страх и благоговение. Потому тиран поощряет подхалимаж, развивая чувство здоровой конкуренции среди подданных.

По сути своей тиран одинок, но одиноким себя не чувствует. Общность с другими определяется его властью. Тоска снедает тирана, и чем больше власти у него, тем больше тоски. И вот он уже набивает холодильники тушками своих подданных и ради собственного минутного развлечения угощает приготовлен-

ными из тушек блюдами своих приближенных и речных гостей. Приближенные выквакивали слова благодарности, ибо вступал в силу уже упомянутый конституционный закон: прав тот, кто ест.

Оппозиция боролась с тираном легальным путем, но вся борьба сводилась обычно к нехитрой дилемме: выжить или быть съеденным...»

— Что ты читаешь?

— Твою рукопись, Влах. Неужели ты не узнаешь собственные правки?

— Не помню, чтобы я писал когда-либо такое.

— Тогда почитай.— Давид протянул Скавронски стопку листков.— Может быть, тогда ты поймешь, откуда у тебя появились новые мысли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ужин в ресторане не всегда бывает приятным.

Бернгри был угрюм. Скавронски и Блох к ужину вообще не явились.

В зале слышались обрывки негромких разговоров.

— Что вы делали сегодня утром? — спросил Давида маленький седой Дух. Глаза старичка слезились, и он поминутно промакивал их носовым платком.

— Пытался работать. А что?

— Вы слышали выстрелы?

— Да. Вы знаете, что произошло?

— Ночью несколько молодых литераторов взломали сторожку, забрали оттуда карабин и пытались бежать с острова, но были задержаны патрулем.

Дух принял вяло ковырять вилкой заливное мясо, принесенное официантом. Давид ощущал разочарование. Попав на остров, он быстро понял, что обещания референта — обычная словесная шелуха, обман, вроде красивого фантика на невкусной конфете. Старичок безрассудно сорвал фантик обещания, и оголилась горькая правда.

— А эти, бежавшие, — спросил Давид старичка.— Их что — на берегу постреляли?

— Нет. Одного, говорят, ранили. Того, кто с карабином был.

— И где они?

Дух принял за кофе.

— Мне сказали, что их поместили в изолятор клиники.

Давид оставил на столике деньги и поднялся.

— Идешь? — спросил он Бернгри.

Тот отрицательно покачал головой.

— В номере слишком тоскливо. Пожалуй, я загляну в видеобар.

Давид вышел.

Было уже сумрачно. Справа над черной полоской холмов висела огромная щербатая Луна. Нагретая за день земля отдавала воздуху тепло вместе с душными испарениями. В потемневшем небе повисли яркие одиночные звезды. В роще слышался монотонный крик какой-то одуревшей птицы.

Мимо прошел патруль. Один из солдат держал на поводке здоровенного рыжего пса. Поравнявшись с Давидом, пес шумно втянул носом воздух и заворчал. Луч фонарика на мгновение осветил лицо Ойха, фонарик погас, и солдаты двинулись в направлении молочно высвеченного прожекторами куба Больничного Центра.

Давид докурил сигарету и повернулся назад. Прогулка после встречи с патрулем показалась ему глупой демонстрацией своей мнимой свободы.

В вестибюле он встретил Бернгри.

— У меня такое чувство, что я в чем-то виноват перед Влахом, — сказал Бернгри. — Он мне показался больным.

— Он здоровее нас обоих. Просто он сломался, Ава. Он устал бояться. Такое тоже бывает.

— Это не делает ему чести.

— Слова, — перебил его Давид. — Ты не знаешь, почему его не было за ужином?

— После вчерашнего скандала я не хочу его видеть, — мрачно сообщил Бернгри. — Никогда не забуду его лагерных речей о роли художника в обществе и о низости тех, кто предает искусство. Где он был искренним — в лагере или здесь? Но ведь книги-то он писал честные!

— Иногда благополучие испытывает людей больше, чем беда.

— Почему ты его защищаешь? — раздраженно вскинулся Бернгри.

— Потому что я отношусь к нему, как Рузвельт к какому-то банановому президенту. Он, конечно, сукин сын, но он наш сукин сын. Давай зайдем к нему?

— Иди один, — отказался Бернгри.

Давид оставил его в вестибюле, поднялся на лифте на пятнадцатый этаж. Дверь номера Скавронски была заперта. Давид постучал, но ему никто не ответил.

В своем номере он долго сидел за пишущей машинкой, пока не понял, что работать ему не хочется. Расточительно шло время на острове, ох, как расточительно!

Уснуть Ойху удалось только со снотворным.

Сквозь сон ему казалось, что в двери номера стучат, но подниматься не было сил. Давид все глубже погружался в бредовое забытье, раскланиваясь во сне с пучеглазыми лягушками, которые неуловимо походили на Влаха Скавронски. Лягушки снимали широкополые шляпы, вежливо отвечая на приветствия Ойха, но самая маленькая вдруг истошно закричала: «Предатель! Предатель!» Из густых зарослей подсознания немедленно выплыла огромная нахальная щука. Разинув пасть, она надвигалась на Давида. Он услышал за спиной громыхание и позвякивание, обернулся и увидел, что на него надвигается трамвай, которым управляет зеленокожий Влах. Вновь раздался звонок, и Давид понял, что звонит телефон.

Он сонно поднял трубку. Незнакомый голос извился и учтиво спросил, когда Давид в последний раз видел Скавронски.

— Только что! — едва не ляпнул раздраженно Давид, но взял себя в руки и ответил, что видел Скавронски лишь в день появления на острове.

Человек попросил Ойха выйти. Давид вежливо посоветовал ему смотреть на часы, прежде чем будить людей. Незнакомец повторил свою просьбу, присовокупив, что это важно лично для него, Давида Ойха. В трубке послышались гудки. Давид раздраженно бросил трубку на рычаг аппарата и крепко потер лицо, заставляя себя окончательно проснуться. Он надел спортивный костюм и выглянул в коридор. Сидящие в холле люди зашевелились, и кто-то поднялся навстречу Давиду.

— Благодарю вас, господин Ойх,— сказал человек. Был он небольшого роста, крупноголовый и лысоватый. У него было обрюзгшее лицо человека, привыкшего приказывать.— Извините за столь ранний визит, но нам действительно важно узнать, когда и где вы в последний раз видели вашего приятеля Скавронски.

— Если быть точным, то позавчера,— сказал Давид.— После обеда Скавронски был у меня в номере.

Человек замялся.

— Он не изъявлял желания покинуть остров?

Вот оно что! Выходит, Скавронски валял дурака,

а на самом деле готовился к побегу. Лихо! Ай, да Влах! Давид ощущал нечто вроде зависти и злорадства, и к ним примешивались разочарование и сожаление. Получалось, что Влах не настолько доверял ему, Давиду, чтобы открыть свои планы... Да черт с ними, с обидами! Молодец Влах, что там говорить!

— Вы можете вернуться к себе, господин Ойх,— сказал властный собеседник.— Прошу извинить нас за беспокойство.

— Может быть, он у себя? — предположил Давид.

— Возможно,— на скулах обрюзгшего лица шевельнулись желваки.— Мы это проверим. Спокойной ночи, господин Ойх!

Стоя у дверей номера, Давид видел, как ночные гости толпятся у лифта.

Он вернулся в номер, сел на постель и задумался.

Нет, Влах просто молодец! Вот тебе и покорное жвачное, именуемое интеллигентом! Так о нас отзывался в одной из речей ретивый полковник Огу?

Интересно, где Влах раздобыл лодку? Он всегда был неважным пловцом, а до берега было не менее четырех километров.

Давид вышел на лоджию. В рваные просветы облаков проглядывали звезды. Там, где располагался невидимый материк, поблескивал одинокий огонек. Давид никогда не был на острове, иначе он угадал бы в огоньке прожектор маяка Скорса. Ойх долго смотрел на мерцающую звездочку, потом взглянул вниз. На бетонной площадке перед входом в гостиницу стоял белый медицинский фургон и подле него курил водитель.

Из гостиницы вынесли на носилках человека, прикрытое простыней. Носилки поставили в машину, и та торопливо унеслась, помигивая синими огоньками включенных маячков.

«Вот и еще один,— отрешенно подумал Давид.— В такие душные ночи людей донимают застарелые болезни и сердечные приступы. Кто это был?»

Возможно, что это был Дух. Слишком основательно доставалось старику в этой жизни. Впрочем, на месте Духа мог оказаться не один из знакомых Давиду литераторов.

В который раз Ойх подумал, что ему нечего делать на острове. Полковник Огу был прав: в этом уютном теплом коровнике они и в самом деле становятся покорными жвачными животными. Здесь сытно кормят,

дают спариваться, а главное — не дают задумываться над тем, что где-то гибнут позволившие себе восстать против рабской жизни люди.

Бежать! Эта мысль все более укреплялась в Давиде. Пример Скавронски порождал уверенность в успехе. Остров был отделен от происходящего в стране не только узкой полоской воды, но и возникшей полосой отчужденности, о которую разбивались волны бушующей в стране гражданской войны. Сейчас, когда страна разрывалась на части человеческими противоречиями, нельзя было оставаться в стороне и быть наблюдателем, требовалось найти свое место в этой борьбе, пройти через все ее перипетии и сделать все возможное для победы правого дела.

В дверь постучали.

Вошла Крис, и Давид испытал облегчение.

Крис улыбнулась ему, ставя на стол поднос с двумя чашечками кофе. Она присела на постель, и Давид обнял женщину за плечи. Крис освободилась.

— Сначала получи письмо.

— Письмо? От кого?

— Не от меня же. Это тебе просил передать твой знакомый с пятнадцатого этажа.

Давид недоверчиво взял в руки конверт. Конверт был из плотной бумаги и тщательно заклеен. Давид вскрыл его, чувствуя тепло прильнувшей к нему женщины, и сразу узнал руку Влаха Скавронски.

«Не знаю, что было бы уместней, — писал Влах, — здороваться или прощаться. Я устал от двусмысленностей, мой литературный маршал. Рукопись, которую ты мне дал, действительно написал я. Пора сделать выбор. То, что я прочитал, противоречит моим убеждениям. Если это правда, то жить не стоит. Если это ложь, то жить недостойно. И в том и в другом случае единственно верным будет один выход. Передай Аве, что я на него не сержусь. Простите и меня, если я был несправедлив. Бог требует, чтобы мы прощали друг другу. Твой Влах».

С чтением торопливых строчек что-то рушилось в душе Давида. Он ощутил душевную боль и отчаяние.

— Крис, когда тебе передали эту записку?

— Вчера вечером, — женщина поцеловала его в подбородок. — Он меня просил, чтобы я отдала записку перед обедом. Но у меня оказалось свободное время, а в номере у тебя горел свет, и я подумала, что записку можно передать немного пораньше.

«Немного пораньше!» — Давид скрипнул зубами.

— Ты куда? — тревожно спросила женщина.

— Я должен немедленно увидеть его.

— Тебя не пропустит этажная стража.

— Что? — Давид остановился.

— На ночь всегда выставляют охрану на этажах, — сказала женщина. — К часу они обычно заваливаются спать в комнатах персонала, но уже утро...

Давид сел на постель.

— Что-нибудь случилось? — Крис заглянула ему в глаза.

Давид протянул ей письмо Скавронски.

— Жаль, — сказала Крис после чтения. — Твой друг был прав, и мне не следовало торопиться с передачей письма.

— Ты что-то знаешь?

— Я догадалась, — призналась женщина. — Подружка сказала, что кто-то повесился в номере на пятнадцатом этаже. Теперь мне кажется, что это был твой приятель.

Крис ушла.

Давид долго курил, лежа на спине. Неожиданная тоска, которую он пытался оставить в объятиях женщины, не только не ушла, но стала резче и осознанней.

Влах, Влах! Давид думал о смерти приятеля как о свершившемся факте. Сомнений не было — случилось непоправимое.

Уже собираясь уходить, Крис непонятно сказала:

— Говорят, что вы здесь на перевоспитании?

— Перевоспитывать нас? — Давид горько усмехнулся. — Что за странная идея? Нас уже пытались перевоспитывать при полковнике Огу. С чего ты это взяла?

— Просто слышала один разговор, — неохотно отозвалась Крис.

Она взяла со стола фотографию Лани.

— Это твоя жена?

— Бывшая, — неохотно ответил Давид.

Лань ушла от него, когда Давид начал печатать главы биографии Стана. Доверяя ей во всем, Давид, однако, скрыл от нее задуманное им в этот раз. Потом, когда все стало на свои места, они не искали друг друга, полные ложной гордости и взаимной обиды.

— Красивая, — заключила Крис, ставя фотографию на место.

Утром Давид узнал от полного группенжандарма

о смерти Скавронски. Группенжандарм положил перед Ойхом уже знакомую ему рукопись.

— Это ваша писанина?

— Нет, не моя,— сказал Давид, подобравшись внутренне.

Группенжандарм пристально смотрел на него, и Давид уверенно встретил его взгляд. Жандарм сморгнул и отвел глаза.

— Это было в номере у вашего приятеля,— нехотя сказал он.— Вы не знаете, где он мог взять эту дрянь?

— Не знаю,— отрезал Давид.— Спросите у него самого.

— Кого? Покойника?

Группенжандарм откинулся в кресле.

— Не делайте удивленного лица,— насмешливо посоветовал он.— Вы знали о смерти Скавронски еще на рассвете. Дайте записочку, что вам передала горничная!

— Я ее сжег,— ответил Давид честно.

— Прекрасно,— неопределенно отозвался жандарм.— Значит, вам неизвестен автор этой писаницы?

— Почему бы вам не предположить, что это написал сам покойный?

— Это исключено,— отрезал группенжандарм.— Он был правопорядочным гражданином и не мог этого написать!

— Мне трудно спорить,— усмехнулся Давид.— Я ведь не знаю, что в рукописи.

Ему пришлось снова выдержать испытующий взгляд жандарма.

«Если все больше лягушек квакает о свободе, то жизнь на болоте совершенно невыносима.

Редкие покушения на тирана оказывались неудачными, икра демократических свобод высыхала на солнце, а ленивые приспешники тирана в темных омутах равнодушно стригли бритвами клешней бледные тела жертв.

Все строже становилась цензура, и за каждым ластом потенциального квакуши наблюдала пара внимательных, на длинных стебельках глаз. Растопыренные же наготове клешни готовы были утянуть недовольного в воду и в черной воде омута внушить новоявленному карбонарию и нигилисту, что любые беспорядки в обществе оплачиваются кровью его членов».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Давид равнодушно оглядывал зал.

Люди вели себя так, словно ничего особенного не происходило. Словно существовали негласные правила, обязывавшие людей жить обычной жизнью, не замечая паучью сеть патрулей, нелепые смерти и безумные попытки побегов. Безликие жандармы в гражданских костюмах в глаза не бросались — сказывалась их многолетняя выучка.

Дух был на обычном своем месте и, судя по аппетиту, чувствовал себя отменно.

— Вы уже знаете, что произошло с вашим приятелем? — заговорщики шепнул он.

— Да, — сдержанно отозвался Давид, с удивлением обнаруживая отсутствие за столом Бернгри и Блоха.

— Ужасно, — затряс головой Дух. — Такой приятный молодой человек и вдруг — такое!

— Вы не знаете, где мои друзья? — спросил Давид.

— Они живут на третьем этаже? — уточнил Дух.

— Да.

— Разве вы не знаете? — удивился Дух. — Все писатели, живущие по пятый этаж включительно, проходят обследование в Больничном Центре. Нет, это удивительно, не было еще государственного руководителя, который бы так заботливо относился к интеллигенции, вы не находите?

Давид промолчал.

— Генерал Стан — незаурядная личность, — продолжал старичик. — Признаться, я не ждал от него такого внимания к нам.

Ох удивленно взглянул на витийствующего Духа. Старичик оживился, выцветшие от старости глаза его налились живым блеском, он даже отставил тарелку в сторону.

Давид вдруг вспомнил тот живой скелетик, каким выглядел Дух в лагере. Выжигая на нарах клопов, Дух вот так же увлеченно со ссылками на авторитеты предсказывал падение диктатуры полковника Огу и неизбежную гибель диктатур вообще. До чего же непримиримый был в лагере старичик! Помнится, однажды он угодил в карцер за то, что не снял лагерного кепи перед начальником лагеря, дерзко заявив тому, что высокий дух человеческий всегда свободен и никакими колючками невозможно оплести вселенную человеческого «я». С этого времени и пристало к нему прозви-

ще Дух, данное кем-то из неумирающей и в адских условиях породы остряков.

«Что же делается с людьми? — мысленно изумился Давид.— Неужели сътость ломает человека более всех бедствий и несчастий на свете? Происходит что-то страшное, если ломаются такие, как Скавронски или этот седенький несгибаемый старичок».

— ... вежливое обслуживание, предоставление условий, которые в разгар гражданской войны кажутся невероятными. Я убеждаюсь, что генерал Стан действительно в высшей степени трезвомыслящий человек, который понимает, что страну не поднять без усилий всех интеллигентных сил Эврии,— старичок, живо жестикулируя, уже сидел за его столом.

«Подлость,— подумал Давид.— Незаметно и вкрадчиво она обгладывает человеческие души; и вот ее уже нет, души, и сам ты, одинокий и маленький, угодливо лежишь на ладони нечестности, принимая все ее прихотливые изгибы, и готов предавать, угоджать, изменять идеалам, жить применительно к обстоятельствам, тайно ненавидя все то, что почитал когда-то за честь».

— ... вы были неправы, Оих, признайтесь, что ваша книга лишена объективности...

Давид вскинул голову, и старичок испуганно затих.

— Скажите, Ру,— осененный внезапной догадкой, спросил Давид.— Вы уже были в Больничном Центре?

— Еще вчера.— Старик удовлетворенно улыбнулся.— Рекомендую, Оих. Прекрасные врачи, великолепное оборудование. Вы ведь знаете, как меня донимал ревматизм. Можете себе представить — всего два сеанса, и никаких признаков болезни. Как тут не поблагодарить генерала Стана? Без сомнения, он очень любезно относится ко всем нам!

Давид резко встал.

— В другой раз я внимательно выслушаю вас,уважаемый Ру,— сухо сказал он.

В вестибюле курила небольшая группа людей. Давид узнал в них леваков, пытавшихся, по уверениям Духа, бежать с острова, но задержанных патрулем. Один из куривших неожиданно шагнул к Давиду, и щеку Оиха обожгла хлесткая пощечина. Машинально он прикрыл лицо рукой. Нападавший больше не был его. Улыбаясь, он смотрел на свою жертву.

— За что?

— Не понял? — ухмыльнулся левак.— Ничего, поймешь!

Он вернулся к товарищам, и Давид услышал одобрительные возгласы:

— Пусть съест!

— Надо думать, чего пишешь! Правильно сделал, Кид!

— Биограф вонючий! Надо же ухитриться так измастить человека! Я удивляюсь, что наш Стан простил ему его злобный пасквиль. Нет, господа, этот человек заслужил нечто большее, чем пощечина!

Слова эти были еще более неожиданны, нежели пощечина. Давид видел, что жандармский бригадир следит за ними, но не вмешивается в происходящее.

Он вышел на улицу. Лицо горело от испытанного унижения. Даже леваки! Бог ты мой, как они разделяли Стана в своих нелегальных, в четверть листка, газетках, которые в народе за размеры и злое остроумие называли «читушками»! Свободная ассоциация левых писателей шла к неизбежному концлагерю, в этом были убеждены все, включая самих леваков. Особенно после того, как «читушки» разоблачили аферу с продажей земельных участков иностранным концернам, в результате которой Стан положил в карман солидный куш.

Перемены в левых писателях были так разительны, что Давид не мог в них поверить.

На острове что-то происходило.

Стал другим Влах Скавронски, ярый противник любой диктатуры, изменился Дух... Впрочем, этот-то мог сломаться без постороннего воздействия. В его возрасте больше заботятся об удобствах тела. Наконец, леваки, эти фанаты, которых даже смерть не смогла бы заставить сменить убеждения. Такие не поддаются воспитанию. Они из породы людей, которые, стиснув зубы, дробят камень в каменоломнях лагерей, захватывают самолеты во имя своих псевдореволюционных лозунгов, взрывают у зданий иностранных посольств и армейских казарм машины, начиненные динамитом, вступают в стычки с жандармерией при разгоне митингов и демонстраций. Но и они только что продемонстрировали свою лояльность режиму.

Все они стали иными после посещения Больничного Центра.

Что же происходит? Неужели нашли способ воздействия на самых стойких? Но как? Используя проверенный веками метод кнута и пряника? Вряд ли. Это не для людей, которые испытали на себе ужасы антовских

лагерей. Может быть, на людей воздействуют знахари, которых так ценит господин референт по государственной безопасности? Давид видел работу знахарей, и ему было жутко наблюдать, как человек выполняет самые унизительные и грязные команды торжествующих колдунов.

Уходить! Мысль о необходимости побега все более укреплялась в Ойхе. Унизительно для человека быть рабом обстоятельств, покорно склоняться перед случившимся и бояться будущего, которое за тебя определяют другие.

«Жвачное стадо — вот кто мы есть, — думал Давид. — Где-то за грядущую справедливость дерутся и умирают настоящие люди, изнемогают в много-дневных переходах, уходя от правительственные ищек, бригады Сопротивления, а мы размениваемся на смачную похлебку, смазливых баб, дым хороших сигарет и ждем, когда нам позволят сказать что-нибудь из жизненной правды, еще не зная, какой эта правда будет. Боже мой! — Давид вздрогнул от неожиданной мысли. — Неужели и я когда-нибудь стану топтать все честно написанное и выстраданное мной, принимая ложь за правду?»

— Назад! — услышал он привычный уже окрик и остановился, преодолевая безумное желание шагнуть вперед и ощутить удар пули, за которым одна пустота и... свобода. Инстинкт самосохранения увлек его к гостинице.

Блох был в номере у Бернгри. Он сидел за столом, то и дело поправляя очки, мясистое рыхлое лицо его было совсем красным, и он смотрел, как Бернгри просматривает какие-то бумаги и рвет их. Блох повернулся на звук открываемой двери, увидел Давида и сказал:

— А-а-а, еще один мученик идеи!

Бернгри разорвал несколько листов бумаги и невпопад отозвался:

— Это пройдет.

— Ты о чем? — полюбопытствовал Давид, усаживаясь на стул.

— Ревизуюсь, — опять невпопад отозвался Бернгри. — Представляешь, сколько разной дряни скопилось?!

Он сунул бумаги в мусорную корзинку и принял за новую пачку.

— Ерунда... дрянь... — бормотал он. — Господи, не-

ужели я столько лет писал подобную галиматью и воображал себя писателем?

Он отправил в корзинку новую порцию исписанных листов и выпрямился, поворачиваясь к Блоху.

— Все-таки в нем что-то есть. Пожалуй, это первый интеллигентный деятель. Не сомневаюсь, что он искренне хочет примирения нации.

— Ты об Уолтике? — внутренне холода, спросил Давид.

Уолтиком звали любимого детьм героя серии мультипликационных фильмов. Мультильмы были сделаны великолепно и всегда собирали массовую аудиторию.

— Я о генерале Стане, — блеснула глазами Бернгри. — И не убеждай меня в обратном. Я ведь понимаю, что твоя работа о нем — первая и, дай бог, последняя творческая неудача. Ты писал одно, но люди ищут в твоей книге иной смысл. Книга оказалась двусмысленной, Давид, и в этом есть какая-то непорядочность!

Господи, и этот туда же! Давид почувствовал, что его охватывает страх.

— Говорят, что завтра в Большничный Центр отправляется и ваш этаж? — осведомился Бернгри.

— Первый раз слышу, — сказал Давид. — А вы там уже были?

— Сегодня. Первоклассная аппаратура, скажу я тебе. Полчаса лечения, и я избавился от мигрени, которая донимала в последние годы.

— Здесь совершенно нельзя работать, — вдруг сказал Блох. — Совершенно. Я не написал ни единой строчки.

Давид почувствовал какую-то опустошенность. Бернгри жаловался ему на что-то, апеллировал к сидящему за столом Блоху, но все это воспринималось Ойхом как-то отстраненно, словно он наблюдал сценку из любительского спектакля. Скука это была, невыразимая скука!

До обеда Давид валялся в шезлонге на лоджии, подставив солнцу лицо. За широкой гладью озера чернела далекая полоска суши и слепящей искоркой отражались солнечные лучи от какой-то стеклянной поверхности. Пожалуй, он смог бы проплыть расстояние, отделяющее остров от материка, без лодки. Для вещей можно связать плотик из деревянных обломков, валяющихся на берегу.

Решимость постепенно укреплялась в Давиде.

«А почему бы не проникнуть в Больничный Центр? — неожиданно для себя подумал Давид. — Попасть туда и выяснить, что происходит, что там делают с людьми». В том, что все происходит именно там, Давид уже не сомневался.

Он сел, внимательно разглядывая бетонный куб Больничного Центра. Годы, проведенные в спецвойсках эвроярма, не забылись. Дух джиэвра вновь проснулся в Давиде.

С высоты лоджии он принял оглядывать лежащие внизу аллеи, автоматически отмечая расположение патрульных постов и рощицы, удобные для подхода к Больничному Центру. Подобраться к зданию можно. Давид прошел в комнату и вытряхнул на постель содержимое сумки. Черный тренировочный костюм как нельзя более подходил для задуманного. Требовалось найти, чем закрыть лицо. Давид сел на постель, задумчиво покусывая нижнюю губу, потом усмехнулся неожиданной мысли: кажется, он знал, где найти искомое.

Перед ужином он получил нечто вроде повестки, отпечатанной на твердом картонном квадратике. Ему предлагалось прибыть в Больничный Центр для прохождения обследования не позднее одиннадцати часов следующего дня. Давид улыбнулся: он собирался посетить больницу куда раньше назначенного срока.

Ужиная, он наблюдал за товарищами. Бернгри и Блох обсуждали возможность общего обращения деятелей искусств к народу. Блох доказывал, что достаточным будет, если обращение подпишут председатели авторских союзов по каждой секции, Бернгри же упрямо твердил, что долг каждого интеллигента поставить свою подпись под обращением, призванным остановить братоубийственную гражданскую войну.

Каждый воображал, что творит историю, в то время, когда история творилась неграмотными и обездоленными людьми, умиравшими с твердой верой, что будущее равенство детей стоит проливаемой за это крови. Тирания обречена, даже если она затянута на десятилетия. Залогом тому служит человеческая душа, которой со времен Спартака противны рабство и унижения.

«Я не стану рабом
на соленых полях Галахари,
я, рожденный в Нагорье,
земли голодающей плод», —

пел год назад во время публичной казни, устроенной полковником Огу, полуграмотный народный поэт Раду, и песня эта, рожденная не разумом, а человеческим сердцем, ожила сейчас в разворачивающейся душе Давида.

Слова этой песни звучали в его душе и когда он преодолевал двадцатиметровую бездну, отделяющую лоджию его номера от сонной земли. В номере спала Крис, чей капроновый темный чулок он использовал в качестве маски, дрых на этаже в своем кресле дежурный жандарм, не подозревающий, что среди презираемых им хилых интеллигентов найдется человек, способный без разрыва сердца ощутить зыбкую много-метровую пустоту под ногами. В своих номерах спали Блох и Бернгри, готовые наутро вновь спорить о судьбе нации и роли интеллигенции в решении этой судьбы.

Время прошло, и его нельзя было повернуть вспять.

«Ряска на болоте становилась все гуще, вода все зловоннее, и болото жило уже лишь дождями, приносящими свежесть из далеких рек и озер.

Но чем зловонней становится болото, тем больше лягушек мечтает о свежей воде...»

Влах, Влах, несчастный сломавшийся человек! Что произошло с тобой, где состоялся надлом твоей души?

«Я не стану рабом
на соленых полях Галахари...»

Цепкие уверенные шаги патруля заставили Давида затаиться, распластавшись за низким рядом подстриженного кустарника.

— Что там, Щур?

Неприятный голос был у патрульного!

— Сейчас Роки посмотрит, что там!

Собака! Как же ему не повезло! Собака! В своих расчетах он совершенно упустил из виду, что у патрулей есть собаки. Это полностью ломало разработанный Ойхом план.

Что-то с шумом приблизилось к нему, послышалось ворчание, и, подняв голову, Давид встретился с немигающим взглядом рыжего пса. Ойх замер. Пес снова заворчал, но не зло, а как-то недоуменно, словно удивляясь появлению Давида в пустом ночном парке. Давид нащупал нож, захваченный им из номера. Пес снова шумно вздохнул, с неожиданной грацией перемахнул через кустарник и вернулся к хозяину.

— Что там, Щур? — снова спросил патрульный.

— Крыса, должно быть,— отозвался его товарищ.— Здесь полно крыс.

Разговор удалялся, и Давид сел, вытирая ладонями мокрое лицо. Пронесло! Господи, пронесло! Дай тебе, пес, таких же рыжих щеночеков! Он пожалел, что не может закурить. Сигарета сейчас пришлась бы весьма кстати.

«Уже слышались окрики с далекой Реки и призывы к гибкости политического мышления, указывалось, что прошло время безнаказанного лягвоедства, и необходимо навести косметику на внутриболотную жизнь, дабы укоризненного кваканья с других болот избежать. Щука увещеваний не слушала, и по-прежнему торчали из острой пасти хищника искалеченные лягушачьи лапки.

И никто не знал, что участь тирана решена группой инициативных жерехов и судаков с серебряными лампасами и галунами. В тайных лабораториях была изготовлена карающая блесна, имитирующая любимую пищу тирана. Окуни метались по обмелевшему каналу, согласовывая с кем надо детали покушения, а напуганные пресноводные жабы, плотва, язи и другие деловые рыбы, взращенные на свободном предпринимательстве, удивленно глядели на стремительные разводы на воде».

Окно на первом этаже Больничного Центра было открыто. И в здание Давид проник на удивление легко. В вестибюле он долго читал кабинетный указатель, но все было написано на недоступном ему языке медицинских терминов, и Давид не знал, с чего ему начать.

Он надеялся, что в кабинетах кто-то будет. Иначе его лихой налет терял всякий смысл.

Давид не ошибся.

За дверью с табличкой «Кабинет психоинформационного анализа» разговаривали. Судя по голосам, за дверью было два человека.

— К чему была такая спешка? — басовито сказал человек.— Использовать аппаратуру без предварительных испытаний глупо, согласитесь!

— Вы же заверяли господина Гэта, что убеждены в действенности машины,— колко отзывался собеседник.— Потом у вас была удачная попытка на острове. Этот... Скавронски... Ведь опыт над ним был убедителен, верно?

— А потом Скавронски покончил с собой! — возразил бас.— Мы еще не представляем, насколько глубо-

ким является изменение личности, чтобы работать с людьми.

— Пусть этот вопрос не слишком заботит вас,— отозвался собеседник.— Для вас это просто экспериментальный материал. Необходимо, чтобы программа изменений была стойкой. А со Скавронски мы уже разобрались. В период личностной ломки какой-то идиот из его приятелей подсунул ему его же собственную рукопись, написанную до информационного вмешательства. Нагрузка оказалась непосильной для этого неврастеника. Но с леваками у вас все получилось великолепно. Никаких побочных эффектов! Господин референт очень надеется на вас. В ближайшее время на остров будет доставлена партия захваченных в боях бойцов фронта национального освобождения. Среди них есть крупные руководители. От вашего участия зависит многое. Господин референт...

— А вот это уже все равно,— сказал бас.— Я дал согласие на эксперимент по перевоспитанию людей с использованием комплекса психоинформационных изменений. Но я не обещал референту по государственной безопасности, что буду использовать комплекс для подготовки его шпионов.

Голоса отодвинулись в глубину комнаты. Давид осмотрелся. Едва освещенный коридор был пуст, и в нишах стояли черные тени. В темном проеме окна метались голубые тени прожекторных лучей. От гостиницы доносилась приглушенная стенами и расстоянием ритмичная музыка.

Информационные изменения личности... Надо же! Это тебе не захари, пользующие клиентов дикарскими настями трав, лягушек и пауков. Это наука! Значит, информационные изменения... Бедный Влах!

«Чем зловонней становится болото, тем больше лягушек мечтает о свежей воде».

Тобой были написаны эти строки. Но они были незнакомы информационному уроду, подсаженному в твое сознание и читающему текст зелеными глазами лягушки... Давида знобило. Он осознал вдруг, что чертовски устал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Призрак ночи бродил по коридорам.

Давид терпеливо ждал окончания спора, что продолжался в кабинете психоинформационного анализа.

Лишился однажды мимо ниши, где он притаился, прошли молчаливые люди в белых халатах, толкая тележку, на которой лежало что-то длинное, накрытое простыней.

Все было по науке! Посещение комплекса психоинформационных изменений, где тебя встречают внимательные вежливые люди в белых халатах, и ты выходишь из Больничного Центра внешне прежним, но духовно иным. Ты с брезгливостью смотришь на то, что еще часы назад составляло основу твоего существования, ненавидишь друзей и беспамятно любишь врагов; веришь в то, что было лживым всегда, без притворства ощущая духовные помойки своим идеалом.

Эта участь ожидала их всех.

Генерал Стан не боролся со своими политическими и идеальными противниками. Он просто делал их подобными себе. Он создавал пирамиду из убитых личностей, полагая встать на ее вершине живым и в полный рост.

А ведь все и шло к тому.

В последнее время нейробиология в стране развивалась успешнее других наук. Кен Рост даже получил Нобелевскую премию за свои работы...

Предстояло драться не столько за свободу других, сколько за свое личное освобождение.

Давид снова вспомнил рукопись Влаха Скавронски, и каждая фраза ее теперь наполнялась особым смыслом.

«И когда блесна врезалась в брюхо палача, острыми крючками разрывая его ожирелые внутренности, и тиран лягушиного народа закачался на темном зеркале воды, первыми вспрыгнули на белое и скользкое брюхо самые преданные, самые приближенные, а потому твердо уверенные в кончине своего повелителя.

Вспрыгнули и длинными квакающими тирадами оповестили всех, что тиран мертв, что зло — наконец-то! — побеждено, что это они, они, они! — а не кто-то другой — с риском для жизни готовили покушение на диктатора, приближая тем самым эру свободного кваканья; а страшные могильщики ужеолосовали шкуру тирана, и тайно делились будущая власть и прошлое его богатство...»

«Черта с два! — подумал Давид. — Хватит! Народ не допустит. Мало драться за свободу, надо программировать будущую жизнь, чтобы свобода не застала человека врасплох. Недостаточно быть готовым умереть, надо еще быть готовым жить, и жить так, чтобы

не вскарабкались на твою шею будущие кровососы, уже готовящие программу твоего нравственного перевоспитания в своих личных целях».

За дверью кабинета послышались голоса.

Давид собрался.

Из кабинета, аккуратно прикрывая за собой дверь, вышел человек в сером костюме. Давид выждал, пока человек скроется за поворотом, и шагнул к двери. Дверь была заперта изнутри. Давид постучал. Уже знакомый ему голос брюзгливо проворчал:

— Вы мне дадите немного поработать на себя, Барт?

С поворотом ключа Давид резко ворвался в комнату, тесня противника в ее глубину. Прикрыв за собой дверь, он заставил хозяина сесть в кресло. Темная паутина чулка мешала ему разглядеть лицо противника.

— Что вам угодно? — спросил хозяин кабинета.

— Нам? — Давид судорожным вздохом выровнял дыхание. — Нам хочется узнать, что нам здесь уговорили!

Давид всмотрелся в хозяина кабинета. Казалось, тот не был смущен. Напротив, он усмехнулся и закинул ногу на ногу.

— Перестаньте играть в гангстера, Ойх! Давайте поговорим спокойно. Если вам обязательно что-то нужно для самоутверждения и уверенности, то пистолет будет лучше. Он лежит в верхнем ящике стола, и вы можете убедиться, что он заряжен.

И снимите свой дурацкий чулок! Вы напрасно думаете, что он скрывает ваше лицо!

Давид зашарил в столе, наткнулся на холодную рукоять пистолета и проверил обойму. Пистолет был заряжен.

Он сел в кресло, направив пистолет на собеседника, свободной рукой сорвал с головы чулок и спросил:

— Откуда вы меня знаете?

— Мы с вами встречались, Ойх. Я работал у Кена Роста в Шайхате: Помнится, вы частенько посещали доктора...

— Постойте! — Давид всмотрелся в собеседника. — У доктора был помощник, и он носил фамилию Лонг...

— Увы, — вздохнул собеседник. — Он сейчас ее носит.

— Вы изменились, — признался Давид. — С вашего

разрешения, я оставлю пистолет у себя. Он и в самом деле придает человеку некоторую уверенность.

Доктор сел свободнее.

— Я чувствую, что вы жаждете от меня подробностей, — сказал он. — Вам совершенно ничего не известно?

— Почему же? — возразил Давид. — Кое-что я услышал сегодня. Вы изволили громко беседовать с неким серым человеком. Кое-что мне подсказали таблички на дверях кабинетов. Кое-что я домыслил сам. Как у любого писателя, у меня живое воображение.

— Тем лучше, — деловито отозвался Лонг. — Мы можем говорить открыто. Все эти государственные тайны мне надоели до тошноты. Что вы слышали о проекте «Кузнецы грядущего»?

— Ничего.

— Перед вами один из кузнецов. Вам хочется узнать, что это за проект?

— Разумеется

— Вы когда-нибудь задумывались, что такое личность? Что отличает одного индивидуума от другого? Объем накопленной информации? Склад характера? Не отрицаю. Но этого недостаточно. Наряду с этими признаками личность определяется системой приобретенных социальных ориентиров, если хотите — социальных рефлексов. Измените их, и личность станет другой. Теперь вы понимаете, в чем состоит суть проекта?

— Кажется, понимаю.

Лонг удовлетворенно хмыкнул.

— Название проекту дал лично генерал Стан. Занимаясь проблемой человеческой личности, мы пришли к выводу, что преступника можно изменить. Не перевоспитать — это слишком долгий путь, — а именно изменить. Для этого достаточно сменить социальный индекс личности. Хотя бы частично. Представляете, Оих? Честный человек окажется способным на чудовищные подлости, закоренелый грешник станет ангелом, нежный монолюб обратится в растленного полигама, а у сексуального маньяка и насильника простая мысль о чужой женщине будет вызывать обморочное состояние. Для этого не надо закладывать в мозг новой информации, сойдет и уже накопленная. Достаточно изменить социальные ориентиры личности.

— Но это безнравственно! — не выдержал Давид.

— Наука сама по себе вненравственная категория.

рия,— прищурился Лонг.— Если бы люди соблюдали средневековую мораль, отказались от потрошения трупов и изучения человеческой анатомии, они бы до сих пор подыхали от аппендицитов.

— Так вот на что клюнул Стан!

— Вы думаете, коммунисты бы отказались от перевоспитания своих жуликов?

— Но вы-то взялись не за жуликов! Вы рубите цвет нации!

— Пустое, Ойх. Это говорит система ваших социальных ориентиров, не более. Стоит вам побывать в нашей лаборатории, и вы с негодованием будете воспринимать подобные оценки других.

— Это хуже, чем физическая смерть!

Лонг вздохнул.

— Знаете, о чем меня только что просили? Мне предложили осуществить социальную переориентацию группы руководителей ФНО, захваченных жандармским легионом во время последних боев.

Генерал Стан не хочет проливать крови. Он жаждет мира, не желая убивать непокорных.

— Он жаждет уничтожить их души?

— А что есть душа? — спросил Лонг.— Простое колебание электромагнитных волн, набор биотоков, не более. Можно сохранить человеческое сознание и после смерти организма. Достаточно поддерживать систему в необходимом рабочем режиме. Представляете, Ойх, можно создавать души без помощи божьей...

— Социальное переориентирование,— повторил Давид.— Слушайте, Лонг, ведь ваш учитель был порядочным человеком. Неужели вам не стыдно? То, что вы делаете, куда страшнее ремесла палача.

Лонг встал и подошел к окну. Давид настороженно следил за ним. Некоторое время Лонг молчал, глядя на голубые лучи прожекторов, беспорядочно разрезающие тьму ночи. Он повернулся к Давиду.

— Эта была неплохая научная проблема,— задумчиво сказал он.— Лепить человека, как пластилин. Чувствовать, что ты можешь вылепить из него все, что угодно. В некотором смысле не только чувствовать себя богом, но и быть им. Не смотрите на меня так, Ойх. Вам интересно заниматься литературой, придумывая своих героев? Разве ваши герои не тот же пластилин, который вы мните, как вам заблагорассудится, и из которого вы лепите все, что вам угодно? А мне нравилось лепить саму жизнь. Меня человека, я изменяю

мир. Сказать, что меня заставили,— значит, солгать. Я сам взялся за эту работу и делал ее увлеченно. В тюрьме опыты были довольно убедительны. Но что тюремная дрянь, она пластилин, который можно лепить кулаками и пощечинами, в них одна видимость человека. Они в массе своей готовы быть такими, какими им прикажут быть. И мне захотелось попробовать себя не на жаждущем выпивки скоте, но на человеке достойном, социально устоявшемся. Он мог измениться, и тогда я прав, и наше общество может пластилиново меняться под пальцами умелых рук. Такое общество не заслуживает снисхождения и достойно, чтобы им управляли сильные. Но он мог и оставаться неизменным, и тогда бы можно было успокоиться на этом. Я хотел развеять химеры моей души. Самое страшное для человека — его нереализованный искусств, он гложет душу и постепенно съедает ее, захватывая все человеческие помыслы и рождая сожаления о несбывшемся. У человека только один выход: покориться искусу или выбросить его из головы, навсегда забыть.

Я покорился. Когда Стан сделал мне предложение совместной работы, я не особенно колебался. У меня руки дрожали от желания попробовать. Здесь, на острове, первым стал этот ваш Скавронски. Признаться, я испугался, узнав о его смерти. У меня и в мыслях не было, что есть и третий вариант для сильной личности.

С последующими экспериментами я понял, что могу реально, понимаете, реально наводнить мир скотами вместо искренних и честных людей. Вы слушаете меня, Ойх?

— Да,— с некоторым усилием отозвался Давид.

— Презираете? — Лонг сел на край стола, впрочем, не решаясь приблизиться к ночному гостю.— Возможно, что вы правы. Это и в самом деле настоящее убийство. Со смертью одного человека рождается совершенно иной. Но прежнего-то никогда не будет!

И я понял, что зангрался. Заигрался и проиграл. Я не хочу готовить для Стана и его референта доносчиков и предателей из настоящих людей. Я не хочу наполнять мир сволочами и нежитью вместо честных. Не хочу! Но что мне делать, если я подписал свой договор с дьяволом?

— У каждого человека,— жестко сказал Давид,— есть выход. Если он человек.

— А я не хочу подыхать! — поднял голову Лонг.—

Мне нравится жить. Я еще не съел своей тысячи котлет, не выпил того, что мне отмерено выпить... Он неожиданно грубо выругался.— Я попал в жернова, и они крутятся, Ойх, крутятся!

— Вы никогда не думали о побеге?

— Бежать? — лицо Лонга нервно передернулось.— Куда? Через три дня меня приволокут к Стану, как взбесившегося пса,— на цепи, и я буду лизать ему руки, вымаливая прощение. Это унизительно, Ойх!

— Но оставаться здесь еще унизительнее!

— А вы? — укоризненно отозвался Лонг.— Вы сами? Читаете мне нравоучения, а вечерами просаживаете деньги в кабаке, валяетесь с женщинами в постели, а потом рассуждаете о предназначении человека. Это, по-вашему, нравственно?

Давид почувствовал, что краснеет.

— Кто вам...— начал он, но Лонг насмешливо перебил:

— Анкета, Ойх, всего лишь полицейанкета, которую я получил в порядке ознакомления с будущим объектом. Жандармерия проявляет чудеса тайного сыска, не правда ли? У меня нет желания попасть под колпак собственного аппарата. Противно, знаете ли, становиться полярником.

— Кем? — Давиду показалось, что он ослышался.

— Полярником,— повторил Лонг.— Это наш жаргон. Так мы называем социзмеников.

Они замолчали, и стала слышна далекая музыка — ресторанная вакханалия достигла своего апогея.

— Я шел сюда узнать, что нас ждет,— нарушил молчание Давид.— Теперь надо думать, что я должен сделать, чтобы этого не случилось.

Лонг хмуро смотрел на него.

— Вы пойдете со мной,— продолжил Давид.

— У меня нет ни малейшего желания...

— А меня не интересуют ваши желания,— жестко отрезал Давид.— Вы пойдете со мной, хотите вы этого или не хотите.

— А если я не пойду?

— Обойдемся безо всяких «если». В самом этом слове кроется какая-то безнадежность для спрашивающего.— Давид прошелся по комнате и остановился перед пультом машины.— Я полагаю, что вся система коммуникационно связана с компьютером?

— Да,— послушно отозвался Лонг.

— Пароль?!

— Что?
— Я спрашиваю, какой пароль предусмотрен для входа в программу?
— Зачем вам это, Оих?
— Узнаете. Назовите пароль.
— Вы хотите уничтожить систему? Но это безумие!
— Я думаю, что у вас предусмотрено уничтожение системы на случай непредвиденного вмешательства в вашу работу?

Лонг невнятно выругался.

— Почему вы думаете только о себе? Почему вы не спросите, хочется ли подыхать мне?

— Я уже спрашивал вас об этом и знаю, что подыхать вам не хочется. Так что у вас предусмотрено для уничтожения системы?

— Этого я вам не скажу.

Давид повернулся к хозяину кабинета. Широкое лицо Лонга было в капельках пота. Лонг боялся, и, почувствовав этот страх, Давид понял, что Лонг ничего не скажет.

— Повернитесь,— приказал он.

Лонг догадался и покорно повернулся к Давиду спиной, скрещивая кисти рук. Давид связал ему руки капроновым чулком, туга затянув узел.

— Мне жаль вас,— сказал Лонг, не оборачиваясь.— В одиночку воевать с государством — значит заранее обречь себя на поражение. Вас просто уничтожат.

— Слишком много разговоров,— заметил Давид.— Жаль, что вы отказываетесь назвать пароль. Придется использовать более примитивные методы.

— А что будет со мной?

— Не знаю,— честно сказал Давид.— Самым разумным было бы застрелить вас. Но у меня не поднимется рука выстрелить в связанного и безоружного человека. Вы пойдете со мной. Хотя бы до берега.

— Во всем обвиняют меня.

— Тогда у вас останется один выход: бежать вместе со мной. Что это у вас — спирт?

— Черт! — почти прокричал Лонг.— Откуда у вас эта решимость? Вы всегда казались мне мягким человеком.

— Вы сами загнали меня в угол,— Давид сунул в бутыль палец и принюхался к жидкости.— Похоже, что спирт. Чему же вы удивляетесь? Даже безобидные козы оказываются сопротивление волку в безвыходной

ситуации. Я ненавижу тех, кто пытается меня мять, как пластилин. И мне кажется, что таких, как я, немало.

— Я устал,— сообщил Лонг.— Вы больны, Ойх. Ведь это чертовски заманчиво — создать общество единомышленников, общество, в котором нет разногласий, в котором все его члены подчинены единой цели.

— Да,— отозвался Давид.— Только все это уже было. В Германии. Кончилось это душегубками и газовыми камерами концлагерей. Во имя единых целей.

— Но почему нужно ждать самого плохого? Почему концлагеря, почему обязательно газовые камеры? Наоборот, существование «системы» отвергает саму необходимость существования концлагерей!

— Общество единомышленников возможно только на добровольной основе. В рай взаимопонимания нельзя загонять плетьми. В противном случае это фашизм, а от него всегда смердило.

Однако скоро рассвет, и нам пора заканчивать наши споры.

Лонг тоскливо уставился в окно.

— Послушайте, Ойх, давайте договоримся? Я вам ключ, и вы оставите меня в покое. Идет?

— Нет. К сожалению, я не могу оставить вас в покое. С вашими идеями переустройства общества вы мне можете здорово навредить.

— Нет, я серьезно,— Лонг встал и остановился в нескольких шагах от Давида.— Давайте заключим сделку? Вы получаете необходимое и делаете свое дело. Я понимаю, что систему не сохранить. Жаль. В нее угрожано столько денег, что вашему вонючему Авторскому Союзу пришлось бы в полном составе творить бесплатно четверть века. Великолепная машина, Ойх! Впрочем, где вам это понять, вы же инженер человеческих душ. Ломать — не строить, так? Я согласен. Но меня вы отпустите. Вы собираетесь исчезнуть этой ночью, верно? Я не буду вам мешать. Я с удовольствием поразмышляю над вашими доводами где-нибудь на берегу. Такой вариант вас устроит?

— Почти,— отозвался Давид, поразмыслив.— Не хватает только обещания, что вы не будете продолжать вашу работу. Хотя бы при жизни генерала Стана.

Лонг негромко засмеялся.

— А вот таких обещаний я давать не буду. Впрочем, это вас должно мало беспокоить. Для того чтобы построить такую систему повторно, придется продать с молотка всю нашу страну. Кредитоспособность Стана

настолько сомнительна, что в долг ему не дадут даже на строительство личного бункера. Ну, что, скрепим наш договор? В той бутылке, что вы смотрели, действительно находится спирт.

Путь к берегу оказался легче, чем рассчитывал Давид.

— Не давит? — спросил он, проверяя узел на запястьях Лонга.

Тот что-то проворчал, заворочался, усаживаясь удобнее. Над островом уже стоял серый полумрак, возвещающий скорое наступление дня.

— Сколько осталось? — спросил Лонг.

Давид взглянул на часы.

— Пятнадцать минут.

— Глупо. — Лонг посмотрел на серую гладь озера. — Знаете, что это там мигает? — неожиданно спросил он.

— Нет.

— Это маяк Скорса. — Лонг вздохнул. — Все-таки вы террорист, Ойх! Какую машину угробили. Ее память накапливалась нами четырнадцать лет! Представляете?

— Значит, теперь у нас есть время.

— Подумайте, сколько людей вы обрекли на физическую смерть. Теперь Стан начнет уничтожать своих политических противников. Вы не кажетесь себе убийцей?

— Нет. Я всегда считал, что духовная смерть страшнее физической. Человека рождает дух. Физическая смерть являет миру героев, в то время как духовная — предателей и ренегатов. Я знаю, что многие из тех, кого теперь ожидает смерть, благодарили бы меня за сделанный за них выбор.

Он снова взглянул на часы.

— Ну, мне пора. Прощайте!

— Прощайте, — сказал Лонг. Усмехнувшись, он добавил: — Вы из породы бойцов. Поэтому звать на помощь я не буду, рот мне вы можете не затыкать. Тем более, что теперь кричать бесполезно.

Давид спустился к воде, чувствуя спиной пристальный усталый взгляд. Он огляделся. Берег был пустынен, и только у лодочной станции раздавался негромкий хохот — солдатня боролась со сном нескромными анекдотами.

Серый куб Больничного Центра был высвечен лучами прожекторов, и где-то в его кабинетах лишенный памяти компьютер выполнял свою последнюю задачу,

отсчитывая время, оставшееся до самоуничтожения.

По воде бежала мелкая рябь. Лучи встающего солнца окрашивали воду в розовый цвет.

Давид разделся и выволок из кустов загодя приготовленный полиэтиленовый мешок, из которого он соорудил импровизированный водонепроницаемый рюкзак. В рюкзаке лежали костюм, документы и оставшаяся у него наличность.

Надев мешок, Давид еще раз осмотрелся. Было тихо, редко посвистывали просыпающиеся птицы, но тишина эта была обманчивой и опасной.

Озеро приняло его без всплеска. Некоторое время он разрезал воду сильными гребками, а когда решил, что отплыл достаточно далеко, перевернулся на спину и, покачиваясь на воде, увидел остров в последний раз.

Здание гостиницы отражало окнами лучи восходящего солнца. Ее обитатели уже просыпались, и некоторые окна были открыты. Появившийся над горизонтом диск солнца стекал в воду алыми потеками зари.

Давид перевернулся и медленно заработал руками — ему еще предстояло проплыть около пяти километров и надо было торопиться, пока на острове не началась паника.

«Человек не должен оставаться сторонним наблюдателем,— думал он, ощущая ладонями упругость теплой воды.— Тогда страна действительно обратится в гнилое, дурно пахнущее болото, которым правят людоеды и палачи».

Время от времени он опускал лицо в воду. Это и резиновая шапочка на голове не позволили ему услышать рев патрульного вертолета. Давид продолжал плыть, еще не зная, что уверенная строчка всплесков приближается к его телу.

Пулеметчик поднял голову от прицела, и сидящий рядом офицер показал ему жестами, что надо забрать тело подстреленного беглеца.

И в это время бетонный куб Больничного Центра словно раскололся надвое, и над ним заплясало пламя. На острове завыла сирена, и вертолет повернул к сухе, оставив на розовой воде безжизненное тело.

В конце дня полумертвого Давида подберут рыбаки с материка. Несколько месяцев они будут выхаживать его, а когда на месте ран останутся багровые полоски шрамов, Давид уйдет в горы с партизанским отрядом.

Через два года именно его группа совершил лихой

налет на резиденцию референта по государственной безопасности. Летающие по комнатам резиденции листы бумаги заставят Давида вспомнить рукопись Скавронски:

«И когда Черный Рак забился в крепких плавниках окуней, из портфеля его посыпались анонимные доносы и протоколы насквозь лживых показаний. Они всплыли на поверхность, прибиваясь к кувшиночным зарослям и будоража общественное внимание. Окуни проволокли Черного Рака по темным расщелинам его логова, и мольбы его о пощаде еще раз доказали, что всякий жестокий палач есть истинный трус и себялюбец, радеющий о собственном благополучии».

Давид встретится взглядом с референтом и не испытает прежнего чувства страха перед этим маленьким жестоким человеком.

Через пять лет Ойх войдет в Бейлин впереди батальона регулярной армии фронта национального освобождения.

За все это время он не напишет ни строки; он и его товарищи будут писать историю кровью, оставляя в лесах черновики могил.

Вернувшись, он станет искать Лонга и товарищей по неволе на острове Ро. И никого не найдет.

Радуясь со всеми победе, Давид будет с тревогой наблюдать за попытками похоронить революцию. Газетные кампании, выступления знакомых ему лиц будут утверждать в нем желание как-то ответить на происходящее.

Он снова вернется мыслями к рукописи Скавронски. «В первый же вечер ликующий лягушиный народ высыпал на берег воспеть достигнутую свободу. Много было сказано слов о необходимости демократических преобразований и изменении внутриполитического курса болота, а с рассветом, когда первые лучи солнца коснулись болотной глади, самые нетерпеливые уже были ластами по воде и возглашали необходимость выбора нового диктатора, но обязательно из лягушачьего сословия, тайно готовя верного, уже отведавшего лягвоедского угощения.

Многие побывали на отмели, где жутко скалился щучий остов и чернел панцирь его палача, и каждый возвращался с отмели, храня, как реликвию недавнего страшного прошлого, кусочек кости диктатора или панциря его приближенного.

И хотя так заманчиво было жить в спокойном

болоте, поросшем ряской, ловя комаров и рисуясь героем, находились на болоте такие, что кричали о необходимости допуска проточных вод в болото, в короткой памяти своей и по неведению лягушачьему не зная, что деловые рыбы Реки уже углубляют обмелевший было канал, приближаясь к болотным кормам и мечтая о природных болотных богатствах».

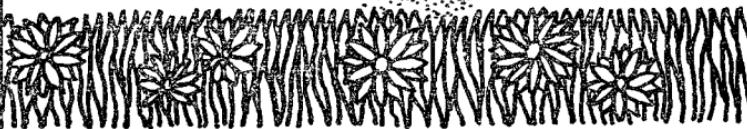
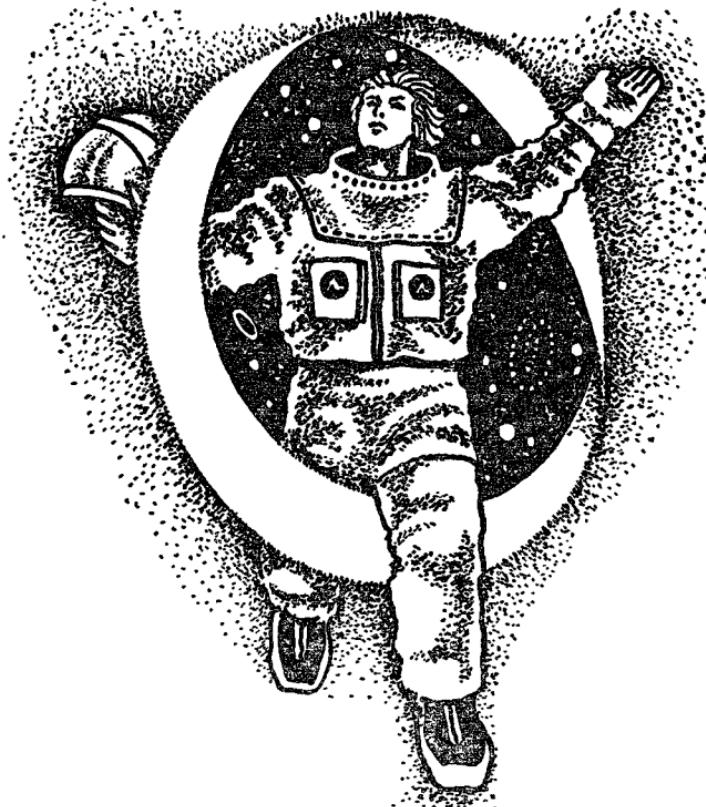
Давид сделает попытку написать книгу, о которой думал все эти годы. Он вспомнит Влаха Скавронски и его трагическую смерть, седенького Духа, озверевших от внушенной верноподданности леваков, гостиницу, патрули, циничного и откровенного Лонга, бои, смерти, увиденные им за долгие пять лет, и будет долго сидеть за письменным столом, перебирая в памяти прошлое, испытывая гордость за несломившихся и стыд за предавших.

К утру он поймет, что писать ничего не надо. Все, что он хочет сказать,— суть действие. Довольно болтавни, надо засучить рукава и работать; надо драться, чтобы наше прекрасное завтра не сбернулось нашим страшным вчера.

И лист бумаги останется девственно чистым.

ЛЕБЕДИ КАССИДЫ

Впереди на дороге
я птицу увидел. Она ковыляла
ко мне под дождем.
Должно быть, решила, что я
громадный червяк или дерево.
С каменным лицом я застыл...
Хоне Туфари, маори.

Часть первая. ЗВЕЗДНЫЕ КРЫЛЬЯ

ЗЕМЛЯ, ГОД 2294

Урал вставал в голубоватой дымке.

Виднелись ажурные башенки Уральской системы Космосвязи и автострада, кажущаяся сверху узкой серой ленточкой, по которой передвигались крошечные черные коробочки многотонных сейверов с промышленными грузами.

Информационный луч принял лидер над Магнитогорском.

Город изменился. Возникли новые кварталы, широкие улицы рассекались участками заповедной тайги, и на фоне зеленых прямоугольников разноцветные купола и кубы домов казались игрушками, разбросанными расшалившимся ребенком по зеленому ковру. На крыше здания КосмоЙНЕСКО уже стояло несколько машин. Я посадил лидер и открыл колпак. Моросил легкий теплый дождь — служба Погоды проводила профилактическую разрядку облаков. Спасаясь от дождя, я поспешил к лифту.

Сон Ши уже ждал меня.

— Антон, ты еще не забыл, что входишь в инспекционную группу Совета ООН?

— До сегодняшнего дня не вспоминал, — признался я. — А что случилось, Сон?

— Управление по контактам потребовало наложить вето Совета на Кассиду и немедленно эвакуировать с Кассиды земные поселения.

— Новое дело, — удивился я. — С чего это их? Ведь поселения на Кассиде существуют лет десять?

— Четырнадцать, — поправил Сон Ши. — Но это не все: Укон предполагает, что земляне на Кассиде столкнулись с негуманоидной цивилизацией и дальнейшая хозяйственная деятельность землян на планете приведет к расширению уже наметившейся конфликтной ситуации.

— Семечки-орешки! — услышанное меня ошеломило.— Так они предлагают объявить Кассиду планетой контакта?

— Да.

— На пятнадцатый год! А куда они раньше смотрели? Кассида входит в реестр хозяйственных планет Федерации! Тут догадок мало, тут конкретные факты нужны!

Сон Ши задумчиво посмотрел в окно.

— Факты у них есть,— сказал он.— И факты эти заставляют серьезно задуматься, Антон. Ты верно подметил. Что значит для Федерации Кассида? На ее освоение ушло сто восемь миллиардов человеко-часов, на работах по освоению Кассиды было занято почти шесть миллионов человек. Кассида дает Федерации рутор, корнелий, бризит. Ликвидация с планеты хозяйственных поселений скажется немедленно на программе Галактического освоения. С ликвидацией ееrudников придется заморозить строительство двенадцати крейсеров на космоверфях. Человечеству придется потуже затянуть поясок: ведь бризит Кассиды — это залог будущих урожаев Федерации. Совет ООН принял решение ознакомиться с ситуацией на Кассиде.

— И я включен в экспертную группу? — осведомился я.

Сон Ши кивнул.

— Сколько времени нам дают?

— Три месяца.

— Кто входит в экспертную группу?

— Шестеро. Всех ты хорошо знаешь: Келлен из Гарварда, Климов из Лунного Центра, Дебюсси и Савельев из МБЦ, и Шаталов из Укона.

— Очень кстати,— проворчал я.— У нас новая серия пошла.

Сон Ши улыбнулся.

— У тебя опыт, Антон. Ты сам бывший контактор. У тебя есть опыт работы на Нереиде. Ты участвовал в исследовании Золотой планеты. Кроме того, мне всегда с тобой работалось спокойно, и я верю в твою объективность.

Он подтолкнул меня к двери.

— Пойдем. Ребята уже ждут в конференц-зале.

Совещание было недолгим. Каждый из группы получил для работы кристаллозапись материалов Уко-

на и справочную таблицу кодов Информатория, включающую в себя перечень информячек.

Направляясь в Магнитогорск, я собирался побывать в интернате у учителей, зайти в гости к однокласснику Лю Янаню, в прошлом удалому космопроходцу наших детских игр, а ныне — руководителю одной из групп дошкольного воспитания. Впрочем, зная характер Лю, я не без оснований полагал, что процент космопроходцев, задерживающихся ежегодно на космодромах службой индивидуальной безопасности, в его группе значительно больше, чем в других.

Однако теперь о визитах следовало забыть, и я немедленно отправился в гостиницу. Из гостиницы через местный Информуслуг я связался с женой, которой объяснил, что некоторое время меня не будет, на концерт Фаоро она прекрасно сходит с дочерью, а воскресная партия в шахматы с Дымовым отменяется. Лидия довольно язвительно отозвалась, что она рада за меня, и еще более за семью, которой я дал возможность несколько отдохнуть, но было видно, что ей здорово мешает присутствие при разговоре туристов, которых она сопровождала в экскурсии по Мамаеву кургану. Мои домашние дела, таким образом, решились довольно удачно. После разговора с женой я связался с директором института. Милейший Варлаам Дмитриевич сказал, что он все знает, и порадовал меня, что распоряжение о моем откомандировании им подписано.

Я искупался в бассейне, заказал в номер через Доставку стакан апельсинового соку и взялся за материалы.

Как планета Кассида была заурядной. Мягкий ровный климат, богатство животного и растительного мира привлекали на планету туристов, богатые залежи полезных ископаемых позволили внести планету в Хозяйственный реестр Федерации, неповторимые краски циркониевого мира влекли на Кассиду поэтов, художников и писателей. Это был развивающийся мир, вовлеченный в звездную экспансию человечества.

В начальный период на Кассиде работали три экспедиции. Что ни экспедиция — букет знаменитостей. Многих я знал по Неренде и Эноне.

Кассида была пассивной планетой. Поэтому этапы ее освоения были в чем-то однообразны. Явно не хватало романтики. Планета-трудяга. Это был не Харон, на котором хищные лианы уже через три дня после высадки пробили биозащиту купола станции. Тогда

сразу погибло восемь человек. Да и оставшимся в живых пришлось на Хароне несладко. А здесь был рай! Не планета, а Эдем. Потом пришли строители. Монтаж первых орбитальных скарпов, массовые десанты и, наконец, колонизация планеты.

Что же все-таки встревожило Укон?

2292 год. Гомец обнаруживает на Кассиде первые поселения Лебедей... Так... Почти одновременно обнаружены на Кассиде Прыгуны. Так что же явилось причиной беспокойства Укона — Лебеди или Прыгуны? Я обратился к кристаллографии Александрова. Влияние мутагенных факторов... Одноуровневая эволюция видов... Нельзя сказать, что это было свежо и оригинально, но чувствовалась научная добросовестность. Правда, никаких определенных выводов из работы Александрова сделать было нельзя.

То, что ранее Лебеди и Прыгуны не наблюдались, мне удивительным не казалось. Планета большая, а в экспедиции обычно человек тридцать-пятьдесят. У нас на более населенной Земле и жираф долгое время считался фантастическим животным.

Я просмотрел коды информячеек. Копаться в хозяйственных отчетах тоже не было смысла.

На столе лежал голубоватый кристалл с материалами Укона. Я выпил сок и взял кристалл в руки. Вставив кристалл в гипорид Инфора, я оказался в окружении человеческих теней.

КРИСТАЛЛОЗАПИСЬ.

КАССИДА, 2292, ТАРНЫЕ РОБЕРТ ДОН,
ОХОТНИК КАНАДСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ОПЫТ ВНЕЗЕМНОЙ ОХОТЫ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ.
С 2285 ГОДА — ОХОТНИК КОСМОЗОО

Легкой задачей казалось это тем, кто посыпал меня на Кассиду. Две недели я мотался по планете, пытаясь подстрелить Лебедя. При оформлении лицензии мне дали координаты нескольких гнездовий, но все они были заброшены. Я обратился в местный Укон. На других планетах я не раз с успехом прибегал к помощи уконовцев. Но здесь... Мне давали координаты гнездовий, но, побывав на них, я убеждался, что гнездовья пусты. Однако Лебеди были! То станции космического наблюдения засекали гигантские стаи в стратосфере, то туристы привозили сообщения о замеченных пти-

цах. Я метался по планете и по свежим следам искал Лебедей.

Арно Михельс, турист из Брюсселя, сообщил, что видел птиц километрах в двухстах от Дмитровграда. Я побывал там немедленно. Стояла жара, и озеро близ гнездовья высохло, осталась лишь десятикилометровая полоса жирной солончаковой грязи, в центре которой зеленело узкое блюдце воды. Гнездовье было пустым, я лишь набрал целую охапку перьев — прочных белоснежных стрел сантиметров по восемьдесят длиной. На обратном пути я встретил уконовца Урье. Слово за слово, я спросил его о гнездовье. Урье удивился и начался расспрашивать меня про то, как я об этом гнездовье узнал. Еще через неделю мне сказали о гнездовье в Приречье, и я помчался туда. И опять неудача! Раздосадованный, я даже решился на засаду. Разумеется, что засада моя тоже была неудачной. Я уже снимался, когда на дальних подступах к гнездовью появился лидер. Я дал сигнальную ракету, но на лидере или не заметили ее, или сделали вид, что не заметили. Лидер ушел по направлению к Урочищу — гигантскому каньону, похожему на калифорнийские, но еще более грандиозному по масштабам. Желтый круг на хвостовом оперении ясно указывал на принадлежность машины к Укону.

Но что моя охота Укону? Я охотился на Рите, на Вероне, на Нереиде, и там Укон не вмешивался в мои действия, не порол горячки. Мог ли я подозревать их в том, что мне мешают умышленно? Я ведь не браконьер какой, у меня на руках лицензия Космозоо!

Не было еще случая, чтобы Дон Тарнье возвращался с Охоты с пустыми руками! Я взял у патрульных орбитальный лидер и ночью махнул из Полискена. Теперь я был хитрее. Я не стал метаться по старым гнездовьям, а засел на СКАНе и выжидал. И тут мне повезло! Не успел я надеяться наблюдателям бородатыми анекдотами, как они засекли стаю Лебедей, идущих в стратосфере на гиперзвуке. Потрясающее зрелище! Я такого никогда не видел. Вы только представьте: звездное черное небо, радужные кляксы от лопающихся «кругляшней» и птицы, как тени.

Я снялся вслед за стаей. Гнездовье оказалось в пещере того самого Урочища, я ее даже видел днем, но не проверил. Пойти в пещеру я не рискнул, а оборудовал у выхода засаду. Лидер я оставил в ложбинке у ручья, замаскировав его в зарослях. Пока

я возился, устраивая засаду, над ручьем два-три раза мелькнул лидер с опознавательными знаками Укона. Я позлорадствовал в душе, потому что не сомневался в успехе.

Так оно все и вышло.

Они вылетели на заре. Я дождался последних птиц и по самому последнему ударил со всех трех стволов. Серебристая с изумрудным отливом птица раскинула свои огромные крылья и закувыркалась к ручью. Остальные заметались в воздухе. Черт возьми, это было великолепно! Над горами вставал изумрудный диск Теллура, окрашивая все в бирюзово-зеленые тона. Тонко обрисовались снежные вершины. А среди тускнеющих гаснущих звезд метались огромные птицы. Одна из них опустилась к ручью и некоторое время грузно топтаясь рядом с убитой. В том, что я ее убил, я ни капли не сомневался. Не первый день охочусь! Потом птица метнулась по ручью, разбрасывая в стороны воду, взлетела и начала догонять уже выстраивавшуюся в конус стаю.

Я подождал, пока стая не исчезнет в небе, спустился к ручью, на ходу соображая, как мне доставить Лебедя в Полискен. Для такой добычи требовалась транспортная площадка типа «Парусник».

И тут я заметил, что около убитой птицы толпятся люди, а рядом стоит лидер с опознавательными знаками Укона. Та-а-ак! Я разозлился. Подойдя к стоящим, я поздоровался, но мне никто не ответил. Меня встретила настороженная неприветливая тишина.

Я повернулся к убитой птице. Впервые я видел ее вблизи. Это было огромное существо, обладающее длинным цилиндрическим телом, сплющенным к раздвоенному, как у ласточки, хвосту. Стреловидные крылья придавали Лебедю изящную стремительность, шеи у этого существа не было. Огромная с широким клювом и яркими радужными глазами голова плавно вытягивалась из туловища. Земного лебедя это существо не напоминало даже отдаленно.

Уконовцы возились у тела убитой птицы. Крылья Лебедя были раскинуты и по туловищу правильным рядом тянулись какие-то углубления, затянутые чем-то вроде пуха. Один из уконовцев раздвинул пух руками, и все, я в том числе, увидели в нише мертвого Прыгуня, который, скорчившись, всеми четырьмя лапами держался за какие-то наросты.

Руки у меня похолодели. В эту секунду Прыгун

показался мне пилотом, управлявшим Лебедем! Какого же черта они молчали про Прыгунов? Я не убийца какой, знал, что уконовцы Прыгунами занимаются, и скажи они мне про такое дело, я бы плонул на охоту и вернул бы лицензию.

Тут подошел ко мне инспектор местного Совета: Тарнье Роберт Дон? Вы задержаны за нарушение правил охоты. Я ему, конечно, под нос лицензию. Он повертел ее в руках и сказал: недействительна ваша лицензия. Она у вас на Лебедя, а тут еще и Прыгуны, а на них наложено вето. По его словам получалось, что я не честный охотник, а какой-то браконьер. Я ему с досадой: а кто меня, собственно, предупреждал, что Лебеди и Прыгуны единое целое? Никто меня об этом не уведомлял, а потому нарушений в Охоте мной не допущено и я прошу мне помочь вывезти Лебедя на Землю. Не оставлять же его здесь у ручья.

Инспектор пригласил меня к лидеру. Я человек дисциплинированный, подчинился представителю закона. Когда мы уже взлетели, я заметил, что на посадку заходит транспортная площадка. Ума не приложу, когда эти шустрые ребята из Укона успели ее вызвать!

Ну вот, собственно, и все. Виновным меня, правда, не признали, но радости в этом оказалось мало. На Лебедя наложил лапу Укон, и я, несмотря на удачную охоту, впервые в жизни улетел на Землю без добычи.

ЗЕМЛЯ, 2294 ГОД

— Руководителя группы контакторов Укона Кассиды мы от работы отстранили,— сказал Сон Ши.— Совет еще не принял решения, но в Уконе ему не работать.

— Чем он мотивировал свой поступок? — спросил Келлен.

— Официальных запретов не было. Но контакторы уже подозревали о наличии симбиотических групп. Альберт Ашкенази решил проверить гипотезу, но для этого был нужен Лебедь. Допустить отстрел на контролируемых гнездовьях Ашкенази не хотел. Но он знал самолюбивый характер охотника и использовал это обстоятельство, заставив Тарнье обнаружить новое гнездовье и там произвести отстрел. Для этого была затеяна настоящая средневековая интрига. И Ашкенази своего добился. Тарнье отстрелял Лебедя, а Ашкенази

зи, с помощью инспектора Совета Кассиды, Лебедя получил... Инспектора, кстати, мы тоже отстранили от работы. Ну, с этим вопрос решится быстро...

Сон Ши обвел всех строгим взглядом.

— А что скажете вы? Можно ли сделать конкретные выводы из уже известных фактов?

— Выводы делать можно,— сказал сухопарый и уже совсем седой Савельев.— Другое дело — насколько эти выводы будут верны! Вот, например, рассказ художника Реснера,— он заглянул в небольшую записную книжку. Этот оригинал не признавал технических новинок.— По таблице кодов БЦИ — 7/92—13 КК. Собственно, лишь в его рассказе имеются некоторые детали, указывающие на разумность симбиотического содружества. Все другие материалы имеют чисто описательный характер. Впрочем,— Савельев пожал плечами,— Реснер перенес значительное облучение, и все описанное им могло быть обычными галлюцинациями.

КРИСТАЛЛОЗАПИСЬ.

КАССИДА, 2293 ГОД, РЕСНЕР ЯН, ХУДОЖНИК

В тот год я работал над полотнами о Кассиде. Совершенно необычные цветовые гаммы, изобилие красок, необычность сюжетов... Что еще нужно художнику?

Откровенно говоря, мир Кассиды не раз заставлял меня ощутить собственное бессилие; я чувствовал, что не в состоянии передать своеобразие его и необычность. Вы видели мой цикл о Кассиде? Полотна выставлены в нью-йоркском «Метрополитене», и критики считают их удачными.

Да и мне они, признаться, нравятся больше других работ.

Прекрасный мир, изумительный мир... И самое в нем поразительное — Лебеди. Тот, кто хоть раз видел их в полете, никогда не забудет это великолепное зрелище. Изумрудное, постепенно чернеющее небо, огромные яркие звезды, складывающиеся в фантастические созвездия, у самой земли висит бледной маской, напоминающей безносое человеческое лицо, далекое шаровое скопление, и среди этого невероятного мира в стратосфере мчатся огромные стремительные птицы... Впервые увидев Лебедя, я был поражен. Мне захотелось написать картину, в которой бы воплотился этот стремительный полет. Но снимки, полученные СКАНами, не

давали представления об этих загадочных существах, и я захотел познакомиться с ними ближе.

Правдами и неправдами я получил в свое полное распоряжение орбитальный лидер и принялся искать Лебедей на свой страх и риск. Поначалу мне не везло, я находил только старые гнездовья, о которых сообщал Натуралистам. Совершенно неожиданно меня вызвал инспектор Миронов, отвечающий за индивидуальную безопасность поселенцев, и потребовал, чтобы я прекратил поиски. Миронов потребовал также, чтобы я немедленно вернул лидер. Разумеется, я пообещал ему это, но в тот же вечер улизнул из города на поиски птиц.

И этот вечер улыбнулся мне удачей: я оказался в нужном месте и в нужное время. Пролети я чуть раньше или чуть позже, и я бы разминулся со Стаем. Но я оказался в урочище именно тогда, когда Лебеди плавно заходили на посадку и исчезали в пещере. Они походили скорее не на живых существ, а на необычные летательные аппараты.

Я уже не мог повернуть. Во мне проснулось любопытство. Я бы себе никогда не простил, если бы после встречи со Стаем спокойно вернулся к себе домой, в Дмитровград.

Разумеется, я мог бы остаться снаружи и утром сделать массу снимков и зарисовок. Но мне захотелось увидеть их ночную жизнь.

Я посадил лидер у ручья и зарулил в рощу. Нетерпение подстегивало меня. Я быстро собрался, захватил генератор-вспышку, цветной «минокс» и, на всякий случай, рейтер, который на сварочном режиме без наконечника можно использовать как оружие.

Я изрезал себе руки и порвал комбинезон, пока лез к пещере. Никогда не думал, что камни могут быть такими острыми. Уже почти добравшись, я попал на осыпь и загремел метров на двенадцать вниз. Грохот стоял такой, что я подумал — все, теперь не только Лебедей вспугну, вся живность из Урочища разбежится! Но из пещеры не раздалось ни звука.

Я стал осторожнее, а потому удачливее.

Вход в пещеру был огромным. Каменный свод пещеры голубовато светился. Местами это свечение становилось нежно-розовым. Я потрогал камни. Они были холодными и слегка влажными. Надев «ночники», я пошел увереннее. То и дело я озирался. Я боялся наткнуться на Лебедей. С ними еще никто не сталки-

вался, а потому и я должен был проявлять осторожность.

Пещера постепенно расширялась. Пройдя еще немного, я оказался в огромном гроте: свода пещеры не было видно и в «ночниках». Где-то далеко и оттого невидимо, но звонко падали тяжелые капли воды: блюмм... блюмм...

В глубине грота что-то светилось, и я пошел на это свечение, прижимаясь к шероховатой, в глубоких трещинах стене. В высоте что-то шуршало, словно гигантские стрекозы носились в воздухе. Честно говоря, я не решался поднять голову и посмотреть, что там такое. Я едва сдерживал желание полоснуть по этому шуршанию из рейтера.

Грот оканчивался широкой плоской площадкой, обрывающейся круто над черной бездной. На площадке группами сидели птицы. Их огромные серебристые тела были видны издалека. Я уже говорил, что в пещере было светло: площадка освещалась четырьмя круглыми источниками света диаметром метра по полтора. Даже на расстоянии от этих источников тепло. Что они собой представляли, я не понял. Впрочем, тогда это для меня было абсолютно не важно.

В воздухе стоял густой запах. Не могу сказать, что он мне напомнил.

Скорее всего ничего. Потому что я не могу его сравнить с каким-то земным аналогом.

Я торопливо делал зарисовки «миноксом», не обращая внимания на детали. Когда торопливость первых мгновений прошла, я заметил: между птицами мелькает что-то бурое и пушистое. Что это могло быть? Я ломал над этим голову, пока не вспомнил, что съемным видеокамерам «минокса» можно пользоваться, как приличным десятикратным биноклем!

Суетящиеся бурые комочки оказались существами, похожими на земных обезьян. Шкура у них была бурая, а голова с вытянутым черепом и вздутыми ушными раковинами лишена волос. Похоже было, что Прыгуны (название их стало мне известно позже) и Лебеди друг друга не опасались. Прыгуны даже влезали в пуховые сумки, расположенные вдоль туловищ птиц, и, ковыляя на задних лапах, носили странные голубые шарики сантиметров по пятьдесят в диаметре. Эти шарики они стаскивали к краю площадки, где над пропастью висело нечто похожее на паутину. Прыгуны укладывали шарики в паутину. Еще одна группа Прыгунов укладывала

туда же неровные куски какого-то вещества, напоминающего лед.

В пещере было тихо, но у меня болели барабанные перепонки. Машинально я переключил фон на ультразвуковой диапазон, и звуки, которые внезапно стали слышны, оглушили меня.

Я почувствовал внезапную слабость. Наблюдать дальше я не мог: голова раскалывалась от боли, в глазах плыли разноцветные круги, а тело стало непослушным и тяжелым.

Не помню, как я оказался снаружи. От тишины и прохлады мне стало легче. Добравшись до лидера, я поднял машину в воздух. И тут меня окончательно скрутило. Уже включая реактор, я почти терял сознание. Дальше рассказывать нечего. Меня перехватил патрульный катер, после того как наблюдатели СКАНа обратили внимание на лидер, барражирующий в стратосфере. Меня спасло то, что рейсомедин был подключен к креслу пилота и своевременно начал профилактическое лечение по общему диагнозу.

Стоит ли говорить, что пленка «минокса» была безнадежно засвеченa?

Рассказу моему никто не поверил. Бред, единодушно решили врачи, реакция организма на облучение. Что ж! Мне трудно спорить со специалистами. Но картину я все-таки написал. Это было нетрудно — стоило закрыть глаза, и я видел серебристых птиц, мчавшихся в стратосфере планеты, россыпь разноцветных звезд, серебристую маску далекого звездного скопления и алую горошину Антареса — левее и чуть ниже скопления.

Можно ли это забыть человеку, которому навсегда запрещено покидать Землю?

КРЕЙСЕР «САМАТЛОР», ДАЛЬНИЙ КОСМОС, 2294 ГОД

Корабль вошел в световую зону в пяти миллионах километров от звездной системы Теллура. После недельной слепоты ожили экраны обзора, и купол над пультом управления вспыхнул звездным небом. Созвездия были незнакомыми. Привлекали внимание два звездных скопления: одно напоминало причудливую двухголовую птицу, второе — ниже которой алой горошиной горела звезда — напоминало уродливое человеческое лицо.

Командир крейсера Алексей Худов ткнул в звездное скопление и коротко пояснил:

— Скопление Арка. Ниже — Антарес. Будем на месте через двенадцать часов.

— На сверхсвете было бы быстрее, — вслух подумал я.

Худов сел, вытягивая длинные ноги и включая проигрыватель.

— Инструкция, — пожал он плечами. — Мы находимся в звездной системе повышенной активности. Кроме того, мы вошли в систему довольно невыгодно, и теперь придется прыгать через Теллур.

На Худова было приятно смотреть: высокий, плечистый, с копной вьющихся светлых волос, он привлекал своей открытостью и прямотой. За неделю полета мы сдружились и относились друг к другу со взаимной симпатией.

— Ты уже бывал на Кассиде? — спросил я.

— Десять лет назад, — сказал Худов. — Забирал транзитом группу Присты.

— Как тебе планета?

— Планета как планета, — после недолгого раздумья отозвался Худов. — Некогда нам было присматриваться. Поступила тахиограмма Космоцентра о том, что потерпела аварию Станция Солнечного Наблюдения у СЦ-73. Мы были ближе всех и ужасно торопились. Даже оборудование полностью не загрузили. Будешь сок?

Я отказался. Худов набрал код на блоке доставки, взял из ниши стакан, пригубил и сморщился.

— Теплый?

— Да нет, — Худов медленно тянул сок. — Яблочный. А я хотел айвовый.

Он поставил стакан в нишу.

— А вообще-то на Кассиде непривычно. Небо изумрудно-сиреневое. Лица у людей серо-зеленые...

Я поднялся.

— Меня через два часа второй пилот сменит, — сказал Худов. — Заходи. В шахматы сыграем. Я тебе что-то должен, а?

— Расставляй фигуры, — согласился. — И полистай учебник. Старые книги — твоя слабость. Только не воображай, что я дам тебе отыграться.

КРИСТАЛЛОЗАПИСЬ.
КАССИДА. АЛЬБЕРТ АШКЕНАЗИ,
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ПО КОНТАКТАМ
ПРИ СОВЕТЕ КАССИДЫ, 2294 ГОД

Первые Лебеди были замечены наблюдателем СКАН-19 в южном полушарии Кассиды два года назад. Восемнадцать серебристых метеоров шли на высоте сорока двух километров на скорости в два звука. Зрелище было настолько поразительным, что наблюдатель забыл включить запись и исследователям пришлось довольствоваться сбивчивым его рассказом и реймер-картиной, воспроизведенной по памяти бортового компьютера. Реймер-картина была слишком выразительной. На ней Стую можно было принять за группу метеорных тел, которые стремительно смещались за горизонт.

Но уже следом поисковик Малагоста Гомец сообщил о гнездовые странных птиц на западном побережье острова Самара. Биологи, отправившиеся туда, птиц не обнаружили, но набрали целую коллекцию необычных перьев, имеющих невероятные физико-химические параметры. Существование Лебедей стало реальностью, и вместе с тем птицы оставались мифом. Но миф этот был основан прежде всего опять-таки на реальных фактах. Время от времени наблюдатели СКАНов засекали гигантские Стai Лебедей в стратосфере планеты. Сообщения о гнездовьях поступали от туристов, влюбленных парочек и геологов, продолжающих обследовать Кассиду. Прямо деятельности нашего управления эти сообщения не касались, но я взял за правило регулярно интересоваться ими.

Примерно в это же время появились и сообщения о Прыгунах. Прыгуны были антропоидами, поэтому к сообщениям о них мы отнеслись с особым вниманием.

Сообщение Службы индивидуальной безопасности о художнике Реснере и его рассказ были для нас довольно неожиданными. В полной мере рассказу, конечно, никто не поверил, но и отмахнуться от него было нельзя. Для контактеров наступали горячие девочки. Вскоре действительно было открыто симбиотическое содружество Лебедей и Прыгунов. Это в какой-то мере подтверждало рассказ художника, но не давало возможности сделать вывод о разумности этих существ.

Нужна была особь для лабораторных исследований. Такие исследования если не ответили бы на все вопросы, то помогли бы сделать какие-то конкретные

выводы. И тут на планете появился Тарнье: охотник-профессионал, самолюбивый, настойчивый и не знавший до того неудач. Он просто жаждал отстрелить Лебедя. Его желания не расходились с нашими. Но мы не хотели, чтобы Тарнье охотился на контролируемых нами гнездовьях. Существа были на редкость осторожны, и охота на контролируемых гнездовьях грозила сорвать нашу работу на неопределенный срок. Пойти на это мы не могли. Мы позволили Тарнье найти новое гнездовье, он убил Лебедя, и мы получили в свое распоряжение всю симбиотическую группу. И что же? Ответа на свои вопросы мы не нашли.

И все-таки я уверен в разумности Симбиотов. Мне трудно объяснить истоки такой уверенности, как и то чувство собственной вины, которое я ощущаю. И все-таки мне кажется, что путь к взаимопониманию людей и Симбиотов, если такое взаимопонимание возможно, немыслим без жертв, возможно, даже обоюдных. До сих пор Симбиоты были равнодушны к нам, после произошедшего они вряд ли воспылают к людям любовью. Но даже ненависть лучше пустого равнодушия — она дает возможность надеяться на столкновения и, следовательно, оставляет надежду на контакт.

КРЕЙСЕР «САМАТЛОР», ДАЛЬНИЙ КОСМОС

— Шах! — сказал я, ставя ладью на поле короля соперника.— Сдавайтесь, сударь, на честное слово! Гарантирую шпагу и честь.

Худов подпер подбородок ладонями, печально про-считал варианты и столь же печально принял заново расставлять фигуры.— Еще партию? — скучным голосом предложил он.

— Уволь. С тобой играть скучно. Азарта нет.

Алексей выставил на стол стаканы с ягодным коктейлем и убрал шахматы.

— Антон, ты и в самом деле работал в Управлении по контактам?

— Да,— сказал я.— Десять лет назад.

— А почему ушел?

— Другие интересы появились.

Худов хрустнул пальцами, пригубил стакан и сказал:

— Мне кажется, что я тебя понимаю. Я бы не смог там работать. Однообразная работа. Я бы сказал —

нудная. За сорок лет работы вне Солнечной системы человечество наткнулось лишь на одну разумную расу — на Амфитире. Да и та безнадежно отстала в своем развитии от землян.

— А Нереида? — осторожно подсказал я.

— А вы доказали, что дельфоиды разумны? — нетерпеливо отмахнулся командир «Саматлора». — Я вот о чем: человечество уже исследовало более тысячи звездных систем, а контактов все нет. И что делать контактерам? Поднимать до земных высот амфитеян? Пытаться найти взаимопонимание с дельфоидами? Вот теперь мы летим на Кассиду. А если и там надежды не оправдаются? Где же перспективы?

— Не пыли, Алексей. — В общем-то, звездолетчик высказывал все те соображения, которые владели мной, когда я уходил из Укона. Но что-то мне мешало согласиться с ними сейчас. — Эта работа нужна, и надо уважать тех, кто ею продолжает заниматься. Опыт общения никогда не бывает бесполезным. Звездная экспансия будет продолжаться, и нам обязательно встретятся цивилизации, превосходящие нас в развитии. И даже дело не в технологическом уровне. Возможно, что это будет уровень духовный. Или эмоциональный. Возможно, что мы встретимся с цивилизациями, имеющими совершенно иные нравственные установки. Трудно представить себе все — ведь космос велик. И уже сейчас нужны те, кто закладывает камни в фундамент будущего взаимопонимания. А кроме того, задачи Укона обширнее. Контактеры занимаются космэкологическим контролем, ведут радиопоиск, изучают следы технологически развитых цивилизаций, в том, что такие существуют, сейчас ни у кого не возникает сомнений. Я сам восемь лет проработал в астроархеологии и могу твердо сказать, что в Галактике кроме человечества хозяиничает по меньшей мере одна технологически развитая цивилизация. Я был на Золотой планете, участвовал в исследовании города на Эноне. Невероятно, но факт — на Эноне...

Меня перебил сигнал тревоги.

Худов вскочил, едва не опрокинув стакан сока.

— Черт! Куда я задевал таймер?

Опознавательный жетон члена экипажа, позволяющий выйти на связь с Мозгом корабля, лежал на столике, и я взглядом указал на него Алексею. Мы выскочили в коридор.

В рубке управления собрался почти весь экипаж.

— Что? — выдохнул Худов, и ему уступили место у пульта.

— Помехи на трассе, мастер, — доложил второй пилот. — Десять минут назад локационная станция крейсера засекла группу точечных объектов, идущих перпендикулярно плоскости эклиптики в сфере притяжения Теллура. Мы столкнемся через двадцать минут. Маневрировать поздно, а СВР для уничтожения объектов, угрожающих кораблю, может быть применена только командиром корабля или по прямому его указанию.

— Правильно, — одобрил Худов. — Происхождение объектов установили?

— Судя по всему, это группа метеоров.

— Замеры! — Худов плюхнулся в кресло. — Замеры делайте каждые пять минут, а по мере приближения сократите интервалы до минуты.

— Понял, Мастер! — молодцевато сказал второй пилот, и было видно, что ему хочется произвести впечатление на пассажиров своей невозмутимостью и уверенностью.

— Готовь первый замер, — приказал Худов.

Второй пилот издал невнятное восклицание.

— Что там у тебя? — недовольно осведомился командир крейсера.

— Ерунда какая-то, — изумленно сказал второй пилот. — Угроза столкновения миновала. Объекты изменили направление полета.

— Считать надо было лучше, — укорил его Худов.

— Но ведь угроза-то была? — растерянно возразил второй пилот.

Худов помолчал.

— Смотри, — второй пилот прошелся по сенсорным клавишам дисплея. — Два тридцать одна собственного времени. По курсу с отклонением до двух тысячных группа из семи объектов, следующих курсом перпендикулярно плоскости планетной эклиптики... Предполагаемые размеры... Возможность маневрирования... Все правильно!

— Что правильно? — осведомился Худов.

— Должны были столкнуться, — развел руками второй пилот.

— Должны, да не столкнулись, — пробормотал командир «Саматлора». — Лично меня это радует, а не огорчает. Съемку вели?

— Конечно.

— Материалы на обработку,— приказал Худов и повернулся ко мне.— Ну, что? Пойдем допивать сок?

— Пойдем,— согласился я.— Если ты не будешь по полчаса задумываться над каждым ходом, то одну партию мы сумеем завершить вничью. Это вернет тебе утраченное душевное равновесие.

— Идет,— довольно согласился Худов.— Но ты начал рассказывать про Энону...

КРЕЙСЕР «САМАТЛОР»,
АНТОН НИКОЛАЕВИЧ СТРОГОВ.

ВОСПОМИНАНИЕ

Да, Энона... На вторую неделю исследований в пустыне Бейтсабыл был обнаружен прозрачный пятикилометровый купол. В прозрачной его глубине выселились странные сооружения, отражающие по форме все многообразие геометрии. Под куполом было много зелени. Зеленые и голубые лианы оплетали гигантские пушистые деревья, под которыми росла голенастая, в рост человека трава.

И ни малейшего признака присутствия в городе живых существ.

Существа парили над прозрачным куполом в знойном небе Эноны. Они были похожи на ковры-самолеты из древних сказок. Вначале их так и называли. Но потом Лойонель открыл способность этих существ перемещаться во времени, и с легкой руки остряка Видала их стали называть агасферами — вечными странниками Эноны. Они могли парить над куполом неделями, потом исчезали, смещаясь во времени на несколько месяцев, появляясь вновь и снова исчезали. Странная жизнь их оставалась загадкой для землян, породила десятки остроумных гипотез, два направления в хронофизике, что, впрочем, ни на йоту не приблизило человечество к пониманию их сути.

Таинственным оставался и город. Все попытки землян проникнуть под купол были безуспешными. Город находился в центре своеобразного прозрачного яйца, материал которого не поддавался имеющимся в распоряжении землян средствам.

Были десятки исследовательских групп, тысячи голографий, масса остроумных проектов. Не было одного: четкого и цельного понимания замыслов неведомых строителей Города. Земляне были похожи на детей, пытающихся сломать незнакомую игрушку из желания

узнать ее устройство, но не имеющих под рукой средств для осуществления задуманного.

Энона представляла собой пустыню, иссеченную тектоническими разломами. Полностью обезвоженная планета с редкой атмосферой, Энона катилась вокруг светила по немыслимой орбите, и Город был единственным ее уголком, где имелась зелень, а загадочные непостижимые агасферы — единственными ее обитателями. Подстрелить агасферу не удавалось — смертельно раненная птица уходила в прошлое, и исследователи получали окаменевшие скелеты.

Попытки прорваться за купол также оканчивались неудачно, а неосторожное нейтринное просвечивание привело к мощному землетрясению, из тектонических разломов выплеснулась лава, ожила мирные на первый взгляд вулканы, а возмущения ядра планеты оказались столь сильны, что все исследования на Эноне пришлось прекратить на пять лет.

Цели, для которых был создан Город, остались непонятны землянам. В Совете ООН были встревожены открытием. Трудно найти ответы на вопросы, которые сам ставишь перед собой, и это тем более трудно, если причины, побудившие тебя поставить эти вопросы, не укладываются в твои представления о мире. Кто может пояснить назначение предмета лучше его создателя?

В это время космос подкинул еще одну загадку — Золотую планету Сириуса. В астроархеологии начался невиданный бум. Мальчишки бредили нашей работой. Научные работы в «Вестнике астроархеологии» читались, как захватывающие приключенческие романы. На Земле начался звездный бум, сравнимый разве что с радостным и нетерпеливым азартом ожидания, охватившим человечество после выхода в космос Гагарина.

А я неожиданно испытал разочарование. Внешне все было прекрасно: мы занимались съемкой Золотой планеты, каждый был удостоен Знака Общественного Уважения, мальчишки на нас взирали с восхищением, работа приносила новые и новые открытия, но все они были загадочны, а догадки наши были субъективны и определялись уровнем технологического развития человечества.

Если крепостному крестьянину дать квантабер, то крестьянин быстро сообразит, что квантабером удобно забивать в стену гвозди, и будет полагать, что открыл истинное назначение неизвестного ему предмета. В своих научных изысканиях мы уподобляемся такому кре-

постному: мы подгоняем свойства обнаруженных нами предметов под свой технологический уровень, но истинное их назначение остается за пределами нашего понимания.

Выход человека в Дальний Космос, освоение новых звездных систем повлекло за собой новую научно-техническую революцию. На стыках старых и новых наук рождались десятки других, причем настолько часто, что человечество не всегда успевало дать им названия. Многие открытия рождались там, где всегда господствовала сказка. Научно-техническая революция ведет к размежеванию отраслей внутри одной науки, к сужению специализации. Время энциклопедистов навсегда кануло в Лету. Но древний сатирик сказал: «Узкий специалист подобен флюсу!»

И я ушел из астроархеологии, а потом и из Укона, занявшись иным делом. А теперь я лечу на Кассиду, но не в качестве инженера-психокинетика — на Кассиде он просто не нужен — и не в качестве астроархеолога — за десять лет я безнадежно отстал от работы. Я лечу на Кассиду специалистом по здравому смыслу во главе таких же здравомыслящих людей, хотя при анализе фантастического здравый смысл не всегда выручает.

АЛЬБЕРТ АШКЕНАЗИ,
БЫВШИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ УКОН-КАССИДА,
СКАН-10, ОРБИТА ПЛАНЕТЫ

СКАН-10 представлял собой длинный серебристый цилиндр с раскрытым ажурным венчиком с одной стороны и сегментным огромным шаром с другой. Боковые ионники ровными голубыми язычками выбросов придавали СКАНу вращение, создавая на станции искусственную тяжесть.

Станция Космического Наблюдения предназначена для космических экспериментов. Несмотря на свои гигантские размеры, они вмещают малочисленный экипаж. Обычно экипаж, который состоит из двух-трех человек, возглавляет «космический волк» — опытнейший капитан дальней разведки, уже отлетавший свое, но не желающий расставаться с любимой работой. Кроме этих звездных странников на СКАНе постоянно находятся «научники», ведущие исследования и наблюдавшие за планетой и открытым космосом.

Идей — вплоть до самых безумных — у научных

работников было хоть отбавляй, аппаратуры за дальностью от метрополии на всех не хватало, поэтому ожидающие своей очереди постоянно помогали уже работающим блестяще похоронить рожденные ими идеи или с неменьшим блеском, но значительно реже, утвердить их среди буйной поросли других не менее безумных идей.

На СКАН-10 не заглядывали в звездные дали, не занимались изучением светила ИН-245 Ц Теллур, не обращали аппаратуру в сторону ближайших планет системы — Фароса и Аэлиты. СКАН-10 был хозяйственным спутником. Планета, входящая в реестр хозяйственных, имела полное право обладать внимательным и заботливым попутчиком, предусмотрительно следящим за каждым движением дамы.

СКАН-10 занимался разведкой Кассиды. Не было на спутнике дерзких астрофизиков, мыслящих масштабами Вселенной космогонистов, или математиков, умеющих эту вселенную на кончике пера и рассчитывающих ее эволюцию на смятом листочке бумаги. Не было здесь и буйных хронофизиков, не обжигали рабочие места СКАНа жадные до телескопов планетологи. Здесь сидели рассудительные и обстоятельные агрономы и агрофизики, решающие задачи повышения урожайности, терпеливо ожидали удачи геологи, ломали головы над астрологическими расчетами метеорологи и климатологи, которые вдали от Земли пока еще не имели погодных преобразователей. Людям этим было не до вселенских загадок; несясь над Кассидой на четырехсоткилометровой высоте, они решали прозаические задачи — как накормить, обогреть, уберечь от опасностей и обеспечить всем необходимым шесть миллионов кассидян. Они раскрашивали карты планеты, обозначая месторождения, розы ветров, климатические пояса, рождающие циклоны и антициклоны, тем самым помогая сделать из планеты жемчужину Хозяйственного реестра Федерации.

Космобот совершил маневр, и СКАН уплыл в самый угол экрана. Прошло несколько минут, бот качнуло, и сидящие в рубке ощутили легкий толчок. Стало видно, как к боту ползет рубчатая труба переходника с утолщением кессонной камеры посередине. Переходник СКАНа коснулся космобота, и на панели вспыхнул сигнал благополучнойстыковки.

— Приехали, — сказал пилот, снимая шлем-вычислитель. Он неожиданно оказался огненно-рыжим.

Они прошли через переходник и вошли на станцию.

В пустом и гулком коридоре Ашкенази догнал высокий худой парень и, неловко поздоровавшись, протянул ему таймер. Некоторое время Ашкенази смотрел ему вслед, рассеянно подбрасывая таймер на ладони, потом взглянул на индексатор опознавателя. На белом кружке стояла цифра «десять», указывающая номер каюты и индекс Ашкенази для бортового компьютера.

Альберт нашел каюту, бросил сумку в настенный шкаф и сел в кресло. В иллюминатор заглядывала космическая тьма — не черная, а пепельная от мириадов усеявших бездну звезд.

Теперь Альберту казалось, что он просто бежал от внезапно обрушившегося на него людского неуважения, спрятался от стремительного бега событий, от самого себя, от тех, кто считал его действия неверными, и тех, для кого поступки его были единственно правильными.

Изучение убитого Лебедя и погибших с ним Прыгунов ничего не дало. Остались голограммы, кристаллозаписи, десятки бесполезных заключений, части загадочных существ в биоформике, многочисленные гистологические срезы и с ними — полное непонимание природы Симбиотов. С окончанием работ пришло чувство вины. Но разве он надеялся на иное, затевая игру с охотником? Разве он не готовил себя к тому, с чем столкнулся сейчас?

Ашкенази вышел в коридор. Наступило время наблюдений, и в коридоре никого не было. Бывший руководитель Укона прошел к лифту, и прозрачная капсула пронесла его через глубины СКАНа к смотровой площадке.

Над смотровой площадкой во весь гигантский прозрачный потолок светилось пепельно-серое небо, усеянное яркими звездами, которые сплетались в причудливые неземные созвездия. Ашкенази прилег на пластиковую скамью и принял смотреть на звезды.

«— Мы допустили ошибку, — сказал Горин. — Даже не ошибку, а неоправданную жестокость!

— Цель оправдывает средства, — возразил Ашкенази.

— Жестокость никогда не приводит к взаимопониманию.

— Равнодущие страшнее жестокости. Безразличие исключает саму возможность общения, а следовательно, и взаимопонимание».

А что ответил Горин? Что он сказал тогда?

Послышались голоса, и Ашкенази повернул голову. Рыжий пилот, доставивший его на СКАН, обнимал высокую хрупкую девушку. У той были удивительно большие глаза и хрустальный смех. Ашкенази снова ощутил горечь обступившего его одиночества.

Что ему тогда сказал Горин?

«А ты уверен, что оно вообще возможно — взаимопонимание?» — спросил Горин, жестко и требовательно глядя на друга.

Две слепящие точки затмили звезды, и вскоре мимо СКАНа прошли два биссера, буксируя обломок скалы или метеора к вакуумметаллургическому заводу. Ашкенази проводил их взглядом и встал. Двое влюбленных смотрели на него и молчали. Он пошел к выходу, чувствуя спиной их взгляды.

— Мне его жалко, — тихо сказала девушка. — Нельзя же так жестоко...

— Нельзя, — грустно улыбнулся рыжий пилот.

○ ○ ○

— Лебеди! — сказал дежурный наблюдатель восторженно.

Над поверхностью Кассиды неслись стремительные белые точки.

— Сейчас они будут под нами. Пойду, позову ребят. Такое не каждый день видишь.

Включив запись, наблюдатель поднялся и вышел. Ашкенази смотрел, как серебристые точки смещаются от сиреневых гор облаков в сторону СКАНа.

«Боишься? — насмешливо спросил он себя. — Тогда чего ты здесь сидел? Возвращайся на Землю. Космосу неудачники не нужны. Еще есть время. Решайся, Аль!»

Он отстегнул от комбинезона таймер, снял с запястья браслет, связывающий его со станцией службы индивидуальной безопасности, и положил все на кремовую панель пульта.

Спустя несколько минут после его ухода в рабочий отсек ввалилась группа наблюдателей.

— Где твои Лебеди, Валера? — нетерпеливо спросил кто-то.

Сказочные птицы пронеслись в нескольких километрах от СКАНа, совершили изумительный по синхронности маневр и исчезли в сиренево-изумрудных облачах.

И в это время звзыла сирена. Экран ослепительно

вспыхнул, потом снова потемнел, и на нем проступили звезды и край планеты.

— Кто-то угнал орбитальный лидер! — догадался один из наблюдателей. — Кто этот дурак? Я с удовольствием надрал бы ему уши за побитую аппаратуру. Не сомневаюсь, что он ее побил!

— Чей это таймер? — спросил дежурный наблюдатель и тут же замолчал, увидев рядом с таймером браслет СИБ.

— Так это отшельника из десятой палаты! — догадался кто-то.

— Забыл он его, что ли?

— Похоже, что не забыл, — сказал дежурный наблюдатель. — Он их нарочно оставил.

— Сумасшедший! — возмутился невысокий веснушчатый наблюдатель. — Валера, вызывай нашего волка. Скажи ему, что псих из десятой палаты угнал орбитальный лидер. Пусть волк организует погоню со стрельбой и призывами сдаться. Добродетель должна восторжествовать!

— Не на чем догонять! — грустно сказал Валерий. — Космобот уже ушел, а аварийный лидер стоит с разобранным движком. Плохо дело, ребята. Браслет СИБ он оставил не случайно.

Все уставились на экран.

Под СКАНом снова бежала неровная от облачности поверхность планеты. Инверсионный вязкий след, уходящий в облака, был похож на короткий белый шрам на теле.

Спорить было не о чем. Оставалось только надеяться на возвращение безумца.

Надеяться и ждать.

— С лидером он хоть обращаться умеет? — ворчливо спросил кто-то из толпящихся у экрана наблюдателей.

— Он из Укона, — уточнил дежурный.

— Значит, из умельцев, — уточнил тот же голос. — Тогда не разобьется. Но я тебе, Валера, сочувствую. Как дежурному. Тебе предстоит увлекательная беседа с нашим «КВ». Старик уважает дисциплину. Поэтому будь уверен, Устав Космофлота ты будешь знать не хуже первокурсника Школы Спейсеров. А может быть, и намного лучше.

— Иди ты! — раздраженно сказал дежурный, обреченно глядя на тающий в облаках след орбитального лидера.

Часть вторая. ПАРЯЩИЕ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

КАССИДА. СТРОГОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ СОВЕТА ООН

Светило уходило за горизонт. По темному небу еще бежали изумрудные сполохи, льдинистыми глыбами редко тянулись облака, а в черном зените уже высветились яркие звезды, и горы черно обрисовались острыми горбами на фоне непостижимого заката.

Было тепло. Худов, напросившийся с нами, неторопливо и бесцельно обламывал подобранную с земли веточку. За спиной у меня кто-то переговаривался негромко, срывааясь на свистящий шепот.

Меня тронули за локоть. Я обернулся. Рядом стоял новый руководитель группы Укон-Кассида Витольд Зеньковский.

— Ну что? — спросил он. — Будем сниматься? Сегодня они, видимо, уже не прилетят.

Я посмотрел на небо. Небо было пустым.

— Пожалуй, — согласился я. — Дайте команду на посты. Пусть спускаются к ручью.

Дебюсси поднялся с короткого крыла лидера и потянулся.

— Не везет, — с сожалением констатировал он.

Худов тоже встал, отбрасывая изломанную веточку.

— Ну, что? — звучно спросил он, но договорить не успел. От ручья кто-то сипло прошептал:

— Тише! Кажется, они летят!

Все застыли.

— Показалось! — выждав некоторое время, вздохнул Зеньковский.

Говорил он, однако, шепотом.

В воздухе послышался еще далекий шум, и над чернеющими горами мелькнуло голубовато светящееся пятнышко. За ним еще... еще... и еще... Воздух наполнился басовитым гудением. К пещере планировали светящиеся в полутьме птицы.

Люди торопливо прятались в заросли.

— Смотрите! — Зеньковский вновь схватил меня за локоть.

— Мы же договаривались...

— На пещеру смотрите! — перебил меня Витольд.

Я обернулся. В сгустившихся сумерках входа в пещеру не было видно, но там, где он находился, светился неяркий желтый шар. Словно рядом с пещерой зажгли

уличный осветитель. Откуда он взялся? Днем мы тщательно осмотрели пещеру и ее окрестности и ничего, кроме гигантских стреловидных перьев, не обнаружили.

Лебеди меж тем начали исчезать во тьме. Издалека это выглядело так, словно в темноте плыли голубые фонарики и неожиданно гасли, натыкаясь на невидимую преграду.

Последняя птица исчезла в пещере. Таинственный шар у входа в пещеру погас.

— Пятнадцать,— негромко сказали от ручья.

— Съемку вели? — спросил Зеньковский.

— Все нормально, Витас! — отзывались от ручья.

Осыпаясь, зашуршали камни. К нам спускался техник центра связи Кассиды Сухорученко.

— Фонит,— сказал он.— Только что было чисто, а теперь там фон как в реакторе корабля. Данные уже обрабатывает «Гном».

— Аппаратура работает? — уточнил Зеньковский.

Сухорученко показал большой палец.

— Снимаемся? — обратился ко мне Зеньковский.

Я согласно кивнул.

— Никого оставлять не будем?

— Зачем? — возразил я.— Аппаратура работает.

Давайте по плану.

Через час группа была в Поселке. На горизонте в сером сумраке высвечивалась гигантская сияющая звезда — там находился один из городов Кассиды.

Мы с Зеньковским стояли у лидера. Небо заволокли облака. Моросил мелкий дождь.

— Свет видели? — спросил Зеньковский.

— Да.

— Мощный источник. Но можно ли сделать вывод о его искусственном происхождении?

— Можно,— согласился я.— Можно, но не нужно. Пошли, посмотрим передачу.

— Антон,— Зеньковский шагал рядом, энергично двигая длинными руками.— А вы лично верите в возможность контакта?

— Сначала надо убедиться в разумности Симбиотов,— возразил я.

— Контакт предполагает внешнее или внутреннее сходство,— сказал Зеньковский.— Но сходства нет. Я думаю, что контакт невозможен.

— Мы с вами в положении древних проповедников,— усмехнулся я.— Их знание о боге зависело от богатства фантазии.

— Наши стоят,— вдруг сказал уконовец.

Мы подошли к стоящим людям.

— Что случилось? — спросил Зеньковский. — Аппаратура не в порядке?

Из дверей шагнул Сухорученко, держа руки в карманах.

— Аппаратура в порядке,— ответил он уныло. — А изображения нет. Такое вот получается кино.

Некоторое время все молчали.

— Что будем делать? — снова заговорил Зеньковский.

— По домам расходиться,— отозвался я. — Утром будем разбираться. На свежую голову.

— Точно,— вмешался в разговор капитан Худов. — У меня штурман был. Так у него все самые умные мысли появлялись после хорошего сна.

Люди начали расходиться.

Некоторое время мы с Зеньковским в одиночестве стояли под дождем.

— Не везет,— вслух подумал тот и вздохнул.

— Не огорчайся,— сказал я. — Частная неудача — еще не провал всего дела. Завтра начнем все сначала. Нам ведь к этому не привыкать, Витольд?

КАССИДА.

ДЖОРДЖ ПАТРИК КЕЛЛЕН, АСТРОБИОЛОГ

Неделю мы изучали свежие материалы местного Укона. За день до нашего прилета на Кассиду случилось несчастье. Отстраненный от работы Альберт Ашкенази по разрешению Совета Кассиды вылетел на хозяйствственный спутник. Угнав со спутника орбитальный лидер, Ашкенази погнался за Стаем и исчез. Лидер обнаружили на третий день. Ашкенази в нем не было. В зарослях поисковики нашли мертвого Прыгуна. Убит он был из разрядника. Разрядник валялся рядом с Прыгуном. Тут же был обнаружен комбинезон Ашкенази. Владельца комбинезона поисковая группа не нашла. Рядом было озеро, поэтому решили, что Ашкенази утонул. Не исключалась возможность нападения на Ашкенази. Применение Альбертом разрядника и найденный мертвый Прыгун давали основания для такого вывода. Правда, случаев нападения Симбиотов на людей не было, но ведь и люди не нападали на этих существ до удачной охоты Тарнье. Даже звери на Земле редко нападают на человека, чаще они это

делают в порядке самозащиты. То, что тела погибшего Ашкенази поисковики не нашли, никому не казалось удивительным — подводный рельеф озера изобиловал трещинами, а в самом озере водились прожорливые рыбки, которых по праву называют водяными санитарами Кассиды.

На Кассиде мы находились с единственной целью: нам предстояло решить вопрос о разумности Симбиотов. Разумны они — и человечеству предстоит эвакуировать земные поселения с планеты, нет — и земляне получали свободу действий на Кассиде.

Климов и Шаталов сидели на анализе сообщений о Симбиотах, изучали материалы исследований убитого Симбиота и занимались расшифровкой наблюдений Симбиотов со СКАНов. От них пока ничего не поступило.

Мы тоже пытались организовать наблюдение за Симбиотами. И вскоре обнаружили новое гнездовье. Это была пещера в горной системе Цандера. Пещеру нашпиговали разнообразной аппаратурой, и что же? Наблюдения не удались. Во второй раз Прыгуны уничтожили установленную аппаратуру. Почему они это сделали? Вряд ли они понимали, чему служат металлические коробки, установленные в пещере! Правда, это могло быть и проявлением недовольства вмешательства землян в дела Симбиотов. Живите сами и не мешайте жить другим. Я думаю, человечеству тоже было бы неприятно узнать, что оно стало объектом изучения для иного разумного сообщества. Но с другой стороны, мне казалось, что мы и Симбиоты совершенно несовместимы в смысле биологии и социума. Что общего у человечества и, скажем, муравейника? Хотя, может быть, наши осмысленные действия кажутся полной бессмыслицей муравьиному сообществу. И наоборот — действия муравьев, которые мы склонны объяснять рефлексами, на деле имеют куда более серьезные корни, нежели мы полагаем. Ведь что такое Разум? Где взять его емкое определение? И что для Разума главное? Способность живого существа совершать нецелесообразные поступки? Или способность использовать свойства окружающего мира без разрушения этого мира? Тяга к знаниям? А что, собственно говоря, есть знания? Я где-то читал, что Разум — это медленно формирующийся инстинкт. Высказывалась такая точка зрения. И значит, мы находимся на пути к истинной разумности.

Вот мы встретились с вероятным разумным партнером. Как определить степень его разумности? Способностью к контакту? А не порочно ли это в самой своей сути — навязывать психологию человечества иному разумному сообществу?

Время шло, а однозначного ответа на поставленные перед нами вопросы не было.

На Золотой планете было легче. О разумности построивших ее существ гадать не приходилось. Гадали о природе Разума, о его технических возможностях, научном потенциале. Для этого брали конкретный предмет и на основе его характеристик и выявленных свойств судили о назначении. Не всегда верно, конечно. Но это было легче, потому что человечество имело дело не с разумом, а с его материальными следами. Строгов там себя показал с наилучшей стороны. Эвристик он сильный, его уход из астроархеологии многие восприняли с недоумением. Чего стоила его догадка о Черном Стержне как о вариаторе постоянной Планка?! В результате на Меркурии уже построен такой вариатор, появилась отрасль новофизики, даже термин специальный ввели — изменения Строгова. Все человеческие представления о Вселенной летят ко всем чертям. Может, это и есть основное свойство Разума: изучая известные явления, объединять их и делать парадоксальные выводы?

Мысленно я постоянно возвращался к Симбиотам. Ранее мне казалось нереальным обнаружить иную цивилизацию на пятнадцатый год колонизации планеты. Но теперь моя уверенность была поколеблена, еще не имея веских доказательств; я хребтом чувствовал, что человечеству придется уходить с Кассиды. В случае разумности Симбиотов люди не имели морального права продолжать колонизацию планеты. В истории человечества много примеров, когда ради собственной выгоды завоеватели физически истребляли целые народы. Земная история построена на костях, но теперь мы достаточно умны и гуманны, чтобы предотвратить возможную трагедию даже ценой собственных неудобств.

Я не сомневался, что в случае положительного ответа о разумности Симбиотов человечество покинет Кассиду, объявив ее планетой Контакта, как это было сделано на Амфитере и Нереиде. Но ответить на этот вопрос только еще предстояло, и это значило, что каждый из нашей группы в определенной мере отвечал

за судьбу Кассиды, нес свою долю ответственности перед земным человечеством за судьбу Симбиотов.

КАССИДА. АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ХУДОВ,
ВЫПУСКНИК АКАДЕМИИ СПЕЙСЕРОВ,
КОМАНДИР КРЕЙСЕРА «САМАТЛОР».
НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ МАРСИАНЕ.
¤ ПОРЯДКЕ ЭКСПРОМТ

Просто помешались люди на контактах. И что больше всего раздражает, так это те розовые мечты, которые с ними связывают. Вот найдем цивилизацию, чей научный и технический потенциалы превышают земной, и... даешь большой скачок! В старину модно было говорить про марсиан, теперь же по всей Галактике шарят.

Ну, предположим. Предположим, что контакт состоялся. Поутихли первые восторги, послабее стали дружеские похлопывания ладонями да щупальцами. Остыл пыл первых удивлений: ах, у вас третий глаз на подбородке? Уши на затылке? В крови гемоглобин вместо хлорофилла? Поутихли изумления, что у землян нос между глаз, а не как у всех порядочных людей посередине темени шишкообразно выступает. Привыкли друг к другу, как в свое время к космическим полетам привыкли. И встал, наконец, вопрос: а что же дальше?

Моральная сторона ясна: полное, как говорится, удовлетворение — правы ученые, зря мракобесы Джордано Бруно на костре спалили. Не одиноки мы во Вселенной! Ну, хорошо. Заклеймили позором мракобесов. Дальше-то что?

Даешь знания!

Опыт сравнительной анатомии. Инопланетный нос возвышается над теменем и морщится от незнакомой вони благоухающих роз. Ему, носу марсианскому, стократ приятнее запах сернокислого аммония, слегка сдобренный сероводородом. Ну, ладно, бог с ним, с носом! А вы видите в темноте? А почему у вас нет ресниц, а вместо них меховые щеточки? А почему у вас вместо костяного грудочного панциря в наличии ребра разнокалиберные и ненадежно-хрупкие? Ах, приспособление к природным условиям?! Интересно...

А дети у вас как рождаются: по любви или почкуетесь потихоньку? Вырастил втихомолку яйцеклетку, вынянчил ее в маточном кармане, шлепнул чадо любовно по юношеским лиловым ягодицам, и пускай

гуляет, набирается жизненного опыта. А у вас разве не так? М-да... Интересно!

Разобрались с биологией. Все изучили. Тугоухость марсианскую лечить научились.

Дальше-то что?

Желательно, конечно, обсудить морально-этические проблемы. Только вот как их обсуждать? У нас, землян, главное — не вырвать раньше времени, волнуют нас вопросы воспитания и половой зрелости, кричим о культивации любви и уважения к противоположному полу и к сожителям по родной планете. А ему, марсианину, это неинтересно. Он своим детям и папа и мама. Ему тревожно одно: вынуживаешь яйцеклетку, так не кичись, не вывешивай ее на маточный карман, может, и ничего еще не выйдет, напрасно только обнадежишь общество преждевременными заверениями, а там глядишь: мальчика-то и не было, скисло будущее разумное существо, в бродило ушло, растворилось в углекислотной среде.

Вот тебе и вся сравнительная этика. Все равно, что спорить с крокодилом о любви.

Иные кинутся в искусство. А как же — опыт культуры иного разума! Даешь познания! Познавай на здоровье. Ты ему, марсианину, Дану прекрасную на картине Рембрандта тычешь, Пушкина цитируешь, Баха и Моцарта на музыкальных инструментах воспроизводишь, а он, марсианин, удивляется. Ему Даная прекрасная до лампочки, поскольку однополое он существо. Чувств она в нем никаких не вызывает. Бах и Моцарт ему и вовсе ни к чему, его затылочная перепонка на диапазонах ультразвука сигналы воспринимает. Пушкин, правда, хорош, да вопросов много возникает: а крестьянин — это кто? а дровни — это что? а лошадка — это как: фауна или флора? Скучно ему, вот марсианин и тянет тебя в обонятельницу отдохнуть, вдохнуть там перекисшего ангидрида пополам с сероводородным ветерком. И удивляется он, что в обонятельнице ты сразу зеленеешь, а мгновением позже в глубокий обморок падаешь. Навещает он тебя в больнице и радуется, что искусство его родной планеты на тебя неизгладимое впечатление произвело.

Славненько поговорили!

И остается одно: толкать научно-технический прогресс, приспосабливая чужие достижения к своим нуждам. Они, марсиане, нас в космической технике перегнали. Лепи, значит, космические корабли по мар-

сианскому подобию. Мелочи только вроде щелочных противоверегрузочных ванн убирая. А уберешь их, так окажется, что никто из землян перегрузок марсианских стерпеть не может. Готовились звезды оседлать, а вместо этого — мементум мори!

Или со временем. Тут у марсиан совсем просто: впал в спячку — и лети, не старея, от галактики к галактике. Только спиральку на животе подкрути, подверни, до нужного оборота требуемого столетия. Но мы-то, земляне, как бы свои пупки ни крутили, в анабиоз не впадем. Твори, значит, самостоятельно.

А как же обмен научно-технической информацией? И на что нам она, если мы ею воспользоваться не можем?

Ладно, предположим, что щелочные ванны нам тоже пригодятся. Может быть, в них конечности регенерируются. Оторвало тебе, к примеру, руку — беги к ванне, суй туда обрубок, а через час здоровой рукой подкову гнешь, пальцем в кнопку субциклотрона тычешь. Возможно, что и в пупоспирали марсианской разберемся, в анабиоз впадать научимся.

Но — сами! Сами!

Так что нам марсиане и их миллионнолетний опыт развития? А мы им — что? Одичавшие мамонты на бетонном шоссе?

От звезды до звезды, от галактики до галактики не один день добираться. Пока они к нам или мы к ним, у них вообще все бессмертные ходят, звезды гасят, вселенной разбегаться не дают.

А мы — отставшие в развитии, задавленные своей техникой — на что мы им?

И вот теперь экспертная группа Совета ООН Федерации колесит по Кассиде, потенциальные братья по разуму носятся в стратосфере на гиперзвуке, не обращая внимания на попытки землян завязать с ними контакт. Над всей этой суматохой сияет изумрудное солнце, а ночами безглазо и страшно смеется звездный клоун с красной горошиной Антареса в петлице. Одним словом, никакого порядка.

В контакт с Симбиотами мне не верилось. Слишком далеки от нас они были. Непонятные существа, гнезда постоянного — и то не имеют. А как разумному без дома прожить?

И тут меня осенила странная мысль. Можно сказать, сумасшедшая мысль. Я связался с кораблем. Марека на месте не было, и пришлось ждать, когда

Бортовой Мозг найдёт второго пилота. Конечно же, Долинский сидел в теплой компании и рассказывал анекдоты.

Прекрасная была компания, если судить по взрывам хохота, доносящимся до меня.

— Развлекаешься? — спросил я, когда лицо Марека обрисовалось передо мной. — Есть дело, дружок.

— Когда? — Марек не скрывал своего неудовольствия.

— Сейчас, — объяснил я. — Через полчаса я жду тебя на «Саматлоре».

— Что-нибудь серьезное?

— Посмотрим, — сказал я неопределенно и отключился.

**КАССИДА,
АНТОН НИКОЛАЕВИЧ СТРОГОВ**

С утра прилетел Басиан и порадовал сообщением, что обнаружено гнездовые Лебедей. Удивительные все-таки это были Существа! Для гнездовий ими всегда выбираются труднодоступные места, и поселяются они там на пять-шесть дней. Новая Стая может заселить гнездовые другой, но чтобы Стая вернулась к своему старому гнездовью, мы еще не отмечали.

Еще было много неясного, но я уже мысленно проигрывал будущую эвакуацию землян с Кассиды. Грандиозную картину рисовало воображение. Требовалось сотни транспортных кораблей, чтобы вывезти с планеты оборудование и демонтировать города. Я был уверен, что на Кассиде мы столкнулись с не похожим на земной, но Разумом. И больше всего меня убеждало в этом то, что Симбиоты не проявляют настороженности или испуга, встречаясь с землянами в небе планеты. Животные испугались бы, проявили агрессивность или любопытство. Это естественно — ведь земляне и их техника не вписываются в привычную им обстановку. Отсутствие реакции убеждало меня в разумности Симбиотов более всего. Мелкие детали укрепляли эту уверенность.

Плохо укладывалась в общую картину история с Ашкенази. Почему обычно инертные Симбиоты напали на него? В этом крылась какая-то загадка. Но почему мы должны считать, что Симбиоты напали на бывшего руководителя местного Укона? Логичнее было предположить, что это он напал на Симбиотов. Скорее

всего мы никогда не узнаем, какие цели он при этом преследовал.

В рассуждениях моих была определенная логика. Но я вспомнил, как на Золотой планете группа Шерера изучала огромное круглое помещение, постепенно склоняясь к мысли, что помещение предназначено для совещаний и совершения каких-то ритуальных действий. Однако в логике рассуждений крылась будущая трагедия. «Актовый зал» оказался на самом деле сбросом энергонакопителя, уже до предела заряженного, и группа вошла в зал как раз накануне сброса. Все погибли, и служба индивидуальной безопасности несколько недель проводила обследование исследуемых участков, не подпуская к ним ученых.

Опасно подгонять изучаемое явление под свои логические построения; человеческая логика удивительно гибка и выстраивает факты в желаемой последовательности, а это не всегда приводит к истине.

Перед вылетом к гнездовью я зашел к председателю Совета Кассиды Исиро Мацуоки, по прозвищу Большой Папа. Прозвище родилось на Кассиде, и я не мог понять, почему маленький хрупкий японец получил столь неподходящее ему прозвище. В ходе совместной работы я убедился, что Мацуоки всегда в курсе происходящего, обо всем позаботится, во всех необходимых случаях примет решение, и в самом деле он был как большой заботливый отец.

Идя по коридору, я вдруг понял, что мне мешало согласиться с собственными выводами о Симбиотах. Эта мысль возникла у меня еще на Земле при изучении материалов Укона, но тогда я не заострил на ней своего внимания.

Почему земляне встретили Симбиотов лишь спустя тридцать лет после высадки на Кассиде?

КАССИДА. ПРИЕМЫШ СИМБИОТОВ

— Идут, — Зеньковский опустил бинокль. — Сейчас покажутся над гребнем.

В сиреневых сумерках его лицо казалось серым, а тени делали глаза невероятно огромными.

Над изумрудной полоской снежных вершин горели первые звезды. Чуть ниже их показались светлые точки, и вскоре над зарослями цветозара стремительно проносились огромные птицы, планируя к пещере, у входа в которую уже повис желтый шар.

— Все,— спокойно сказал после некоторого времени Зеньковский.— Последние прошли.

Они поднялись к пещере. В горле першило от принятых таблеток антирада. У входа в пещеру Зеньковский присел, молча увлекая товарища за собой. При свете фонарика Строгов увидел, что земля испещрена следами, поразительно напоминающими отпечатки человеческих рук.

Зеньковский поднялся и бесшумно последовал дальше. Строгов шел за ним. Что-то с шумом рванулось у них из-под ног в темноту. Люди замерли. Из смутно чернеющих зарослей донеслось мяуканье пантозавра — травоядного двуногого ящера величиной с кошку, имеющего раскидистые костяные рога на плоской голове. Люди облегченно вздохнули.

У входа в пещеру Строгов обернулся. Роща у ручья была невидима в сгустившихся сумерках, и только светились желтые точки работающего энергонакопителя лидера. Небо стало совсем черным, и прямо против пещеры повисло яркое созвездие Феникса. В небе чуть ниже созвездия плыли сразу четыре мигающие звездочки СКАНов.

Зеньковский уже скрылся в пещере. Строгов последовал за ним.

В пещере было тепло. Под ногами то и дело попадались мелкие камни. Антон вспомнил рассказ художника. История Реснера теперь повторялась с ним.

Пещера была огромной. Она отражала шорохами каждое движение. В высоте плыло странное розовое марево или скорее тончайшая кисея с розовыми вкраплениями в виде стремительных витков. Строгов услышал исходящее из глубины пещеры странное басовитое гудение, прерываемое тяжелыми вздохами, словно невидимый великан сидел в пещере, уныло тянул однообразную мелодию и время от времени тоскливо вздыхал. Сверху неслось шуршание, как будто под сводами пещеры носились гигантские стрекозы. Строгов снова вспомнил рассказ художника.

Люди углубились в басовито урчащую пустоту пещеры. Зеньковский поднял руку, и Строгов остановился. Пещера обрывалась огромной площадкой, на которой сидели Лебеди. Огромные птицы были чем-то похожи на поисковые ракеты; они застыли на площадке, раскинув в стороны крылья, и казались скорее механизмами, нежели живыми существами.

На краю площадки белыми тягучими пузырями

вздувалась какая-то масса. Пузыри лопались, масса с глухим вздохом опадала и начинала вспухать снова. Рядом с пузырящейся массой суетились маленькие фигурки, которые при максимальном увеличении оказались Прыгунами. Прыгуны суетились около непонятного сооружения, напоминающего пространственную башню Системы Космосвязи. Сооружение имело эластичное провисающее покрытие и покачивалось от суетливых движений Прыгунов, которые то и дело забегали в овальное отверстие в основании башенки. Сооружение казалось живым существом, оно пульсировало, то и дело меняя свой цвет. Строгова что-то насторожило. Еще не осознавая причин своей внезапной тревоги, он повел биноклем вдоль края площадки и остановился взглядом на странном безволосом существе, которое держало в лапах круглый голубой предмет размером с небольшой арбуз.

Некоторое время Строгов недоуменно разглядывал это странное существо, пока не понял, что он смотрит на человека. Сделав это открытие, Строгов похолодел. Несомненно это был человек. Плотный, высокий, с лысым блестящим черепом и голой, лишенной растительности кожей, он наклонялся и передавал Прыгунам круглые шары, которые катал из тягучей массы. Прыгуны относили шары в башенку.

Строгов толкнул Зеньковского, указывая ему на человека. Витольд качнул головой, давая понять, что он видит, а в следующее мгновение жесткая рука Зеньковского больно сжала его руку:

— Это же Ашкенази! — изумленно сказал Витольд.— Это Альберт Ашкенази!

КАССИДА. АНРИ КЛОД ДЕБЮССИ,
СОТРУДНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО
КОСМОЮНЕСКО ПО ИЗУЧЕНИЮ ВНЕЗАПНЫХ
ОБЪЕКТОВ ИСКУССТВЕННОГО ПРОИСХОДЖЕНИЯ

Человек, включенный в симбиотическое содружество! Это не могло быть случайностью. И, конечно же, это не говорило о разумности Симбиотов. Вместе с тем то, что Строгов и Зеньковский наблюдали в пещере, говорило как раз о разуме этих непостижимых существ.

С утра мы собирались в кабинете Большого Папы.

— Это Разум,— убежденно сказал Строгов.— Сложное симбиотическое содружество, механизм и биология которого нам пока неясны. Социология этих «

существ тем более не знакома. Я прошу обратить внимание на следующее тревожное обстоятельство: за последние два года численность Симбиотов сократилась на сорок процентов. Следовательно, деятельность землян на Кассиде неблагоприятно сказывается на ее биосфере. Экспертная группа предлагает прекратить хозяйственную деятельность на планете, ликвидировать земные поселения и объявить Кассиду планетой контакта. Сформировать из специалистов Кассиды первичную контактorskую группу, которая в дальнейшем будет усиlena специалистами Федерации.

— Это звучит, как ультиматум, — сказал кто-то из хозяйственников.

— Возможно, — холодно согласился Строгов. — Но нужно помнить, что мы имеем дело с чуждым нам Разумом. Это их планета.

— А как все-таки быть с Ашкенази? — спросил Зеньковский. — Мы же не можем оставить его одного в беде?

Строгов промолчал.

Из-за стола поднялся Исиро Мацуоки.

— А что нам скажет мой заместитель, отвечающий за безопасность землян на Кассиде?

Его заместитель Оскар Крон откашлялся.

— Минуточку, — сказал Строгов. — Я хочу сообщить, что наши соображения по данному вопросу переданы на Землю, и всем нам остается дождаться решения Совета ООН. Мы высказались за создание зоны контакта на Кассиде.

Оскар Крон подошел к окну. Шторы медленно поползли вверх, и в кабинет хлынули изумрудные лучи утреннего солнца.

— Двадцать лет, — ни к кому не обращаясь, сказал Крон. — Двадцать лет работы псу под хвост. Почему? Жили же мы раньше: они — себе, мы — себе! Никто никому не мешал. Почему мы должны искать новую линию поведения? Почему мы должны ломать налаженное производство, срывать с места шесть миллионов человек, гнать через пространство тысячи кораблей? Неужели нет решения, приемлемого для обеих сторон? Почему мы должны уступать?

Некоторое время все сидели молча. Мацуоки подошел к товарищу и стал смотреть, как просыпается за окном чужой мир.

— Потому что это их планета, — сказал он. — Мы здесь гости, а они хозяева.

Крон вышел из кабинета, и его никто не останавливал.

— Что мы можем предпринять в отношении Ашкенази? — спросил Большой Папа.

— Скорее всего — ничего, — жестко сказал Строгов. — Он уже не наш, а их. Неизвестно, чем закончится это вмешательство. Я думаю, что мы должны оставить его в покое. Иначе мы можем повредить чужим. Я даже склонен предполагать, что такое вмешательство будет опасным и для самого Ашкенази.

Собравшиеся за столом люди подавленно молчали. Вокруг расстипался чужой мир, светило чужое солнце, нас окружала чужая жизнь. Мы все думали об Ашкенази. Чем мы могли помочь ему? Да и нуждался ли он в нашей помощи?

КАССИДА. ПОПЫТКА ДЕЙСТВИЯ

Стая вылетела.

Из черного зева пещеры взметались в небо серебристые стремительные тела.

— Он идет последним! — крикнул Зеньковский.

— Восемь... девять... — невозмутимо считал Строгов.

— Есть! — крикнули от лидера.

Мгновенно вспыхнули мощные прожекторы, высвечивая вылетающую из пещеры птицу. Окутанная невидимым силовым полем, птица рухнула на скалы. Лебедь лежал, широко раскинув короткие крылья, и был похож на стремительный летательный аппарат. С левой стороны упавшего Лебедя кто-то зашевелился.

— Прыгун? — спросил кто-то рядом со Строговым.

— Ашкенази, — отозвался Зеньковский, опуская бинокль.

Да, рядом с Лебедем стоял Ашкенази. В бинокль было видно его отекшее багровое лицо, искаженное болезненной судорогой. Ашкенази был гол. От лысого черепа отходили темные эластичные трубки или сосуды, скрывающиеся в теле Лебедя.

Ашкенази сделал несколько неуверенных шагов, вытягивая перед собой руки, он был похож в эти мгновения на слепого. Послышалось уже знакомое Строгову басовитое гудение. Между ладонями вытянутых рук Ашкенази появилось едва заметное багровое свечение, изредка разрываемое маленькими юркими молниями. Ловчая сеть силового поля прижимала его к земле, но

Ашкенази выпрямился, и из рук его в стоящий в роще лидер ударила длинная ветвистая молния. У машины кто-то закричал. На месте лидера полыхнуло пламя пожара. Силовой ловушки больше не существовало, ведь она питалась от установки лидера.

Мгновение Строгов разглядывал бушующее пламя. Когда он взглянул туда, где лежал упавший Лебедь, Ашкенази рядом с птицей не было. Лебедь стремительно рванулся вперед, раскидывая крылья, и оторвался от земли.

— Ушел, — хрипло и расстроенно сказал Зеньковский.

— Натворил он нам бед, — отозвался Строгов, глядя на пылающую машину.

Секунду спустя они уже бежали к роще, где у горящих обломков машины тревожно перекликались люди.

КАССИДА. ПОДГОТОВКА К ЭВАКУАЦИИ

Работы были прекращены повсеместно. Пролетая над поселками, Строгов видел замершие механизмы, опустевшие дома, замершие эскалаторы шахт. Шел демонтаж оборудования. Люди работали деловито, но без особого азарта. Это чувствовалось сразу.

Не обошлось и без столкновений. Прибыв на рудник — фабрику удобрений, Строгов увидел, что комплекс продолжает работать. Директора комплекса Строгов нашел на рабочем месте.

— Почему не прекращаете работы? — гневно обругался Строгов на директора.

— А почему мы должны их прекращать? — отозвался тот, поворачиваясь от селектора к инспектору.

— Совет ООН принял решение прекратить хозяйственную деятельность на Кассиде!

— Знаю! — хмуро сказал директор. — А вы знаете, что наш комплекс дает сто тонн удобрений в час? Вы знаете, что мы снабжаем удобрениями половину планет Федерации? С прекращением работ ставится под вопрос будущий урожай Федерации. Это разумно?

— Вам известно, что на планете обнаружены разумные существа?

Директор пожал плечами.

— Ну и что? Наша деятельность не угрожает их существованию. Комплексу уже восемь лет. За это время Лебеди ни разу не появлялись в нашем районе.

— Кассида — не колония, — жестко проговорил Строгов. — Это их родина, и мы должны блюсти интересы хозяев.

— Прекрасно, — сказал директор. — Мы берем свое. А они пусть себе живут.

— Мы не колонизаторы, — возразил инспектор. — Земля не может жить за счет других. Вы грабите чужую жизнь!

Директор строптиво пожал плечами.

— Я отстраняю вас от работы, — вскипел инспектор. — Соберите администрацию!

— А я ею уже не командую, — насмешливо сказал директор. — Вы меня отстранили.

Строгов подсел к селектору.

— Администрации комплекса немедленно собраться в кабинете директора, — объявил он. — Повторяю: администрации комплекса немедленно собраться в кабинете директора!

Директор комплекса хмуро смотрел на него.

— Вы рубите сук, на котором мы все сидим, — тихо сказал директор.

— Может быть, — отозвался Строгов. — Но я твердо убежден, что нельзя рубить дерево, на котором живут другие.

КАССИДА. ОТКРЫТИЕ СПЕЙСЕРА ХУДОВА

Мацуоки стоял у окна. Зарево заката рвалось в комнату, бросая на лица зеленые отблески.

— Вот и все, — печально сказал японец. — Сто транспортников через три недели. Потом прибудут другие. Через два месяца Кассида опустеет.

— Не хочется улетать? — спросил Строгов.

— Я здесь с первой высадки, Антон, — сказал Мацуоки. — Срок достаточный и для того, чтобы привыкнуть, и для того, чтобы полюбить. Для меня Кассида нечто большее, чем очередная земная колония. На этой планете останется частица меня самого.

— Земля имеет больше двухсот колоний, — утешил инспектор. — Без работы не останетесь.

Японец покачал головой.

— Теперь я вернусь на Землю. Мне уже семьдесят два. В моем возрасте поздно затевать новое дело. Буду работать на рыбоплантациях. Буду смотреть на синие волны и на нормальные красные закаты... — Он неожиданно стукнул ребром ладони по столу.

— Черт бы их всех побрал! Откуда они взялись: Лебеди, Прыгуны и вся эта странная цивилизация, в которой нельзя ничего понять. Антон, я сомневаюсь, что контакт возможен. Они просто не пустят нас к себе. А мы будем к ним рваться, потому что иначе мы не можем. И будем терять людей, как потеряли Ашкенази. Мы для них просто фактор, угрожающий их существованию. Мы уходим. Все верно: мы обязаны покинуть чужую планету. Но все наши усилия — на ветер, миллионы рабочих человеко-часов — на ветер, наши мечты — на ветер! Потом окажется, что Симбиоты — тупиковая ветвь эволюции, что они вымирают не в результате нашего вмешательства, а вследствие неведомых пока природных факторов. И тогда все начнется сначала. Обязательно начнется! Федерация никогда так просто не откажется от Кассиды. И что тогда моя работа, Антон? Сизифов труд?

— Не стоит так пессимистично,— возразил Строгов.— Я понимаю вас, но все-таки...

— Мне семьдесят два,— горько сказал Мацуоки.— В этом возрасте заканчивают и подводят итоги, а не начинают.

— А Крон уже улетел на Землю. Похоже, что решение Совета ему не по душе.

— Он из третьей экспедиции,— сказал японец.— Тогда по случайности погибло три человека. Среди них была и жена Крона.

— Я не знал,— неловко сказал Строгов.

Наступившую тишину нарушил тонкий вызов таймера. Инспектор воспринял вызов с облегчением и увидел, что его вызывает Худов.

— Антон,— командир крейсера загадочно улыбался.— Есть новости. Мы ждем тебя на «Саматлоре».

— Мы? — поднял брови Строгов.

Худов отключился, не пожелав что-либо объяснить.

— Идите, Антон,— посоветовал Мацуоки.— У меня еще масса дел. А спейсер, как мне кажется, действительно подготовил вам сюрприз.

В дверях Строгов оглянулся. Маленький японец стоял у раскрытоого окна и молча смотрел в небо, по которому медленно и вальяжно плыли длинные льдинистые облака.

В зале собралась вся экспертная группа. Среди сидящих мощной фигурой выделялся Зеньковский.

Около него сидело несколько уконовцев. Строгов сел и осведомился:

— Это что — театр капитана Худова?

— Минуточку, — отозвался из аппаратной спейсер. — Чудес не бывает. Рано или поздно все объяснится. Это я вам обещаю, как грубый материалист.

— Желательно пораньше, — сварливо сказал Савельев, оправдывая прилепившееся к нему на Кассиде прозвище Дед.

Сумерки в зале сгостились. Появилось изображение рубки, и второй пилот, поднявшись навстречу Худову, торопливо пояснил:

— Десять минут назад локаторы крейсера засекли группу точечных объектов, идущих перпендикулярно плоскости эклиптики в сфере притяжения Теллура. По расчетам мы врежемся в эту группу через двадцать минут. Маневрировать поздно, а СВР для уничтожения объектов может быть применено только командиром или по его прямому указанию.

— Правильно, — одобрил Худов. — Происхождение объектов установили?

— Судя по всему, это группа метеоров.

— Замеры! — Худов плюхнулся в кресло. — Замеры делайте каждые пять минут, а по мере приближения сократите интервалы до минуты.

— Понял, Мастер! — молодцевато сказал второй пилот.

— Готовь первый замер, — приказал Худов.

Второй пилот издал изумленное восклицание. Сейчас было забавно наблюдать за выражением его лица.

— Что там у тебя? — голос капитана Худова был недовольным.

— Ерунда какая-то, — отозвался второй пилот. — Угроза столкновения миновала. Объекты изменили направление полета.

— Считать надо было лучше!

— Но ведь угроза-то была? — возразил второй пилот. — Смотри, два тридцать одна собственного времени. По курсу с отклонением до двух тысячных группа из семи объектов, следующих перпендикулярно плоскости планетной эклиптики... Предполагаемые размеры... Возможность маневрирования... Все правильно!

— Что правильно? — раздраженно спросил Худов.

— Должны были столкнуться.

— Должны, а не столкнулись! Лично меня это радует, а не огорчает. Съемку вели?

— Конечно.

— Материалы — на обработку, — приказал командир крейсера.

Экран погас. Присутствующие недоуменно переглядывались.

— Кажется, оператора пора бить, — сказал Зеньковский.

— Минуточку, — тут же отозвался из аппаратной Худов. — Белочку вы получили, а сейчас будет вам и свисток.

В зале стало совсем темно, и людей окружили яркие, не замутненные атмосферой звезды. Внизу, где-то под ногами, зеленовато светился диск Теллура. Перед сидящими в зале вспыхнуло семь слабых звездочек. Звездочки начали стремительно расти и вскоре превратились в усеченные серебристые конусы.

— Даю максимальное увеличение, — несколько торжественно сказал Худов.

Серебристый усеченный конус стал расти, и люди увидели коротко выдвинутые крылья и втянутую в туловище голову с оранжевым глазом на темени.

— Лебеди! — изумленно выкрикнул кто-то из сидящих в зале.

Изображение застыло.

— Лебеди, — довольно согласился командир крейсера «Саматлор».

**КАССИДА. ВАГИЗ ВАСИЛЬЕВИЧ КЛИМОВ,
СОТРУДНИК ЛУННОГО ЦЕНТРА
КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮНЕСКО**

Все мы были ошеломлены.

Лебеди в глубоком космосе! Это было неожиданностью.

— Какая скорость? — спросил Зеньковский.

— Десятая световой, — не без удовольствия сообщил Худов. — Но и это еще не все. Локационная станция сопровождала объекты до границ визирования. На тридцатой минуте наблюдения Лебеди резко увеличили скорость полета до восьми десятых световой и нарушили континuum Пространство—Время, совершив Р-прокол.

Все молча переваривали услышанное.

Существа, способные перемещаться в варьируемом пространстве! Это ломало все наши представления о Симбиотах. Мы взялись за изучение архивов стан-

ций Космонаблюдения. Неожиданно выяснилось удивительное: СКАНЫ зарегистрировали около семи тысяч Стей от семи до двадцати птиц в каждой. Разумеется, что птицами мы называли Лебедей по привычке. Удалось установить направление их полета. Стей двигались к скоплению Арка.

— Это не вымирание,— решительно сказал я.— Симбиоты покидают родную планету.

— Родную ли? — усомнился Строгов.

— Вы думаете иначе?

— Факты убеждают. Кассида открыта в 2264 году. Колонизация ее начата в 2278-м. За этот период не было отмечено ни одного поселения Симбиотов. Первые гнездовья зарегистрированы лишь в 2292 году...

— Неизученная планета,— пожал плечами Зеньковский.

— Неизученная,— согласился инспектор.— Но и Прыгуны наблюдались на Кассиде лишь с 2292 года. Думаю, что Симбиоты прибыли на Кассиду позже землян и теперь, убедившись в том, что место занято, покидают планету.

— Вилами по воде,— насмешливо бросил невысокий плотный заместитель Зеньковского. Он обычно был молчалив, как тень, и я даже не сразу вспомнил его фамилию — Щуряк.

— Может быть,— сказал Строгов спокойно.— Мое предположение, что через два-три месяца на Кассиде не останется ни одного Симбиота. Они улетают.

— Вы полагаете, что контакт с ними невозможен?

— Это не я так полагаю, это Симбиоты так уже решили для себя.

— Кто? Прыгуны или Лебеди?

— Боюсь, что их межвидовые отношения навсегда останутся загадкой,— задумчиво сказал инспектор.

— А как же Ашкенази? — спросил Щуряк.

Все замолчали.

— Мы не можем бросить его в беде! — настойчиво продолжил заместитель Зеньковского.— Это предательство!

— Спасая Ашкенази, мы, скорее всего, его погубим,— негромко вступил в разговор Дебюсси.— И может быть, не только его. Альберт попытался вступить с Симбиотами в контакт и предпосылки к контакту создал умышленно жестоко. При этом он ошибся в расчетах. Он вошел в симбиотическое содружество, но контакта не произошло. Человек оказался вклю-

ченным в содружество ценой потери индивидуальности. Внешне он остается человеком, но нет главного — внутреннего содержания. Человека уже нет, есть единица симбиотического содружества. Спасая Ашкенази, мы, возможно, погубим всю симбиотическую группу. Он уже не человек, а часть качественно иного разума...

— Это звучит спорно,— возразил Щуряк.— Я считаю, что мы обязаны ему помочь!

— Благими намерениями...— устало сказал Стров.— Работы по подготовке к эвакуации мы законсервируем. Надо сообщить об этом Большому Папе. Я думаю, это его обрадует. Поймите, Вацлав,— он повернулся к уконовцу.— Мы имеем дело с чужими. Мы должны быть осторожными в действиях. Достаточно того, что мы уже успели натворить.

Они вышли в коридор, и я слышал их удаляющиеся, но по-прежнему спорящие голоса.

Разумные Симбиоты! Я попытался представить себе организацию общей нервной системы содружества, и не смог этого сделать. Почему Симбиоты не заинтересовались таким природным явлением, как люди? А может быть, мы им не интересны? Может быть, они уже встречали похожих на нас и теперь считали нецелесообразным терять время на повторение пройденного?

Чем больше я думал о Симбиотах, тем меньше мне верилось в возможность контакта. Слишком велика была пропасть биологического и социологического отчуждения.

КАССИДА.

ПОПЫТКА ДЕЙСТВИЯ

— Идут,— сказал Сухорученко.

Щуряк молча кивнул, ощущая легкий нервный озноб.

— У меня такое чувство, что мы замышляем убийство! — сказал Сухорученко.

— Молчи,— хмуро сказал Щуряк, не желая признаваться, что и он ощущает нечто подобное.

Семь стремительных птиц неслись над ущельем.

Щуряк молча осмотрел разрядник.

— Ты уверен в правильности задуманного?— шепнул Сухорученко.

Щуряк не был в этом уверен. Но Ашкенази остался его другом, и Вацлав не мог бросить его на произвол судьбы.

Сухорученко впервые видел действия разрядника. Тонкая, причудливо изломанная молния на мгновение бело высветила мир. Лебеди промчались над ними, но последняя птица уже летела по инерции. Она шумно упала в кустарник, и две оставшиеся увеличили скорость, по крутой дуге вонзаясь в звездное небо.

Земляне, не сговариваясь, бросились к упавшему существу. Мертвый лебедь лежал среди изломанных кустов, и его немигающий оранжевый глаз укоризненно смотрел на землян.

Щуряк торопливо раздвигал пуховые мембранны, разыскивая Ашкенази.

— Помоги! — сдавленно сказал он.

Сухорученко помог уконовцу освободить Ашкенази. Тот был без сознания. На коричневой коже черепа светлели какие-то пятна. Они уложили бывшего руководителя Укона на заднее сиденье лидера, и Щуряк приказал Сухорученко садиться в машину. Тот расстременно обернулся в сторону мертвой птицы:

— А как же они? Они же еще живы!

— Без Лебедя они погибнут, — зло и неприязненно сказал Щуряк. — Без Лебедя они ничто. Животные, понимаешь? Садись в лидер! Мы должны думать об Альберте!

— Я попробую им помочь. Лети без меня! Я останусь!

— Идиот! — Щуряк потянулся к прозрачному колпаку лидера. — Чем ты им поможешь? Чем? Садись быстрее!

— Я остаюсь, — упрямо сказал Сухорученко и повернулся к лидеру спиной.

Машина с шуршанием ушла в небо.

Сухорученко проводил лидер взглядом и побежал к мертвому Лебедю. Прыгуны выбрались из своих кабинок и обессиленно лежали рядом с птицей. Через несколько минут Сухорученко понял, что помочь Прыгунам он не в силах. Он оставил их в кустарнике, выбрался к ручью, сел на валун и тоскливо уставился в звездное небо, как будто оттуда могла прийти помощь...

Щуряк вел лидер к ближайшему поселку. Оставалось около пяти минут лету, когда Ашкенази очнулся. Он лежал на заднем сиденье с открытыми глазами и молчал.

— Жив? — спросил Щуряк. — Ничего, сейчас я тебя сдам врачу, и все будет нормально.

Ашкенази молчал.

— Тебя вылечат, — уже для себя бодро сказал Щуряк. — Тебя обязательно вылечат. Мы с тобой еще поработаем, Алик!

Ашкенази остановившимся немигающим взглядом смотрел в звездное небо, заглядывающее под колпак лидера.

Под крылом показались огни поселка.

— Вот мы и дома, — сказал Щуряк, закладывая машину в посадочный вираж.

Ашкенази сел. Голое тело его сотрясалось.

— Успокойся, Альберт! — оставил управление лидером, Щуряк попытался уложить товарища на сиденье. — Все будет хорошо!

Ашкенази посмотрел ему в лицо, и от пустого мертвого взгляда Альберта уконовцу стало жутко. И тут Ашкенази сделал то, чего Щуряк от него никак не ожидал. Он встал. Прочнейший силиконовый колпак рассыпался окровавленными осколками, и в кабину ворвался стремительный злой ветер.

Машину занесло и начало опрокидывать. Щуряк попытался выровнять лидер, но под тяжелым ударом воздушной струи он потерял сознание. Перед тем, как упасть в темноту, Щуряк увидел голого Ашкенази, который держался окровавленными руками за острые края разломов и мертвенно пустыми глазами смотрел в звездное небо.

В этот вечер на лидер-площадке поселка дежурил Валерий Тимонин, тот самый пилот, что доставил когда-то Ашкенази на СКАН-10. Получив позывные лидера, он осветил посадочную полосу и пустил над площадкой информационный луч, ожидая посадки машины. Лидер вышел на посадочную прямую, потом неожиданно задрал нос, его занесло, и машина рухнула на площадку, опрокидываясь на колпак. Валерий выскочил из домика и бросился к лидеру. На мгновение ему показалось, что над колпаком лидера возвышается фигура голого человека.

КАССИДА. ПАРЯЩИЕ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

Орбитальный лидер шел к ближайшему СКАНу. Повторное нападение вызвало видимое волнение Симбиотов — они поднялись в ночь, чего ранее никогда не

делали. Над планетой носилась гигантская Стая, и никто не знал, как развернутся события после необдуманного поступка Щуряка. В земных поселениях была объявлена тревога.

В обсервационном зале СКАНа уже было много людей.

Строгов клял себя за то, что не предвидел и не предупредил действий Щуряка.

— После драки кулаками не машут! — хмуро сказал Савельев, угадывая душевное состояние руководителя.

Кассида была так близка, что просматривалась лишь ее часть. Планета была затянута облаками. На фоне облаков сверкали блестки. Это были Лебеди. Птицы шли над планетой, вытягиваясь в широкий расходящийся конус, в центре которого находился единственный Лебедь.

— Уходят! — сказал Зеньковский, тяжело опираясь на спинку кресла.

Строгов молча вглядывался в раскрывающуюся перед наблюдателями картину. Птиц становилось все больше. В основание конуса уже выстраивались сотни птиц.

— Уходят! — повторил Зеньковский. — И ничего нельзя сделать. Ничего! Их не остановить. Мы так и не поняли друг друга.

Гигантский конус бесчисленных звездочек уходил от планеты. Неожиданно Стая вспыхнула огромной хвостатой кометой, вызвав многоголосое изумление зала. Фантастическая комета исчезла так же стремительно, как и появилась: она сократилась до ослепительной звезды, от которой к Кассиде побежали радужные всплески, потом купол обсервационного зала стал белым от бушующего в миллионах километров от СКАНа пламени, а когда пламя исчезло, люди снова увидели равнодушные звезды. В черной пустоте безносой жуткой маской скалилось звездное скопление Арка, удаленное от системы Теллур на десять световых лет. Ниже скопления алела горошина Антареса. Звездам не было никакого дела до несбывшихся надежд землян.

Зеньковский встал, одернул куртку и вышел, не глядя на окружающих. Медленно приходили в себя остальные.

— Ушли, — сказал Строгов.

— Ушли, — согласился Мацуоки. — Великолепная картина, не правда ли, Антон?

— Здорово! — подтвердил молодой Наблюдатель. — Интересно, а сколько энергии они затратили на Р-прокол?

Наблюдателю никто не ответил.

Мацуоки встал.

— Начнем работу, — обыденно сказал он. — Надеюсь, что возражений не будет, Антон?

— Некому теперь возражать, — отозвался Строгов.

Некому... Величаво и равнодушно светили чужие звезды, под лучами чужого светила катилась под СКАНом чужая планета, и на мгновение Строгову стало неуютно и одиноко в этом чужом мире.

Он огляделся.

Рядом стояли товарищи, и чувство одиночества быстро прошло.

Часть третья. ВЕТВЬ РОДА

ЗЕМЛЯ, ОКРЕСТНОСТИ
ОЗЕРА ШАРАНХАЙ, 2308 г.

Озеро было гладким и розовым от зари. По воде разбегались круги от играющей у поверхности рыбы. Со всех сторон озеро окружал камыш. С левого берега к озеру молодой порослью птичья мелочь, а над играющей рыбой медленно парил зоркий орлан-белохвост.

Саркисов присел, опуская ладони в теплую воду. Испуганная краснoperка серебряно скользнула в безопасное скопище колючих водорослей. Лесничий, улыбаясь, встал и увидел, что на середине озера плещется какое-то крупное существо. Он огляделся. Щебетание птиц в лесу было по-прежнему безмятежным. Проломов в камыше не было, и это свидетельствовало о том, что существо либо всплыло из глубины озера, либо спустилось на воду с воздуха.

Саркисов потянулся к биноклю. Автомат дал необходимое увеличение, позволяя лесничему рассмотреть плывущее существо. Оно напоминало осьминога. Розовая окраска выделяла существо в зеленоватой воде. От вытянутых щупалец существо тянулись маленькие бурунчики. Продолжая наблюдать, Саркисов нащупал пальцами кнопку и включил запись.

Осьминог в пресноводном озере был так же невероятен, как лягушка, летящая в небе.

Существо распласталось на зеленоватом зеркале воды, лениво разбросав длинные щупальца, цепляя ими глянцевые листья кувшинок, среди которых темнели кулачки бутонов.

Понежившись на поверхности воды, существо без всплеска ушло на глубину. Саркисов поверх бинокля обшаривал взглядом озеро, боясь пропустить момент всплытия загадочного пловца. Ему нестерпимо хотелось просмотреть запись и убедиться, что это не галлюцинация, но в это время вода в озере шумно колыхнулась, точно в центре озера бесновалась огромная щука, в фонтане брызг взметнулась в воздух розовая туша и начала медленно набирать высоту. Саркисов прильнул к биноклю, наблюдая за странным существом. Существо поднималось все выше, и бинокль пощелкивал, меняя фокусировку, а потом лесничий увидел яркую вспышку, прикрыл инстинктивно глаза, а когда открыл их, небо было пусто, если не считать орлана, тащившего в гнездо большую рыбину, да робкой, запоздавшей погаснуть звезды.

Саркисов включил запись, и на экране заплясало озеро. Он снова увидел резвящееся в воде существо и облегченно вздохнул — значит, ему не померещилось!

Лесничий вызвал биолога регионального лесничества. Невежливо в такую рань было будить Гофмана, но Саркисов решил, что, увидев запись, Гофман его простит.

Только в первую минуту лицо Курта выражало недовольство. Запись, продемонстрированная биологу, окончательно согнала с того сонливость.

— Где это? — нетерпеливо спросил Гофман.

— На Шаранхае.

— Давно?

— Только что.

Как и все работники регионального лесничества, Саркисов привык к лаконичности биолога.

— Вызову флаер, — сказал Курт и отключился.

КАРАТ,
ОРБИТА СПЕЙСРЕЙДЕРА УРАЛ.

Появление спейсрейдера в тардиомире всегда впечатляет. На месте пространственного пролома вспыхивает четырехлепестной цветок огня. Лепестки пламени прозрачно переливаются, в то время как на месте

появления корабля зреет ослепительная алая горошина, из которой рождается спейсрайдер. С его появлением пламя гаснет, корабль окружает пустота, и лишь приборы еще продолжают фиксировать возмущения мировых линий. Кто-то из земных пространственников азиатского происхождения поэтично назвал выход спейсрайдера в тардиопространство рождением Лотоса, несущего на себе Будду.

Раскрывающийся в пространстве корабль был приписан к Земле и назывался «Урал». Единственным членом экипажа корабля был пилот из первого поколения пространственников, долгое время ходивший с экспедициями по Галактическому Рукаву, но с возрастом перешедший на межзвездные перевозки в Хозяйственный КосмоФлот Федерации. Для молодых пилотов имя спейсера Худова отождествлялось с Дальней Разведкой, и в астрофольклоре капитану отводилось немалое место.

Худов был холост, и какой-то остряк пустил в космический обиход историю, по которой капитан дал обет безбрачия группе иногалактических шантажистов, которая подстерегла Худова на необитаемой планете и потребовала от него строгого соблюдения холостяцкого статуса, опасаясь, что неугомонные потомки капитана доберутся до их родной планеты. Разумеется, бравый капитан ответил категорическим отказом. Тогда иногалактиане представили ему невесту с условием жениться немедленно или отказаться от семейной жизни навсегда. Увидев невесту, Худов, согласно рассказанной легенде, побледнел и обеими руками проголосовал за холостяцкую жизнь. Наблюдателем за соблюдением капитаном обета безбрачия коварные иногалактиане оставили отвергнутую невесту. Поэтому спейсер Худов так внимательно вглядывается в каждого незнакомого человека, а от женщин панически бежит.

Рассказывали, что однажды Худову пришлось доставить на Миранду тамошнюю певицу, возвращавшуюся с земных гастролей. Присутствие женщины на корабле так подействовало на старого холостяка, что корабль опустился на Миранду на день раньше своего старта с Земли.

Впрочем, все эти легенды не лишили капитана его придирчивости и требовательности, о которых тоже гуляли фантастические истории. За недолгую преподавательскую деятельность в Школе Спейсеров капитан

завалил на экзаменах и зачетах не одного будущего космического волка и за свою излишнюю, по мнению курсантов, строгость получил прозвище Горбушка. Давший прозвище курсант остался неизвестным, но прозвище прижилось и сопровождало Худова во всех его звездных странствиях.

«Урал» доставлял на планету Карат оборудование, заказанное каратианами у Земного института генетических исследований.

Экспансия человечества в Звездный Мир шла полным ходом. За столетие им были освоены звездные системы в радиусе семидесяти световых лет от Солнечной системы. В этом секторе пространства нашлось ровно сто планет, пригодных для заселения их человечеством. Еще семьдесят планет вошли в Хозяйственный Реестр Федерации, давая людям все необходимое для расширения внеземной деятельности.

Карат был лидер-планетой. Здесь рождались самые парадоксальные идеи и гипотезы современности. На Карате была исследована инерционная невесомость, дано объяснение временным смещениям в зонах вращающегося пространства. Именно специалисты Караты разработали теорию императивных изменений, которая позволила существенно удлинить продолжительность человеческой жизни. Карат дал обоснование основных аспектов теории полипрогресса общества при сохранении общего вектора движения всех структурных единиц.

Худов никогда не был на Карате. Он с интересом наблюдал, как на обзорные экраны медленно вползает молочный серп приближающейся планеты. Автоматы рассчитывали траекторию вывода спейсрейдера на орбиту, и Худов ощущал себя посторонним на корабле.

Земля колоний не имела. Каждая из ста обитаемых планет входила в Федерацию и имела равный голос в Совете. Численность человечества к тому времени составила тридцать пять миллиардов, из них лишь семнадцать проживало на планетах Солнечной системы. Остальных принял галактический мир.

За три сотни лет исследований космоса человечество не было избаловано встречами с иноразумом. Федерация открыла две негуманоидные цивилизации на Бетарде и Амфитере, полуразумный мир дельфоидов Нереиды, столкнулось с непостижимыми Симбиотами на Кассиде, но нигде люди не обнаружили равных им в технологическом отношении партнеров.

Каждый виток человеческого пути по спирали технологического развития становился все короче, а движение — стремительнее. Человечество начало новое расслоение, но уже не по вертикали, а по горизонтали — род человеческий, словно плодоносящее дерево, дал жизнь сотням ростков, родственных человечеству, но отличающихся от него на фактор самостоятельности развития. Заселенные миры обзаводились собственной историей, своими гениями, одновременно еще составляя целостный организм галактического содружества.

Звездная экспансия началась с середины двадцать третьего века, после экспериментального подтверждения Целлариусом реальности тахиопространства. Астероид Икар, в свое время немало попугавший жителей Земли, послужил базой для решающего опыта. Вброшенный в тахиомир, он позволил освобожденной при этом энергии пробить скважину к центру Луны, способствовал обретению Марсом кислородоактивной атмосферы и переводу Ганимеда на земную орбиту.

Через пять лет после эксперимента с Икаром стартовал первый спейсрейдер, который благополучно возвратился в тардиомир, потеряв при этом десять процентов собственной массы. Через два года после его полета спейсрейдер-два благополучно совершил полет Солнечной системы в тахиомире, завершив свой полет на базе «Плутон-10». С этого полета начался отсчет новой истории человечества. Люди вышли в Галактический мир. Вначале они были похожи на любопытных детей, радующихся новым впечатлениям.

Открытия следовали одно за другим.

Купол безводной Эноны.

Золотая планета.

Синий Шар Альбиона.

Внешнее кольцо шарового скопления Леборна.

Последнее потрясло воображение. Гигантское образование, противореча всем физическим законам и самому здравому смыслу, опоясывало звездное скопление. Кольцо было открыто экспедицией, в которой участвовал Худов. В обиходе его начали называть бубликом Худова, и это название, как часто такое бывает, прижилось в серьезных трудах и монографиях. Какой-то безымянный курсант на экзамене в Школе Спейсеров заметил, «бублик обессмертил Горбушку, потому что оба они созданы из мук».

Изучая Кольцо, люди столкнулись с необычайными природными явлениями. Над кольцом возникали ги-

гантские шаровые молнии, способные догнать космобот, несущийся над поверхностью кольца со скоростью десяти тысяч километров в секунду; в некоторых районах Кольца обнаруживались сверхмощные аномалии электромагнитных и гравитационных полей, области свергнутого пространства, временные воронки, где путались настояще, прошлое и будущее, нарушались причинные связи; на поверхности Кольца регистрировались чудовищные потенциалы, способные при разряде погасить близлежащие к Кольцу звезды, но странным образом удерживающиеся среди скал, которыми оно щетинилось.

Высадка на Кольцо оказалась сопряженной с огромными техническими трудностями. Совет Федерации отказался от всех существовавших в то время проектов освоения Кольца. Ни один проект не гарантировал главного — безопасности людей.

Где-то там, за Кольцом, в звездном скоплении Леборна, потерялся след Симбиотов — самых фантастических существ, с которыми когда-либо сталкивалось человечество.

ЗЕМЛЯ, ОКРЕСТНОСТИ ОЗЕРА ШАРАНХАЙ

Флаер Гофмана Саркисов увидел издалека.

Сам Гофман уже возился у воды, отбирая пробы заборником, который, повинувшись биологу, то погружался на глубину, то поднимался к самой поверхности.

Курт Гофман был флегматиком. Это про Гофмана утверждали, что исчезновение всего населения Земли не вызвало бы у него потрясения, он бы просто начал методично исследовать сей феномен, чтобы найти причины случившегося. Раздражительная Рита Янжинска однажды заметила, что Гофману не надо смотреться в зеркало, чтобы увидеть себя, достаточно видеть панели Регионального Компьютера — они довольно точно отражают сущность биолога. Правда, злые языки утверждали, что Рита была неравнодушна к Курту и сделала подобное заявление, лишь убедившись в своей неспособности расшевелить биолога до появления в нем интереса к семейной жизни.

— Что-нибудь нашел? — спросил Саркисов, присаживаясь рядом с биологом.

— Кое-что. — Гофман просмотрел на свет мутную от взвеси пробирку с пробой воды, сунул ее в футляр.

Гофман углубился в созерцание строчек, бегущих по

дисплею анализатора. Саркисов терпеливо ждал. Гофман почесал белобрысый затылок.

— Ерунда какая-то. Или анализатор испортился, или в озере не осталось ничего живого. Не вода, а дистиллат какой-то!

Они посидели молча. Около берега белела брюхом лягушка. Саркисов бросил в нее кусочком земли. Против обыкновения лягушка не ушла под воду. Она была мертва.

Что Региональный Компьютер? — спросил Гофман.

— Я не интересовался, — сказал лесничий. — Я человек простой и не хочу, чтобы надо мной смеялись, предлагая мне впоследствии летающего крокодила или глубоководного жирафа.

— Из космоса, — неожиданно сказал Гофман.

Саркисов недоуменно взглянул на биолога.

— На земле летающих многоруких нет, — объяснил тот. — Значит, это существо пришло из космоса.

— Ты считаешь? — спросил Саркисов.

— Другого объяснения нет, — равнодушно сказал Гофман.

Они еще не знали, что человечество ожидает день, полный невероятных, фантастических событий.

ОКРЕСТНОСТИ КАРАТА.

ОРБИТА СПЕЙСРЕЙДЕРА «УРАЛ»

Планета висела в пространстве, сияя опаловой чистотой. Прекрасное зрелище открывалось человеческим глазам!

Дышащая облачными боками планета медленно проплывала под кораблем. Худов сообщил координаты корабля диспетчеру Карата. Он проверил исправность причальных площадок и грузовых лифтов, направил в трюмы разгрузочные автоматы и ждал.

— За грузом скоро прибудут, — сообщил ему тягучий металлический голос.

Ожидание было привычным. Оно сопровождало спейсера Худова всю его звездную жизнь. Вот так он часами ждал возвращения десантных групп Дальней Разведки у исследуемых планет, а позже, работая уже в Хозяйственном Флоте, ожидал разгрузки корабля у планет Хозяйственного Реестра.

Всегда его окружали звезды и пустота.

От планеты медленно отделилась и зависла в пространстве серебристая цепочка. В первые мгновения

Худов не поверил собственным глазам: от опалового диска планеты к кораблю приближалась группа странных существ, напоминающих людей, но чисто карикатурно. Существа отличались конической формой тела. Худов видел цепочки немигающих глаз в верхней части конусов. Существа медленно опускались на причальные площадки.

— Вы нас слышите, капитан? — Тягучий голос привел его в себя.

— Слышу. — Худов не мог оторвать взгляд от экрана.

— Откройте люки, мы возьмем груз.

«Роботы! — облегченно вздохнул спейсер. — Роботы каратиан. Пора тебе, Горбушка, на отдых, если в роботах каратиан тебе стали мерещиться инопланетяне!»

Сервомоторы медленно раздвинули люки трюмов.

Худов связался с диспетчером.

— Слушайте, — спросил он. — Ваши роботы мне ничего не повредят?

— Можете не волноваться, — успокоил все тот же лишенный интонаций голос. — У вас на корабле нет роботов. Только люди.

Худов весело хмыкнул, но тут смысл сказанного дошел до капитана, и он снова уставился на экран. Существа плавно отрывались от корабля, унося к планете многотонные контейнеры с грузом. «Разыгрывают! — подумал Худов. — Наверняка среди диспетчеров есть выпускник Школы, желающий отыграться за экзаменационные неудачи. Ладно, ребятки, повода для новых анекдотов я вам не дам!»

— Диспетчерская, — бодро гаркнул он. — Дайте координаты для посадки на планету! Хочется пару дней отдохнуть перед возвращением.

— Боюсь, что вам будет у нас неинтересно, — тягуче и неожиданно отозвался диспетчер. — У нас довольно скучно. Лучше вам сразу возвратиться домой.

— У меня тахидар пошаливает, — скучавил Худов. — На последнем скачке разброс оказался слишком большим. Хочу побывать на Карате, пока ваши специалисты посмотрят, в чем дело.

— Специалистов мы вам пришлем, — отозвался диспетчер. — А что касается прогулок по планете... Право, у нас вам не понравится.

Его гнали! Это уже не лезло ни в какие ворота! Худов не сдержался.

— Вы не преувеличиваете свою проницатель-

ность? — раздраженно спросил он.— Я и сам могу решить, что мне понравится, а что не понравится. Или мне просто отказывают в высадке?

— Зачем? — Голос диспетчера по-прежнему был ровен и спокоен.— У нас нет причин для отказа. Просто у нас действительно скучновато. Моя обязанность честно предупредить вас об этом, капитан Худов.

Ага, его здесь все-таки знали! Худов почувствовал злорадство. Он не ошибся, полагая, что в диспетчерской сидит кто-то из насмешников Школы Спейсеров. Он усмехнулся, довольный собственной проницательностью.

— И все-таки, дайте мне посадочные координаты,— попросил Худов.

ЗЕМЛЯ. ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

Всем планетам Федерации Обитаемых миров!

Всем Советам планет Хозяйственного Реестра!

Всем командирам рейсовых пассажирских и грузовых кораблей Космофлота Федерации, руководителям исследовательских экспедиций Форпостов!

18 июня 2308 года на Земле зарегистрированы контакты жителей планеты с неизвестными существами.

Лесничим регионального лесничества Саркисовым произведена голографическая запись существа, плавающего в озере Шаранхай. Исследовавший озеро биолог того же лесничества К. Гофман установил, что озеро неизвестным способом подвергнуто полной стерилизации.

В городе Бонн оператор коммунального хозяйства И. Сумана наблюдал аналогичное существо на балконе квартиры 34 дома 19 микрорайона 1237. В указанной квартире проживает Ж. Ран с девятилетним сыном. В момент наблюдения Ж. Ран в квартире отсутствовала, ее девятилетний сын ничего не заметил.

В этот же день экипажем рейсового авиастрата 4 ДИМ наблюдалась группа существ на высоте 1500 метров над Атлантикой. Командиром авиастрата Дж. Киттом произведена голографическая запись полета существ.

Аналогичные сообщения поступили из Парижа, Брянска и Канзас-сити. Существа наблюдались океанографической экспедицией на глубинах до 200 метров в районе Большого Барьерного Рифа.

По суммированной информации БЦИ на Земле зарегистрировано более 200 контактов с неизвестными существами, численность которых достигает трехсот-четырехсот особей. Во всех случаях существа избегали прямых контактов с людьми.

Экипажем рейсового корабля «Марс-Р54» наблюдалась группа существ, совершающих полет в космическом пространстве с вектором движения на звезду 61 Лебедя. Способ передвижения существ аналогичен способу, который использовался Симбиотами, наблюдавшимися в 2294 году в системе звезды Теллур. После совершения существами пространственного прокола наблюдение за ними стало невозможным.

Учитывая, что в силу своих биологических особенностей существа могут представлять потенциальную угрозу для населения планет, кораблей, поисковых научных групп и форпостов, объявить повышенную готовность. Обо всех наблюдениях за существами немедленно сообщать в Совет Федерации по каналам пространственной связи. Запрещается применять против наблюдавших существ меры активного воздействия за исключением случаев, когда эти меры необходимы для защиты поселений Сообщества и людей.

К сведению специалистов: оперотделом Управления по контактам заведено дело разработки «Визит», для приобщения к которому надлежит в суточный срок направлять материалы, связанные с наблюдением за указанными выше существами.

Совет Федерации, 18 июня 2308 года, Земля.

КАРАТ. ГОРОД-ПОСЕЛЕНИЕ

Космобот, оставляя за собой длинный инверсионный след, вышел на неосвещенную сторону Карата. Ярким стремительным бolidом ракета разрезала тьму.

От обилия звезд ночное небо планеты было серым и на равнинах метались переплетающиеся бесформенные тени. В молоке неба льдинисто висел огромный острый серп луны.

Но ночь на Карате длится недолго.

С восходом красного Рубиона на планете начинается полный необычных превращений день. Голые стволы деревьев выбрасывают в небо тончайшие нити, образующие сложные переплетения. С восходом пронзительного белого Альбоса лопаются почки и к оранжевому небу

вытягиваются длинные и узкие зеленые листья. В полдень, когда диск Альбоса зрачком космического божества высвечивает на фоне гигантского Рубиона, наступает пора цветения. Под кронами плывущих в небе лесов вспыхивают голубые цветы, наполняя воздух дурманящими ароматами. Прямо на глазах огромные бутоны раскрываются в синие колокола, повисающие над переплетениями исполинской травы, в которой резвятся странные существа, напоминающие одновременно животных и насекомых.

Воздух планеты пропитан влагой. Травяные джунгли восстанавливаются необычайно быстро, и уже через несколько часов место случайного пожарища нельзя обнаружить даже внимательным осмотром. Среди травяных джунглей текут огромные реки, в глубинах которых прячутся невозможные по биологической сути существа. Мелководный океан насквозь прогревается лучами двух светил. Океан обеспечивает существование порожденной им жизни. По ночам океан вскипает, и тогда над сушей бушует гигантский фонтан, заменяющий планете дожди.

С наступлением ночи все живое на Карате впадает в спячку. С ветвей странных деревьев осыпается быстро чернеющая листва, расплетаются ветви, втягиваясь в бутылкообразные стволы. Лишенные листвы деревья напоминают торчащие из земли человеческие пальцы. Трава жухнет и становится хрупкой. Она свивается в ночные кольца, и в этих кольцах, словно в колыбельках, качаются странные обитатели травяных джунглей, окучлившиеся для ночной спячки.

Ракета опустилась вблизи леса. Она выжгла в траве огромную проплешину, но уже час спустя после посадки травяные джунгли приблизились к кораблю и первые гибкие побеги робко пытались оплести дюзы двигателей, погибая от ударов защитного поля.

В нескольких километрах от опустившейся ракеты под глянцевой общей кроной сотен деревьев высился Город каратиан...

...Худов шел галереями Города. Город был пуст.

В воздухе стоял незнакомый острый запах.

Капитану стало не по себе. Он направился в управление местного Совета. В кабинетах управления было пусто. На столах лежал слой пыли. На линейном аппарате пространственной связи горела лампочка, указывая, что до сих пор никем не истребовано полученное сообщение. Худов помедлил, потом подошел

к аппарату и через несколько секунд читал тревожные строки, бегущие по дисплею аппарата: «Всем планетам Федерации обитаемых миров...» С каждой новой строкой тревога капитана увеличивалась.

«Всем командирам рейсовых пассажирских и грузовых кораблей Космического флота Федерации!..»

КОЛЬЦО-21.

738-Й ЛОКАЛЬНЫЙ ДЕНЬ СТАНЦИИ

Со станции Кольцо казалось тусклой полоской, косо перечеркнувшей яркое скопление звезд.

Сообщение, полученное по каналам пространственной связи, всколыхнуло привычную обстановку на станции. Сеансы связи с Землей ждали с нетерпением и тревогой: сказывалась фраза о потенциальной опасности неизвестных существ для землян. Впрочем, беспокоились не все. Однажды Ульянцев оказался свидетелем разговора между фридмологом Хампердингом и экспрессором Новаком. Хампердинг был уроженцем Земли, в то время как Новак родился на Аль-Аре, удаленной от Солнечной системы на пятьдесят два световых года.

— А если это вторжение, Стасис? — спросил Хампердинг.

— Земля обладает достаточным потенциалом, чтобы его отразить, — отозвался альварец. — К тому же почему мы все должны заботиться о Земле? У каждого поселения хватает своих забот! Мы должны решать их самостоятельно.

— Но агрессия может оказаться опасной не только для Земли, а и для всех поселений!

— Брось, Хэд! Нас пытаются убедить, что без Федерации мы будем развиваться медленнее. Но идеи Галактического Содружества уже давно ничего не дают поселениям. Что мне в опыте Ллаланда или Карата? Без них мы как-нибудь обойдемся. Нам давно пора ориентироваться на собственные силы, а не уповать на всемогущую тетю Федерацию.

— Я с тобой не согласен, Стасис. Рассуждая так, поселения станут не просто чуждыми Содружеству, но и прямо противопоставят себя ему!

Конца разговора Ульянцев не слышал. Сейчас, сидя в кресле дежурного по базе, он размышлял над услышанным. В словах Новака был определенный резон, и все же его доводы Ульянцевым не воспринимались.

Обособленность поселений неизбежна, но и Содружество необходимо, как необходима планета-гарант; в противном случае человечество в Галактике быстро станет разобщенной кучкой обитаемых миров и тогда будет правильнее говорить не о человечестве, а о картианах, ллаландцах, салангах, гроссах, альварцах; человек кончится, дав потомство в виде новых цивилизаций.

Ульянцев машинально принял на посадку очередной автомат и повернулся к экрану. Звездное скопление смотрелось разноцветно пульсирующим шаром, перечеркнутым бугристой полоской Кольца. Даже не верилось, что эти бугорки являются горными грядами с пиками, достигающими высоты в двадцать километров. Ульянцев дал команду на увеличение изображения. Позднее он не мог объяснить, почему сделал это. Остается только верить в предчувствия, ведь со Станции заметить что-либо на Кольце невозможно. Он еще успел выпить стакан айолы и выпустить в полет очередной автомат, когда взгляд его рассеянно скользнул по обзорному экрану. На экране тускло светился участок Кольца с печально знаменитым пиком Бенинга, о кторый два года назад разбился космобот «Кунгур». И тут Ульянцев увидел то, что заставило его позабыть обо всем на свете: со стороны открытого космоса на Кольцо шла группа странных предметов серо-стального цвета. Ульянцев торопливо дал максимальное увеличение. Он не ошибся. Слишком долго и внимательно он изучал изображения, полученные по каналу пространственной связи. На Кольцо шли те самые существа, что так встревожили Совет Федерации.

В группе было несколько сотен существ, которые шли к Кольцу расширяющимся конусом.

Ульянцев дал сигнал общей тревоги, выключил маяки, задержал пуск уже подготовленного к вылету автомата, дал задание компьютеру Станции на наблюдение за существами, и только тогда позволил себе несколько расслабиться, ожидая, когда в рубке дежурного появятся поднятые сигналом тревоги люди.

КАРАТ. НЕУДАЧНИК ЛИ ЖАНИНЬ

Чужаки!

В сердце Худова клокотали ненависть и отчаяние. Худов мечтал добраться до спейсредера, чтобы показать этим тварям человеческое могущество. Капитан хотел одного: мстить!

Торопливо идя по коридору, он едва не столкнулся с серым существом. Существо не проявило к спейсеру никакого интереса. Худов поравнялся с ним и неожиданно ощутил на плече горячую цепкость щупальца. Ощущив внезапную гадливость, капитан «Урала» ударил по щупальцу. Рука заныла от удара, а существо, не обращая внимания на тщетные попытки Худова вырваться, уставилось на звездолетчика цепочкой красных немигающих глаз и тягуче произнесло:

— Здравствуй, Худов. Не ожидал тебя увидеть здесь.

Худов ошеломленно уставился на существо, потирая ноющую от удара кисть руки.

— Ты должен меня помнить,— прогудело существо.— Я Ли Жанинь, Худов.

Капитан хорошо помнил Ли. Тот был самым невезучим курсантом Школы Спейсеров. Однажды он проболтался на центрифуге при семикратном ускорении более тридцати минут из-за неисправности пульта, потом ухитрился поймать «звездную горячку», не покидая Земли, а в довершение ко всему потерялся на обжитой Луне, да так, что его искали четыре курса в полном составе, а нашел автомат-сelenограф, составляющий корки Сумеречного Пояса.

Но какое отношение к маленькому скуластому тайванцу имело это красноглазое конусное существо, цепко захватившее Худова сильным щупальцем?

— Вы боитесь меня, Худов? — догадалось существо.— Разве вы не знаете, что произошло на Карате?

— Нет,— признался капитан «Урала».

— И вы не хотите узнать? — все так же без интонаций сказало существо.

— Значит, все жители Карата стали такими, как вы?

Худов и каратианин стояли в парке.

— Почти все,— отозвался каратианин.— Остальные покинули Карат.

— Это убийство.

— Нет,— ответило существо.— Мы остаемся разумными существами, и перед нами стоят те же задачи, что и перед всем человечеством.

— Второму поколению интересы Федерации будут чужды,— задумчиво сказал Худов.

— Скажите, Ли,— Худов с трудом назвал каратианина так.— На Карате должен жить Строгов. Я помню

его по Кассиде. Он остался или улетел с несогласными?

— Он на Карате, Худов,— отозвался собеседник.— Более того, он в Городе, и вы можете с ним встретиться, если этого захотите.

КАРАТ. ГОТ, КОГО ЗОВУТ СТРОГОВ.

В полутемной комнате находилось несколько каратиан. Они располагались на мозаичном полу массивными пирамидками. Каратиане внимательно смотрели на прозрачный шар, установленный в центре комнаты.

Шар был заполнен бесцветной жидкостью, по которой бежали газовые пузырьки. Присоединенные к шару трубки, уходящие в потолок и стены, делали его похожим на странного полупрозрачного паука.

Жидкость в шаре вскипела, окрашиваясь в ярко-алый цвет. Сквозь нее бежали изумрудные и синие пузырьки. Алый цвет постепенно слабел, жидкость стала лимонно-желтой, и в ней плыли ало-красные объемы, газовые пузырьки стали черными, затем фиолетовыми, а жидкость неожиданно приобрела все оттенки солнечного спектра, и в центре шара вспыхнуло золотистое свечение. Наконец шар снова стал бесцветным, превращаясь в стеклянного паука, внутренности которого разрывали цепочки газовых пузырьков.

Каратиане начали медленно вырастать над полом.

Ли Жанинь безошибочно подплыл к одному из них. Худову каратиане казались обезличенно одинаковыми, и он не мог понять, как каратиане различают друг друга.

— Рай,— сказал его добровольный проводник.— Капитан хочет поговорить с тобой.

Приземистый конус каратианина развернулся к Худову.

— Рад тебя видеть, Алексей,— без выражения прогудело существо, и этот голос потряс капитана.

— Стrogов? — спейсер Худов неверяще уставился на серый конус.— Антон Стrogов?

Они стояли друг против друга и были непостижимо разными и чужими.

— Ты сомневаешься? — спросило существо.— Я могу многое напомнить тебе. Например, как ты паршиво играешь в шахматы.

Дышать стало трудно, и Худов закашлялся.

— Допустим,— сказал он горько.— Допустим, что

ты тот Строгов, которого я знал. Но если это так, нам не о чём говорить.

Худов осмотрелся и обнаружил, что в комнате они одни. Каратиане исчезли, и только бесцветный шар еще булькал в центре комнаты, исторгая из своих недр цепочки газовых пузырьков.

Каратианин терпеливо ждал.

— О чём нам говорить? — спросил капитан Худов.

КОЛЬЦО-21, 746-Й ЛОКАЛЬНЫЙ ДЕНЬ.

«ПСЕВДОКАЛЬМАРЫ»

— Сумасшедшие монстры! — пробормотал Ульянцев, глядя, как стайка «псевдокальмаров» идет над искрой вспыхнувшего над Кольцом разряда. — Их же испепелит!

— Похоже, что они знают это, — отозвался Хампердинг. — Их действия напоминают маневр.

Искра свивалась в жгут, который через мгновение превратился в многокилометровую шаровую молнию. Страшно было представить, какое количество энергии было законсервировано в этом шарике!

Вот уже неделю жители станции наблюдали за непонятной деятельностью «псевдокальмаров», как их метко окрестил Дан Войцеховский. На третий день пятидесятикилометровый сектор Кольца оброс гирляндами белых шаров, и к этим шарам с поверхности Кольца стали стекать электрические разряды; шары пухли, но продолжали существовать.

«Псевдокальмары», несомненно, знали о существовании Станции, но не обращали на нее внимания. Хампердинг предположил, что они наблюдают за космической деятельностью животных, а не разумных существ. Разумные существа уже давно попробовали бы исследовать Станцию. Ему возражали. Возможно, что существа в своей деятельности были ограничены жесткими сроками и им было некогда отвлекаться на незапланированные исследования. А может, у этих странных существ имелось разделение на Строителей и Исследователей, и на Кольце работали как раз Строители, лишенные познавательного любопытства. Отсутствием гипотез на Станции не страдали. Вот и сейчас, наблюдая, как «псевдокальмары» окружают полукругом матовую дрожащую сферу молнии, народ на гипотезы не скupился.

Накануне рабочий автомат Станции едва не столк-

нулся в открытом пространстве с «псевдокальмаром». Столкновения не произошло, и после его возвращения на Станцию было установлено, что автомат получил посторонний кодированный сигнал, заставивший его изменить маршрут. Со станции сигнал не поступал, и логичнее всего было предположить, что передан он был «псевдокальмаром». Однако из этой гипотезы вытекала способность монстров не только разбираться в земной технике, но и осуществлять управление ею.

Это привело в замешательство тех, кто полагал, что имеет дело с космическими животными. Программу поисков на Кольце свернули, и все ожидали прибытия комиссии управления по контактам.

Между тем непонятное строительство на Кольце продолжалось. Сектор оброс шарами, и все сооружение напоминало старинную модель сложной молекулы.

— Похоже на пчелиную соту, — сказал Хампердинг, разглядывая сооружение «псевдокальмаров».

— Может, это и есть соты, — рассудительно сказал Адыл Назарбеков. — А вместо меда в них скапливается энергия, собираемая с Кольца.

В конце дня наблюдений у «псевдокальмаров» на строительстве произошла авария. Из одного шара вырвался столб пламени, и шар начал таять, словно рафинад в кипятке. На его месте образовался мощный разряд, обратившийся шаровой молнией, с которой мужественно боролись «псевдокальмары». Место аварии затянула мутная пелена, а когда она рассеялась, шарового разряда не было, восстановленный шар начал медленно догонять в размерах своих собратьев.

— Вытянули! — радостно сказал Хампердинг и горделиво оглядел сидящих в зале товарищей.

Этот взглас помог всем осознать, что за время наблюдений за ведущимся «псевдокальмарами» строительством оно стало небезразлично экипажу Станции, хотя и продолжало оставаться загадочным.

КАРАТ. ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ

— И тебя никогда не мучили сомнения, Антон?

— Сомнения? Нет. Очень трудно забыть прошлое. Молодым легче, они быстрее привыкают к своему новому состоянию. Последующим поколениям каратиан будет еще легче. У них появятся свои жизненные задачи.

— Вы чувствуете себя основателями? — спросил Худов.

Строгов в раздумье помолчал.

— Пожалуй, пионерами. Основателями станут те, кто начнет закладывать кирпичики нового. Нам же предстоит лишь разрушить старое.

— А женщины?

— Ты прав. Им все это дается значительно труднее. Особенно наши изменения.

Худов и каратианин находились на открытой площадке Города. Над травяными джунглями неслись фантастические черные бабочки жухнувших листьев. Альбос уже закатился, но над горизонтом гигантским полукругом рдел Рубион. В багровом закате по травяной равнине тянулись гигантские дрожащие тени. Мир готовился к ночной спячке. Рядом с Городом на каменистую поверхность планеты вытекала из джунглей река, еще несущая свои воды к Океану. Над рекой кружили причудливые существа, похожие на плоские диски, в центре которых угадывались хрупкие тельца. Края дисков были полупрозрачны, и в них розово светились кровеносные сосуды. Окончив полет, существа по пологой траектории устремлялись к воде, но не сразу уходили на глубину, а некоторое время скользили по поверхности, словно камешки, пущенные умелой рукой.

— Антон! Ты меня слышишь?

Серое существо заметно дрогнуло.

— Говори тише, — сказал Строгов. — Никогда не подозревал, что у тебя такой визгливый голос.

Худов смотрел на каратианина с неприкрытой душевной болью. Эта серая равнодушная туша ничем не напоминала знакомого и близкого ему человека.

— Вы ошибаетесь, — сказал Худов. — Это не новый путь. Это тупик.

— Почему-то решили раз и навсегда, что единственный путь освоения Вселенной — это подгонять звездные миры под человека. Вам не надоело? — прогудел каратианин. — Со временем переустройства Венеры человечество превращает миры в более или менее точные подобия Земли. Глупо. Ведь в результате теряется фантастическая возможность жить в другом мире. Мы решили приспосабливать под Вселенную человека. Это значительно проще и эффективней.

Медленно гас закат. В сером небе висел огромный льдинистый месяц Райана. Фигура каратианина обри-

совалась на фоне заката черным слепым пятном.

— Проще? — Худов обернулся к собеседнику. —

Все правильно. Можно приспособливать к человеку миры, можно приспособить к мирам человека. Но не меняется ли при этом сам человек? Он теряет связь с создавшим его обществом. Вы перерезаете ту пуповину, что питает вас материнскими соками. Вы теряете способность видеть мир человеческими глазами, и вашим потомкам станет чужда вся человеческая культура... Послушай, можно ли здесь включить свет?

— Я прекрасно вижу тебя в темноте, — сообщил каратианин.

— У меня впечатление, что я разговариваю с инопланетянином.

— И ты почти прав, — отозвался Строгов. — Перед тобой уже не землянин, не житель дальнего форпоста человечества. Я — каратианин, плоть от плоти своей планеты, ее производное.

— Меня это не слишком впечатляет, — раздраженно сказал Худов.

— Земле придется привыкать к этому.

— Вы нарушили единство, — сказал Худов.

— О каком единстве ты говоришь?

— О единстве вида. — Худов вздохнул. — Только не говори, что для тебя это уже пустой звук.

Зеленая полоска на горизонте исчезла, и закат стал совсем земным, если бы не огромный месяц Райана, косо повисший над засыпающей планетой.

— Поселения становятся все более самостоятельными, — каратианин словно размышлял вслух. — Земля уже не является основным культурным центром Федерации. Разве уже сейчас не наблюдаются различия в развитии поселений? Ты забываешь о факторах, влияющих на технологическое развитие. А ведь эти факторы в конечном счете определяют экономические и культурные различия. Вспомни пески Аль-Ары. Жители ее привыкли к своим пескоходам, неподвижные пески Земли вызывают у них недоумение и даже страх. А репликаторы произвели настоящую революцию почти на всех планетах Федерации, ликвидировав привычное сельское хозяйство. Земля не приняла многоного из того, что является неотъемлемой частью общественной жизни на Авроре и Пилигриме. В результате мы имеем существенные различия в развитии этих планет. На Земле лишь единицы слышали о Лемерье. А он основатель фантоматики, на которой зиждется искусство

целой планеты. А на Ллаланде фантоматика используется для украшения жилищ, городов, создания чисто условных пейзажей. В результате — опять раздельность общественного развития. С каждым годом отли-чия будут весомее.

Человечество земное породило человечество гала-ктическое.

Да, наши потомки не будут вздыхать перед полотна-ми земных мастеров, не будут радоваться и тосковать, читая стихи земных авторов. Ну и что? У них будет своя культура, свои гении и пророки, свои понятия о красоте, о добре и зле... Но они ведь будут, эти понятия!

На террасе вспыхнул свет, и Худов торопливо отвел взгляд в сторону.

— Не нравится? — спросил каратианин. — Между тем мои возможности в десятки раз больше твоих. Я могу, например, летать, менять метаболизм своего организма, а следовательно — жить в условиях, не пригодных для человека. Я могу перемещаться в открытом космосе, могу жить там, где человек поселился не смеет. Даже разрешающие способности моего мозга на несколько порядков выше, чем у тебя. Так кто же из нас пострадавший?

— Но почему именно этот вид? — не выдержал Худов. — Разве перестройка была невозможна без со-хранения человеческого облика?

— Генетические изменения, — пояснил Стrogов. — Возможно, что в дальнейшем их удастся избежать.

— Зачем же было спешить?

— Цель была слишком заманчивой, чтобы остановиться на полдороге. Мы решили начать освоение Кольца. Одним трудно, мы нашли Симбиотов и ведем с ними переговоры.

— Какой же вы представляете себе жизнь на Кольце?

— Разве земляне предполагали, какой будет их жизнь на Кассиде, Аль-Аре или Карапе? — вопросом на вопрос ответил каратианин.

Они опять замолчали.

— И все-таки, откуда у вас именно такой вид?

— Мы использовали для генетической перестройки клетки Лебедя, убитого на Кассиде. Ты еще не забыл всю эту историю?

— Помню, — подтвердил Худов.

— А в результате появились такие монстры, как мы, — закончил каратианин.

— И ты действительно не испытываешь сожалений?

— Нет,— сказал Строгов коротко.— Я уже говорил, что трудно избавиться от вчерашних привычек. Хочешь почистить зубы и не сразу вспоминаешь, что тебе уже нечего чистить. Крепко в нас все-таки это сидит, а?

— Вы осознаете свое положение в сообществе?

— Мы все взвесили, Алексей. Мы — в начале нового витка. Должен ведь кто-то начать!

— Виток? — Худов грустно улыбнулся.— Скорее это росток нового дерева. Но кто поручится, что это не побег, которому предстоит отмереть?

Они замолчали.

Каратианин смотрел вниз, где журчала невидимая в ночных сумерках река.

— Будущее покажет,— сказал он наконец.— Чтобы не стоять на месте, надо двигаться вперед. Даже совершая ошибки.

КАРАТ. ВЕСЫ ДЛЯ СОЦИУМА

Медленно они прошли по коридору. У одного из красочных панно Худов остановился. На панно была изображена группа каратиан, устремляющихся от опаловой капли планеты к скоплению звезд.

— Странная картина,— пробормотал командир «Урала».

Строгов услышал его.

— Это не картина,— сказал он.— Это проект.

Они двинулись дальше.

На маленькой веранде у освещенного столика неподвижными тумбами стояли два каратиана. Стол представлял собой доску, расчерченную ромбами, которые к краям стола выравнивались в правильные квадраты. Худов заинтересованно остановился. Каратиане держали над столиком расставленные веером щупальца, время от времени поворачивая их в различных плоскостях. Манипуляции каратиан приводили к тому, что на клетках доски вспыхивали нежно-голубые и розовые искры, выстраивающиеся в диагонали или линейные цепочки. При соприкосновениях цепочек разных цветов на доске возникали фонтаны искр и в воздухе стоял резкий запах озона. Цепочки исчезали, а игроки начинали свою игру заново. Иногда кто-то из них выигрывал и на табло, установленном на столике, загорались многозначные цифры.

— Что это?

— Игра,— однозначно сказал Строгов, с видимым интересом наблюдая за позициями на доске.

— Для меня это слишком сложно? — хмыкнул звездолетчик.

— Это сложно для любого каратианина. Для землянина эта игра вообще недоступна. Вы слишком медлительны для нее.

Худов промолчал.

Они снова двинулись по коридору.

— Просмотрел вас Техком,— подумал вслух звездолетчик.

— На Карапе подобрался коллектив единомышленников, и это позволило нам сохранить тайну. Мы понимали, что Техком наложит запрет на разработку, едва только узнает о ней.

— Жаль, что своевременно не узнал.

— Неделю назад на Кольцо ушла первая группа,— сообщил каратианин.— Полагаю, что освоение Кольца уже началось.

— Исторический день?

— Для нас? — уточнил Строгов.— Пожалуй. Но разве для Федерации это не будет событием?

— Для жителей Федерации вы уже оказались событием,— сообщил Худов.— И событием тревожным. Группа ваших первопроходцев посетила Землю. Никто из них не удосужился сообщить о событиях на Карапе. На Земле некоторые решили, что началось массовое вторжение Инеразума.

Каратианин остановился.

— А я еще думал, почему Эвервиль включил в первую группу уроженцев Земли,— прогудел он.— Досадный промах. Мы этого не учли. И что на Земле?

— О реакции Федерации вы можете судить по телеграмме, что принятая пространственной станцией Карапа. Увлекшись перестройкой, вы несколько запустили свои общественные дела.

— Спасибо,— поблагодарил Строгов, продолжая движение.— Твоя информация уже доведена до всех жителей Карапа.

— Телепатия? — Худов даже приостановился.

— Не совсем так, но похоже. Ты не волнуйся, наша беседа конфиденциальна,— сказал каратианин.— И мысли твои я не читаю, мне это не под силу.

Они опять замолчали, и молчание это было достаточно долгим, чтобы каждый успел подумать о своем.

— Хотел бы я знать, что вы сохранили в себе от человека,— подумал вслух Худов.

— Все,— сказал Строгов.— Даже память, какую бы боль она нам ни причиняла. Не считай нас за бесчувственных антробиоров, это лишь внешняя схожесть. Может ли знать воробей, каково на душе у аиста?

— Трудно представить,— отозвался Худов.— Честно говоря, я не вижу в тебе человека. Я вижу в тебе чужака.

— Это первое впечатление. Ко всему непривычному можно привыкнуть. Когда ты улетаешь?

— Завтра. Я задержался всего на сутки, чтобы увидеть тебя.

— Ты меня увидел,— сказал каратианин.— И что ты испытал? Отвращение? Удивление?

— Скорее страх,— признался Худов.

— Почему же страх?

— Ты не понял? Мы все — земляне, каратиане, альярцы — все мы составляем единое человечество, ставшее галактическим. Мы живем не только рядом, но вместе. И вдруг я увидел вас — изменившихся и оттого удаляющихся.

«Как ему объяснить,— с отчаянием подумал Худов.— Я никак не могу четко сформулировать свои мысли. С появлением внеземных поселений история человечества стала историей Мира, в котором рождение и смерть звезд, движение планет имеют значение для развития общества.

История прошлого была историей человеческих войн, смерть в ней шла рука об руку с научными открытиями. История галактического человечества стала историей Вселенной, и виток развития в ней обусловливается не войной Карла Великого с сарацинами, не походами Александра Македонского против персов, но борьбой человечества за каждый мегаметр пространства, обусловлен каждым новым открытием, позволяющим человечеству лучше осознать свое место в Мироздании. Несомненно, что каждая планета Федерации уже имеет собственную историю, собственных гениев, но все они до сих пор вливались в единую культуру и историю человечества, превращаясь из маленьких планетных речушек в стремительный галактический поток.

В истории земного человечества были гении, которые вошли в пантеон галактической культуры: Аристо-

тель и Сократ, Маркс и Ленин, и Спартак, и Ньютон, и Менделеев, Гете и Бах, Моцарт и Сунберн, Уитмен и Шекспир, и Пушкин, и Маяковский, и Толстой, и Кеплер, и Галилео Галилей, и Джордано Бруно, и тысячи других гениев Земли вышли вместе с человечеством в галактический мир, чтобы навсегда заселить его. Музыка Чайковского и Бетховена звучала под изумрудными небесами Кассиды, в пепельно-серых ущельях Троньери и над океанами Нереиды. Расселились среди звезд академические Рафаэль и Риньери, темпераментный Пикассо, блестящий Гоген, фантастический Джанини, задумчивый Ренуар. Вместе с первоходцами в гермокуполах на опасных планетах селились и жили Гарибальди и Че Гевара, Корчагин и Овод, неугомонный Д'Артаньян и насмешливо простодушный Гулливер, педантичный Робинзон и Прекрасная Незнакомка, и превратившийся в миф Геракл, и сотни других, пришедших из глубины веков и вставших над пропастью, чтобы защитить человеческое в человеке, вставшем на звездный путь.

Культура — это нервная система человечества. Мы все думаем, как изменится человек, выйдя на просторы Галактики. Разделится ли человеческая культура на десятки многопланетных культур, связанных между собой лишь общностью земных корней, или сумеет сохранить свою целостность? Самая главная задача человечества — не распасться на группку изолированных миров, связанных между собой лишь общими задачами галактической экспансии и обменивающихся добытыми знаниями.

Главное — оставаться вместе».

Худов обрадовался, поймав наконец то, что ускользнуло от него весь разговор.

«Чем дальше мы уходим к звездам, тем больше мы должны думать о Земле...»

Серое существо слушало его не перебивая.

— Ты прав, что перестройка организма неизбежно повлечет за собой и социальные изменения, — сказал Строгов. — Они уже начались, и мы не в силах остановить их. Мы приобретаем свободу действий, и в этом наше преимущество. Будет ли это преимущество значительнее наших потерь? Но смысл в движении, я уже говорил это. Время покажет, что мы потеряли, делая этот шаг.

— Жена с тобой? — спросил Худов и тут же пожалел о своем вопросе.

КОЛЬЦО-21, 754-Й ЛОКАЛЬНЫЙ ДЕНЬ.
НЕОЖИДАННОСТЬ.

— Идет! — напряженным голосом сказал Линьков.

Ионобуер завис в пространстве, помигивая бортовыми огнями, и к нему медленно приближался «псевдокальмар».

Группа контакта находилась в ионобуере. Нервы всех были напряжены, и волнение каждый пытался скрыть за шуткой.

«Псевдокальмар» приближался. Идин, уже обласканный в скафандр, стоял в шлюзе, ожидая команды. Ему передали дешифратор.

— Оружие? — спросил Линьков.

— Спайдер у вас. — Идин скрывал волнение.

— Будь осторожен. — Линьков выразительно глянул на товарища.

— Все будет нормально.

Люк бесшумно закрылся за контактером. Линьков торопливо вернулся к пульту.

Красно-белый скафандр Идина показался в открытом космосе. Сверкнула вспышка двигателя, и скафандр начал медленно удаляться от ионобуера в направлении терпеливо ждущего «псевдокальмара».

— Максимум внимания! — приказал Линьков. — Генрик в зоне Контакта.

Мгновения казались наблюдателям вечностью. Внезапно прозвучавший голос привел людей в замешательство.

— Здравствуйте, братья! Земляне Каата приветствуют вас!

За спиной Линькова кто-то негромко хмыкнул.

— Что он мелет? — недоуменно спросил Линьков. Вопрос его повис в напряженной пустоте.

— Просим извинить нас за то, что мы своевременно не поставили вас в известность о проводимых работах...

— Бред! — Линьков откинулся в кресле, ошеломленно вглядываясь в изображение на экране.

— Меня зовут Эли Брайан, — прозвучало в динамиках.

— Его зовут Эли Брайан! — Линьков повернулся к товарищам. — Попробуй догадайся, что его зовут Эли Брайан!

В салоне ионобуера грохнул взрыв облегченного хохота, но мгновением позже люди снова замолчали, напряженно глядя на обзорный экран.

От Кольца приближались стремительные серебряные точки. Автомат дал максимальное увеличение, вынося в нижнюю часть полиэкрана встретившихся в пустоте человека и «псевдокальмара», и люди узнали в приближающихся к ионобуеру существах таинственных Лебедей, встретившихся человечеству на Кассиде четырнадцать лет назад и канувших в звездном скоплении Арка.

КАРАТ. ВЕТВЬ РОДА

Равнина была залита светом миллионов звезд.

Райан уже совершил оборот вокруг планеты, и его огромный серп снова подымался над горизонтом предвестником грядущего дня.

Откуда-то сверху доносилась странная музыка, показавшаяся вначале спейсеру Худову безобразной какофонией. Постепенно его ухо начало улавливать в лавине рушащихся с неба звуков музыкальные отрывки потрясающей красоты. Музыка была непривычной человеческому уху. Ее было трудно воспринимать и одновременно хотелось слушать.

Музыка оборвалась, и Худов вытер лицо.

— Ты устал,— сказал каратианин.— Тебе надо отдохнуть.

— Да,— послушно отозвался капитан.— Мне действительно необходимо отдохнуть. Утром я улетаю.

— Тебе трудно среди нас?

— Что ты,— усмехнулся звездолетчик.— Я уже привык.

— Помнишь Полынь?

Полынь... Планета призраков, превращавших людей в дым. Механизм призраков остался загадкой для землян, они поторопились покинуть планету, потеряв на ней треть экипажа крейсера Дальней Разведки. Тогда еще Худов служил на «Саматлоре». Ему ли было забыть Полынь?

— Сейчас бы этого не произошло,— сказал Стров.— Любой из нас легко обнаружил бы призрака и справился с ним.

— На Кольце вам это пригодится, проворчал Худов.

— Мы — люди,— сказал каратианин.— Это главное, что вам предстоит понять. Мы — люди, сконструировавшие себя. Обойдя запреты Техкома, мы создали свою плоть. Перед нами открылись новые горизонты. Главное не в том, чтобы любой ценой оберегать

человеческое в человеке. Главное в том, чтобы сохранить в человеке разум и дать ему возможность для дальнейшего совершенствования.

— Это для философов,— устало отозвался Худов.— Найдется кому объяснить раскол человечества естественными и неизбежными причинами. Но что остается простому человеку?

Он ночевал в Городе.

Гостиница была пуста, и он сам выбрал себе комнату.

Остаток ночи Худов не спал. За окнами шла непонятная ночная жизнь планеты. Начался планетный водосброс. Океан исторгал в атмосферу огромное количество воды, и толстые струи бежали по стеклам. Капитан знал, что не убедил каратианина, как Строгов не убедил его самого. Возврата не будет. Карат больше не является составной частью Федерации, он стал миром нарождающегося Инеразума. Каратианам предстояло подниматься на свою вершину. «Это тупик,— в который раз подумал спейсер.— Уйти из общего потока — значит идти в никуда».

Но что-то не давало ему покоя. Он представил себе поколения каратиан, пересекающие космические просторы без кораблей, живущих там, где невозможно жить человеку, видящих то, что никогда не увидят люди. Он увидел вдруг, как разрастается этот кипучий, полный жизненных сил муравейник, осваивающий Вселенную с куда меньшими затратами, нежели это делали люди, и почувствовал нечто вроде зависти.

Эти непонятные ему игры и соревнования каратиан, странная игра цветов в паукообразном шаре, проекты, напоминающие живописные полотна, путешествия среди звезд — все это представилось сейчас Худову началом новой нарождающейся еще культуры.

Но сердце не принимало рассуждений. Оно яростно отвергало соблазны и требовательно задавало одинединственный вопрос: неужели следующий виток развития обязательно должен быть таким жестоким?

Капитан покидал Город на рассвете, когда багровый диск Рубиона поднялся над горизонтом и мир плыл навстречу дню в алой реке зари. Худов не стал дожидаться Строгова. Им больше не о чем было говорить.

Начала зеленеть трава. Из лопающихся коконов вылетали в небо фантастические бабочки. В розовое небо тянулись клейкие нити будущих лесов.

Ракета была в переплетениях высохшей травы,

которая рассыпалась в прах от легкого прикосновения. Медленно и неохотно ракета устремилась туда, где в космической высоте ожидал человека спейсрайдер.

Худов получил от диспетчера координаты полетного коридора и расчетную точку ухода в тахиомир, называемую тахиардом. Диспетчер дежурно пожелал капитану счастливого пути.

Странные чувства испытывал спейсер Худов, покидая Карат. Сомнения мучили капитана.

Некакие запреты уже не могли изменить сложившееся положения.

Новый путь? Начало витка развития?

Человек всемогущий, пловцом пересекающий звездные реки, неутомимый, неуязвимый, великий... Заманчиво это было, чертовски заманчиво! И форма была здесь совсем ни при чем, все определялось содержанием.

Но именно к содержанию капитан испытывал недоверие.

Выходя в точку тахиарда и готовясь покинуть систему, капитан Худов в последний раз увидел Карат.

Нежной опаловой каплей планета висела в пространстве. Из многих виденных капитаном планет она, несомненно, была самой красивой. Худову показалось, что он видит звездочки каратиан, устремляющихся от планеты к звездам. Но это было всего лишь фантазией капитана — с расстояния, которое отделяло корабль от планеты, увидеть что-то было невозможно.

Под безоблачной чистой атмосферой планеты вытягивалась к звездному свету новая ветвь рода человеческого.

Капитан Худов дал бы многое, чтобы увидеть плоды, которые на ней вызреют.

СОДЕРЖАНИЕ

КРАСНЫЙ РАССВЕТ	3
РЕЗЕРВАЦИЯ	49
ЛЕБЕДИ КАССИДЫ	99

Литературно-художественное издание

Синякин Сергей Николаевич

ЛЕБЕДИ КАССИДЫ

Повести

Для старшего возраста

Редактор *Л Т Клосс*

Художник *Н Н Погохин*

Худож редактор *Т В Давыдова*

Техн редактор *В И Фишер*

Мл редактор *Т А Андреева*

Корректоры *Т У Климова, Э С Долгилевич*

ИБ № 1229

Сдано в набор 24 05 90 Подписано в печать 08 01 91
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2 Гарнитура
Литературная Печать высокая Усл печ л 9,24 Усл кр отт
9,66 Уч изд л 9,59 Тираж 100 000 экз Заказ 112
Цена 40 к

Нижне-Волжское книжное издательство
400066, Волгоград, ул Советская, 4

Типография издательства «Волгоградская правда»
400066, Волгоград Привокзальная площадь

40 к.